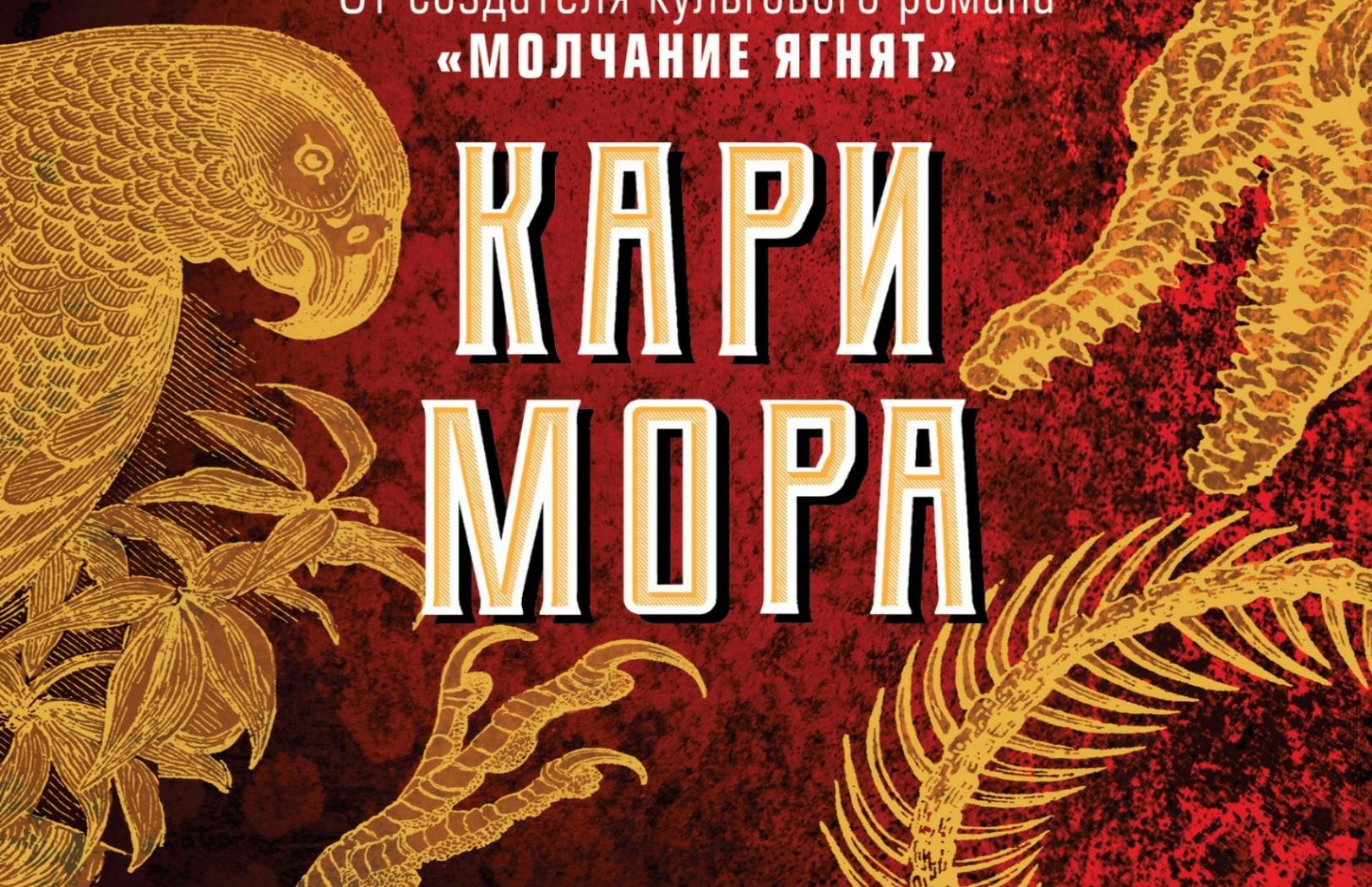

ТОМАС ХАРРИС

От создателя культового романа
«МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ»

КАРИ МОРА

Annotation

Роман, который Томас Харрис писал последние 13 лет, скрываясь от людей в своем роскошном особняке и не издав за это время ни строчки. История противостояния хитрого и извращенного убийцы – и красивой, но очень опасной женщины. История зла, жадности и темной одержимости. Два мира, две судьбы... Он – коварный и безжалостный убийца, торговец живым товаром. Она – беженка из охваченной гражданской войной страны. Он – богатый подпольный делец, никогда не упускающий своей выгоды. Она – бедная смотрительница пустующего особняка на побережье Майами-Бич, заботящаяся о своей тяжело больной тете. Он не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей корыстной цели. Она не остановится ни перед чем, чтобы сохранить жизнь и спокойствие себе и своим близким. Он умеет убивать. Она умеет убивать. Они не искали встречи друг с другом – но теперь их интересы пересеклись, и в живых останется сильнейший...

- [Томас Харрис](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
-

Томас Харрис

Кари Мора

*Посвящается
Элизабет Пейс
Барнс,
моему
неиссякаемому
источнику любви
и жизненной
мудрости*

Thomas Harris
Cari Mora

Copyright © 2019 by Thomas Harris. This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA. All rights reserved

Иллюстрация на переплете Design by Tal Goretsky

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Посреди ночи переговариваются двое. Между ними – ровно одна тысяча сорок миль. У каждого полголовы подсвечено мобильником. Две призрачные половинки лиц общаются во тьме.

– Я могу попасть в дом, где, ты говоришь, это лежит. Выкладывай остальное.

Ответ едва слышен сквозь потрескивание помех.

– Ты пока заплатил всего четверть от обещанного. *Пф-пф*. Отправляй остальные деньги. Давай отправляй. *Пф-пф*.

– Хесус, если теперь я найду то, что мне надо, без твоей помощи, ты вообще больше ни хрена от меня не получишь.

– Вот тут-то ты прав! Просто не представляешь, как прав. *Пф-пф*. То, что тебе надо, лежит на пятнадцати кило «Семтекса»... если ты найдешь это без моей помощи, то просто на Луну улетишь. И тебя там по ней размажет.

– У меня длинные руки, Хесус^[1].

– С Луны не дотянешься, Ганс-Педро.

– Меня зовут Ганс-Петер, как тебе известно.

– Меня не интересуют твои паспортные данные. Руки, говоришь, длинные? Тогда до своей кубышки точно дотянешься. Хватит уже время тянуть. Отправляй бабло.

Соединение обрывается. Оба лежат, уставившись во тьму.

Ганс-Петер Шнайдер – на койке своего длинного черного катера неподалеку от Ки-Ларго. Он прислушивается к женским всхлипам из треугольной носовой каюты. Передразнивает их. Он вообще в этом деле мастер. С его губ срывается голос собственной матери, зовущий девушку по имени.

– Карла? Карла? Почему ты плачешь, детка? Это всего лишь сон!

На миг, отчаявшаяся от страха и темноты, она обманута, но тут же раздражается еще более горькими слезами.

Женский плач – лучшая музыка для Ганса-Петера; послушав его, он успокаивается и опять засыпает.

* * *

В Барранкилье, Колумбия, Хесуса Вильярреала немного успокаивает только тихое шипение респиратора. Он вдыхает кислород из маски. В темноте ему слышно, как пациент из общей палаты за стенкой взывает к Богу, кричит: «Господи Иисусе!»

Хесус Вильярреал шепчет во тьму:

– Хотелось бы мне, чтобы Бог слышал тебя сейчас не хуже, чем я. Но лично я в этом сильно сомневаюсь.

Вызывает справочную со своего одноразового мобильного, получает номер школы танцев в Барранкилье. Стягивает кислородную маску вбок, чтобы поговорить.

– Нет, уроки танцев меня не интересуют, – произносит он в трубку. – Мне сейчас вообще как-то не до танцев... Я хочу поговорить с доном Эрнесто. Да ладно, прекрасно вы его знаете! Просто передайте ему, как меня зовут, он поймет. *Пф-пф.*

Глава 2

Под журчание воды вдоль длинного черного корпуса катер Ганса-Петера Шнайдера медленно скользил мимо огромного домины на берегу залива Бискейн^[2].

Ганс-Петер не сводил бинокля с девушки, которая, в пижамных штанах и майке, потягивалась на террасе в раннем утреннем свете. Звали девушку Кари Мора, возраст – двадцать пять лет.

– Моя богиня! – проговорил он, оскалась и обнажая по-собачьи длинные зубы с серебряным покрытием.

Ганс-Петер высок, бледен и совершенно лишен волос. Даже ресниц – и тех нет, поэтому веки оставляли на линзах бинокля жирные следы. Он протер окуляры льняным платком.

Рядом с ним переминался агент по недвижимости, Феликс.

– Да, это она. Кто за домом присматривает, – сказал тот. – Знает его до последнего закоулка, лучше любого другого, так что вполне можно ее использовать. Вызнай у нее все, что надо, и я по-быстрому ее оттуда солью. Пока она не увидела то, что ей видеть не полагается. Чтобы зря время не тратить.

– Время, – проговорил Ганс-Петер. – Время. Сколько еще действует текущий договор аренды?

– Еще две недели. Он на одного мужика, который снимает рекламные ролики.

– Феликс, мне нужны ключи от этого дома. – Ганс-Петер говорит по-английски с ощутимым немецким акцентом. – Причем прямо сегодня.

– Ну да: ты влезешь туда, что-нибудь произойдет, и все сразу поймут, что это я тебе ключи дал! И все шишки на меня! – Феликс расхохотался, но собеседник его не поддержал. – Слушай, я сегодня же схожу к арендатору, попрошу его округлиться. Лучше тебе прийти туда днем, с людьми, спокойно все обсудишь. Сам знаешь, что это за домик. Просто жуть берет. Я уже четырех сторожей поменял, пока эту телку не нашел. Остальным, видите ли, страшно.

– Хорошо, Феликс, дуй к съемщику. Предложи ему денег. В пределах десяти тысяч. Но ключи давай прямо сейчас, иначе в пять секунд окажешься за бортом.

– Если ты с этой сучкой что-нибудь сделаешь, она тебе не помощник, – сказал Феликс. – Ночью она всегда там. Страховая требует – по пожарной

безопасности. Днем иногда в других местах подрабатывает. Подожди немного, лучше в дневное время заглянешь, когда ее не будет.

– Я просто хочу осмотреться. Она и не просечет, что я в доме.

Ганс-Петер еще раз изучил Кари сквозь стекла бинокля. Она как раз приподнялась на цыпочки, чтобы наполнить птичью кормушку. Да уж, такими телками тоже разбрасываться не стоит... Очень интересные шрамы – знающие люди хороших денег дадут. Пожалуй, всю сотню тысяч можно заработать. Это будет, так-так... тридцать пять миллионов четыреста тридцать три тысячи сто восемьдесят четыре мавританские угии. Есть в Нуакшоте один клубешник – «Грот Акрота», они как раз на всяких уродствах специализируются... И это только когда все руки-ноги на месте и без татуировок. Если не гнать и доработать ее под требования клиента – какого-нибудь любителя ампутантов, – то, пожалуй, и побольше выйдет. Тысяч сто пятьдесят. Впрочем, кошкины слезки. В этом доме золота на двадцать пять – тридцать миллионов долларов припрятано.

Укрывшаяся на деревце плюмерии по соседству с террасой птичка запела песенку, которую выучила в Колумбии и принесла с собой на север в Майами-Бич.

Кари Мора сразу узнала характерный голосок странствующего дрозда, обитающего в двух тысячах миль отсюда. Пела птичка хриловато, но с большим энтузиазмом. Улыбнувшись, Кари прервала свое занятие, чтобы еще раз послушать хорошо знакомую с детства песенку. Присвистнула птичке. Та свистнула в ответ. Кари пошла обратно к дому.

На катере тем временем Ганс-Петер протягивал руку за ключами. Феликс положил их ему на ладонь, стараясь не касаться ее пальцами.

– Двери на сигнализации, – предупредил он. – Но на двери солярия сигналка вырубилась, ждем запчасти. Это та дверь, которая с южной стороны дома. У тебя есть отмычки? Ради всего святого, поцарапай как следует вокруг скважины перед тем, как открывать ключом, и подбрось отмычку на крыльцо – на случай если что-то вдруг все-таки пойдет наперекосяк.

– Только ради тебя, Феликс.

– Не слишком-то удачная мысль, – вздохнул тот. – Если чего-нибудь с ней сделаешь – так ничего и не узнаешь.

* * *

Подойдя к своей машине, оставленной на парковке яхтенной гавани, Феликс вытащил из-под коврика в багажнике одноразовый мобильник, припрятанный рядом с домкратом и инструментами. Набрал номер школы танцев в Барранкилье, Колумбия.

– Нет, сеньор, – прошептал он в трубку, хотя вокруг не было ни души. – Я протабанил его с арендным договором, сколько смог. У него для таких вещей собственный адвокат, и он меня в итоге раскусит. И дом получит. Вот и всё. Нет, он знает не больше нашего... Да, у меня уже есть депозит. Спасибо, сеньор, я вас не подведу.

Глава 3

В дневное время Кари действительно не сидела без дела. И больше всего ей нравилось работать на Станции морских птиц, расположенной на Пеликан-харбор, где ветврачи при помощи волонтеров ухаживали за попавшими в беду птицами и морскими животными. Там на Кари лежала обязанность поддерживать порядок в помещении медпункта и в конце рабочего дня стерилизовать инструменты. Кроме того, иногда на пару с двоюродной сестрой доводилось готовить и подавать закуски на борту большого экскурсионного катера, принадлежащего станции.

Кари всегда приходила пораньше, чтобы можно было самой поработать с животными и птицами. На станции ей выдали полную униформу медсестры, и она с удовольствием ее надевала – еще один повод почувствовать себя настоящим медиком.

Ветеринары давно поняли, что на Кари можно целиком и полностью положиться – с птицами она обращалась ловко, осторожно и бережно. Вот и сегодня, под наблюдением доктора Бланко, Кари зашивала кожистый мешок под клювом белого пеликана, порванный рыболовным крючком. Работа эта тонкая и кропотливая – шить требовалось аккуратно, слой за слоем, пока птица дремала под газовой анестезией.

Увлеченно работая иглой, Кари чувствовала полное умиротворение. Не то что в детстве, когда прямо на поле боя приходилось наспех делать крупные «матрасные» стежки, накладывать импровизированные жгуты или затыкать сквозные раны грудной клетки первой попавшейся тряпкой, а то и просто рукой, разрывая зубами индивидуальный перевязочный пакет.

В конце дня все еще сонного пеликана отправили в вольер для выздоравливающих, а доктор Бланко и все остальные разошлись по домам.

Кари вытащила из морозильника «органическую» крысу (никакой химии, поставляющий корм питомник это гарантировал) – пусть оттает, – освежила воду в поилках вольеров и клеток и принялась надраивать операционную.

Когда там воцарился образцовый порядок, а все инструменты были простерилизованы, она открыла бутылку тамариндовой колы и, прихватив размороженную крысу, направилась к затянутым стальной сеткой вольерам.

В одном из них, высоко на жердочке в дальнем углу, восседала большая ушастая сова. Кари просунула крысиную тушку сквозь крупную ячею сетки в узенький ящичек кормушки, прикрыла глаза и постаралась

услышать приближение совы, прежде чем щеки опухнет воздух от ее огромных крыльев. Большая птица никогда не садилась – сразу хватала угощение одной из когтистых лап и моментально взмывала обратно на жердочку, где, пугающе разинув клюв, поглощала крысу одним неуловимым глотком.

Большая ушастая сова относилась к постоянным обитателям станции. Выпускать на свободу ее было нельзя, поскольку некогда в результате столкновения с линией электропередачи она осталась без глаза и охотиться уже не могла, хотя летала по-прежнему уверенно. Эту сову прекрасно знали во всех местных школах, где она регулярно красовалась на уроках биологии, прикрыв свой огромный глаз и невозмутимо подремывая под любопытными взглядами сотен школьников.

Кари уселась на перевернутое ведро, прислонившись спиной к сетке, под неусыпным взором олуши в вольере напротив. Той тоже не так давно довелось оказаться в роли ее пациента, и работа оказалась не проще, чем с пеликаном, – плавательная перепонка на одной из лап птицы была чем-то разрезана, и Кари осторожно зашила ее мелким стежком, как ей показали ветеринары.

В яхтенной гавани по соседству намечалось оживление – в иллюминаторах зажигались огни, на палубах стали появляться теплые парочки, с камбузов потянуло съестным.

Каридад Мора, дитя войны, всегда мечтала стать ветеринаром. В Соединенных Штатах она жила уже девять лет, на основании все того же зыбкого статуса «временной защиты», и при нынешнем довольно кислом отношении к мигрантам этот статус мог быть снят абсолютно в любой момент по первому же капризу какого-нибудь государственного чиновника.

Пока против «понаехавших» еще окончательно не ополчились, Кари успела получить здесь некий эквивалент аттестата о среднем образовании, к которому потихоньку подсунула лицензию санитарки, полученную на родине после краткосрочных, всего шестинедельных курсов. Богатый жизненный опыт, конечно, тоже не стоило сбрасывать со счетов. Но чтобы учиться дальше, требовались бумаги получше. «Мигра» – иммиграционно-таможенная полиция – следила за такими вещами крайне бдительно.

В быстро тускнеющих тропических сумерках она села в автобус, направляясь обратно в огромный дом на берегу залива. Когда добралась до дверей, уже практически стемнело, на фоне тускнеющего заката пальмы казались совершенно черными.

Еще немножко посидела у воды. Ветерок с залива в тот вечер был полон призраков – нес тени мужчин и женщин, парней и девушек,

мальчишек и девчонок, которые выжили или умерли у нее на руках, пока она пыталась залатать их раны. Одни, хватая воздух ртом, все же преодолели смерть; другие, конвульсивно содрогнувшись, обмякали навсегда.

Бывали вечера, когда этот ветерок легонько касался ее воспоминанием о нежном поцелуе, о взмахе щекотнувших лицо ресниц, о сладком дыхании на шее.

Иногда то, иногда это, но ветер всегда был чем-то полон, всегда нёс что-нибудь с собой.

Кари сидела во дворе, слушая лягушек, под застывшими взглядами лотосов, внимательно наблюдавших за ней с поверхности декоративного пруда. Подняла взгляд на круглый вход домика для совы, который соорудила из старого деревянного ящика. Никто оттуда так и не выглянул. Мерцали лишь крошечные глазки древесных лягушек, втихоря подглядывающих за ней из полумрака.

Попробовала насвистеть песенку дрозда. Никто не отозвался. Заходя в дом в то давящее время суток, когда в очередной раз оказываешься за столом в одиночестве, Кари опять ощутила пустоту в сердце.

Изначально домом владел Пабло Эскобар^[3], но сам он никогда тут не жил. Молва сходилась на том, что купил он его для своей семьи – на случай если его вдруг экстрадируют в Соединенные Штаты.

После смерти Эскобара дом регулярно становился объектом внимания юристов. На протяжении долгих лет он перевидал множество плейбоев, простофиль и спекулянтов недвижимостью – самонадеянных скоробогачей, которые покупали его после очередного судебного решения и какое-то время держали за собой, пока дело опять не откатывалось назад, все в тот же суд по делам о банкротстве. А в доме всё продолжали накапливаться «игрушки» предыдущих хозяев, свидетельства несбывшихся амбиций, в основном из киношной области: реквизит, фигуры киношных чудищ в угрожающих позах – тянущихся друг к другу, замахивающихся, делающих выпады... Были здесь портновские манекены, старые афиши, музыкальные автоматы, реквизит из фильмов ужасов, замысловатая мебель для порносцен... В гостиной стоял чуть ли не самый первый электрический стул из Синг-Синга, на котором казнили троих; напряжение в нем последним регулировал сам Томас Эдисон – незадолго до того, как казнить электротоком Топси, цирковую слоницу, дабы продемонстрировать убийственную силу переменного тока^[4].

Череда загорающихся и потухающих окон показывала продвижение

Кари между манекенами и притаившимися киношными чудищами во главе с семнадцатифутовой Матерью Чужих с планеты Зорн, пока она не добралась до своей спальни на самом верху. Наконец погас и этот последний огонек.

Глава 4

С полученными от Феликса ключами Ганс-Петер Шнайдер мог забраться в дом в Майами-Бич абсолютно в любой момент – чего до смерти хотелось. Ну, а эта красотка, Кари Мора, пусть и дальше дрыхнет у себя наверху.

Ганс-Петер расположился в жилом отсеке никак не отмеченного складского ангара на берегу залива Бискейн, неподалеку от старой Тандербот-элли^[5], что в Северном Майами-Бич. Большой черный катер он пришвартовал у крытого пирса, примыкающего к ангару. Сидел голый на табурете в самом центре душевой, выложенной кафельной плиткой, под тонкими тугими струями воды, бьющими в него из стен со всех сторон, напевал с немецким акцентом: «Я пою под дождем, а я пою под дождем... И радость, и счастье пусть пле-е-щутся в нем!»^[6]

Поглядывал на собственное отражение в стеклянной стенке машины для «жидкой кремации», в которой растворял Карлу – не оправдала девчонка надежд, заработать на ней не удалось, пришлось списать.

В облаках пара, окутывающих душевую, его отражение напоминало старинный дагерротип. Приняв позу роденовского «Мыслителя», он поглядывал на себя уголком глаза. В пропитанном влагой воздухе витал ощутимый запах щелока.

Да, забавно наблюдать за собой в роли отражающегося в стекле «Мыслителя», когда за этим стеклом, в баке, кости Карлы начинают выступать из бесформенной массы, в которую щелочная вода успела превратить большую часть ее тела. Машина с хлюпаньем болтала едкую жидкость взад и вперед. Рыгала, пускала пузыри.

Ганс-Петер очень гордился своей машиной для «жидкой кремации». Пришлось основательно раскошелиться, поскольку сейчас это – последний писк моды среди завятых поборников охраны окружающей среды, борющихся с выбросами окиси углерода. Машина не оставляла и следа от них. Да и вообще никаких следов не оставляла, раз уж на то пошло. Если какая-то девица не оправдывает надежд, если толку для бизнеса от нее ноль, всегда можно попросту спустить ее в канализацию – причем без всякого ущерба для грунтовых вод. Сама собой родилась рекламная песенка-экспромт: «Все проблемы Ганс-Петер разрулит на раз! Все проблемы Ганс-Петер сольет в унитаз!»

Впрочем, кое-какой прок от Карлы все-таки был – Ганс-Петер слегка с

ней поразвлекся, да еще и удалось успешно продать обе ее почки.

Он млеет в упоительном тепле, которое машина распространяла по душевой, хотя температуру в баке со щелочной водой специально поддерживал не слишком высокую – градусов семьдесят по Цельсию, чтобы продлить процесс и удовольствие. Завороженно наблюдал, как плоть медленно отделяется от скелета. Ганса-Петера всегда тянуло в тепло, как рептилию.

Поразмыслил, что бы надеть для вылазки в дом. Плотно обтягивающий тело белый латексный комбинезон, который недавно удалось умыкнуть у кого-то из участников слета фанатов «фэнтези» – просто улет, но скрипит, зараза, когда ляжки на ходу трутся друг о друга. Нет. Нужно что-то черное, свободное и обязательно без застежек-«липучек» – на случай если он вдруг решит раздеться, глядя на спящую в доме Кари. И еще на смену надо что-нибудь прихватить – мало ли, вымажется, негоже ходить мокрым и липким. Плюс не забыть бы еще любимую узорчатую фляжечку с отбеливателем – будет чем уничтожить следы ДНК, если до этого дойдет. И портативный металлоискатель.

Теперь он напевал уже другую песенку, по-немецки – простецкую народную «Капуста со свеклой прочь меня прогнали» – ту самую, что Бах использовал в одной из своих «Вариаций Гольдберга».

Просто здорово, когда такой кураж! Когда впереди – тихий, спящий, ничего не подозревающий дом. И упоительная перспектива пощекотать страшного Пабло в его инфернальном сне...

* * *

У ограды огромного домины Ганс-Петер оказался около часа ночи. Луна сияла на всю катушку, на освещенной ее белесым светом земле лежали тени пальм – черные, как кровь. Когда ветер шевелит их крупные листья, эти тени напоминают человеческие фигуры. А иногда одна из таких теней – действительно человеческая. Ганс-Петер выждал очередной порыв ветра и двинулся сквозь мешанину теней, накрывшую лужайку.

Дом до сих пор излучал дневное тепло.словно какой-то огромный теплый зверь, когда приваливаешься к нему боком. Прижавшись к стене, Ганс-Петер впитывал это тепло, приятно расходящееся по всему телу. Представил себя новорожденным кенгуренком, который упорно лезет из материнского живота в теплую уютную сумку.

Дом был погружен во тьму. Сквозь тонированное стекло террасы ничего не видно. Некоторые защитные ставни опущены – такие в здешних краях на случай ураганов. Ганс-Петер вставил в замок отмычку, подергал ею в скважине, чтобы оставить царапины.

Потом медленно вставил в замок полученный от Феликса ключ. Приятный холодок по коже. Очень интимный момент – прижавшись к теплому дому, вставляя ключ в замок. Под зубцами уходящего в цилиндр ключа тихонько потрескивали внутренние штифты – словно насекомые, когда он еще раз навестил ту оставленную в лесу женщину. Мертвую уже несколько дней и потрясающе теплую – теплее живой под горой копошащихся личинок.

Овальная головка ключа уткнулась в замок. Вошел до упора. Вот так же до упора он войдет в нее, если все-таки решит подняться наверх. Останется в ней до тех пор, пока она не станет слишком холодной. Жалко, что остынет она быстрее, чем этот дом, до сих пор теплый после дневного солнца. При работающем кондиционере надолго она теплой не останется – даже если он прижмется к ней всем телом и накроется всеми найденными одеялами. Они всегда в конце концов остывают. Становятся ледяными и липкими.

Впрочем, нет нужды принимать решение прямо сейчас. Лучше просто следовать сердцу. Ха, интересно, получится ли устоять против зова сердца? Кто победит – голова или сердце, когда они начнут выяснять, кто тут главный? «Получай, Сердце!» «Н-на тебе, Голова!» Бум, бум! Будем надеяться, что она хорошо пахнет. «Капуста со свеклой прочь меня прогнали...»

Когда он повернул ручку и толкнул дверь от себя, тихонько зашуршал уплотнитель, защищающий порог. Крошечный металлоискатель – из тех, что строители используют для поисков скрытой проводки и металлического крепежа, – он заранее примотал скотчем к носку туфли. Если под ковром упрятан мат с датчиками, подсоединенный к сигнализации, полезная штука сразу об этом предупредит. Прежде чем наступить на ковер террасы-солярия всем своим весом, Ганс-Петер осторожно поводит над ним ногой, после чего двинулся в прохладную тьму за дверью – подальше от теней на лужайке и луны, греющей затылок.

Вдруг – какая-то возня и шуршание в углу у него за спиной.

– Какого хера, Кармен? – хрипло спросил птичий голос.

Пистолет Ганса-Петера был уже у него в руке – даже сам не понял, когда успел его вытащить. Застыл на месте, немного постоял, не двигаясь. Птица возилась в клетке, прыгая по жердочкам и что-то бормоча.

На фоне лунного света за окнами – силуэты манекенов. Не пошевелился ли какой-нибудь из них? Ганс-Петер медленно продвигался между ними в темноте. Выставленная гипсовая рука задела его за плечо.

«Оно здесь. Оно здесь. Золото – здесь! *Est ist hier!!!*» В этом нет никакого сомнения. Если у золота есть уши, оно обязательно услышит его, если он позовет его отсюда, стоя в гостиной. Зачехленная мебель, зачехленный рояль. Ганс-Петер прошел в бар с бильярдным столом, завешанным простынями до самого пола. Ледогенератор с грохотом вывалил в лоток очередную порцию льда, и он резко пригнулся – выжидая, прислушиваясь и напряженно думая.

Вся инфа о доме – у девчонки. Она может рассказать много чего полезного. Для начала надо все это вызнать, прежде чем предпринимать что-то еще. Заработать на ней можно и позже. За труп выйдет выручить от силы несколько тысяч, но даже для этого придется морочиться – упаковывать в сухой лед, перевозить...

Короче, нет смысла пока ее дергать, но тогда, на террасе, его к ней так потянуло, он так размяк, что жутко хотелось посмотреть на нее спящую! Не заслужил, что ли? Иногда надо не только о деле думать. Можно просто побрызгать ей на простыни, на руки в шрамах, не более. Ну, и на сонные щечки заодно тогда уж. Чисто символически. Может, немножко и в уголок глаза затечет... Приветик! Это чисто для подготовки к слезам, которые его скоро наполнят.

Тихо зажужжал прижатый к ляжке телефон, поставленный на вибрацию. Покопавшись в кармане, он извлек его, посмотрел на эсэмэску от Феликса, и настроение подскочило еще выше. Текст гласил:

«Есть! Я уговорил его прервать аренду за 10 шт., пообещал на будущее хорошие скидки. Завтра можно заключать новый договор. Въезжай хоть сейчас».

Ганс-Петер присел на ковер возле задрапированного бильярдного стола и набил несколько эсэмэсок – пальцем, который про себя именовал «цинковым»^[7]. Ноготь на указательном пальце был искривлен – из-за того же генетического расстройства, по причине которого у него не росли волосы. Про «цинковый палец» он успел узнать, прежде чем его выперли с медицинского факультета по соображениям морального характера. К счастью, отец на тот момент уже не был способен задать ему за это хорошую трепку. Ноготь был острый; им очень удобно очищать безволосые носовые ходы, столь подверженные грибкам и спорам, а также пыльце колючего амаранта и сурепицы.

* * *

Кари Мора вдруг проснулась в полной темноте, сама не зная почему. Дело ведь было не в лесу, где она всегда рефлекторно просыпалась, заслышав во сне любой тревожный шорох. Не поворачивая головы, обвела взглядом большую спальню. Все маленькие огоньки умиротворяюще светились – блок питания телевизора, термостат, часы, – но вот индикатор панели сигнализации горел почему-то не красным, а зеленым.

Пробудил ее коротенький писк, когда кто-то внизу отключил сигнализацию. А теперь огонек на панели еще и мигал, показывая, что кто-то этажом ниже прошел мимо датчика движения.

Натянув тренировочную фуфайку и штаны, Кари достала из-под кровати бейсбольную биту. Телефон, нож и газовый баллончик с останавливающим репеллентом – инструкция обещала, что он даже медведя отпугнет, – уже лежали в карманах. Выйдя в коридор, она подошла к лестнице и, нагнувшись, крикнула вниз:

– Кто там? Лучше прямо сейчас же отзовитесь.

Секунд пятнадцать – ничего. Потом снизу донесся ответ:

– Это Феликс.

Кари закатила глаза к потолку и лишь что-то прошипела сквозь зубы.

Включила свет, стала спускаться по закручивающейся спиралью лестнице^[8]. Биту она прихватила с собой.

У самой нижней ступеньки стоял Феликс, под одной из киношных фигур – зубастым космическим чудищем с планеты Зорн.

Вроде не пьян. Оружия в руках нет. Шляпу, правда, не снял, войдя в дом.

Кари остановилась в четырех ступеньках от него, чтобы не чувствовать на себе его свиних глазок. И на том спасибо.

– Неплохо было бы сначала позвонить, а уже потом заваливаться посреди ночи, – заявила она.

– У меня съемщики нарисовались, в самый последний момент, – отозвался Феликс. – Киношники. Хорошо платят. Они хотят, чтобы ты осталась, потому что ты знаешь дом. Может, и что-нибудь из еды приготовить понадобится, пока не знаю. Так что я тебе еще и приработку подкинул – не забудь потом отблагодарить. Подбросишь мне что-нибудь, когда они с тобой рассчитаются. У этих киношников денег куры не клюют.

– А что за кино?

– Не знаю. Мне как-то по барабану.

– И ты сообщаемшь мне все это в пять утра?

– Люди платят, хозяин – барин. – Феликс пожал плечами. – Они хотят попасть в дом еще до рассвета.

– Феликс, посмотри-ка на меня. Если это порнуха, то сам знаешь, что я на это отвечу. Если это так, я немедленно уйду.

После того как на противоположном краю страны, в округе Лос-Анджелес, приняли закон под названием «мера Б», требующий использования презервативов при эротических съемках, производители порнофильмов стали дружно переезжать в Майами, где никто не препятствовал их свободе самовыражения.

У Кари уже были проблемы такого порядка с Феликсом.

– Не, не порнуха. Это типа «реалити чего-то там». Им понадобятся розетки на двести двадцать^[9] и огнетушители. Ты ведь в курсе, где все это искать?

Вытащив из внутреннего кармана пиджака изрядно помятое разрешение на проведение съемок, выданное властями Майами-Бич, он потребовал у нее рулон скотча, чтобы прилепить его на воротах.

Через пятнадцать минут Кари услышала подходящий с залива Бискейн катер.

– Огни на причале не включай, – распорядился Феликс.

* * *

Перед общественным взором Ганс-Петер большую часть времени исключительно чист и безгрешен – если случайный знакомый что от него и уловит, то разве что запах хорошего одеколона. Но когда Кари пожимала ему руку в кухне, то сразу учуяла исходящий от него запах серы. Словно от горячей деревни, дома которой полны мертвецов.

Ганс-Петер заметил, как затвердела ее ладонь, и улыбнулся своей волчьей улыбочкой.

– Как общаться будем – по-английски или по-испански?

– Как хотите.

Чудовища сразу чувствуют, что их раскрыли, – примерно как гомики, скрывающие свою ориентацию. Ганс-Петер уже привык к реакции отвращения и страха, когда поведение его выдавало. Лучше всего, конечно, когда такая реакция переходит в судорожные мольбы более быстрой смерти... Некоторые распознавали его сущность быстрее остальных,

тревожный гудочек в голове звучал почти сразу.

Кари просто смотрела на Ганса-Петера. Не моргала. В непроницаемо черных зрачках ясно читалось: девочка далеко не проста.

Ганс-Петер попытался разглядеть в них собственное отражение, но, к своему большому разочарованию, ничего не увидел. «Хороша! И не думаю, что она про это знает».

После мгновения мечтательности в голове опять сам собой зародился короткий куплет: «Глаза твои – как бездна, затягивают вниз. Сломить тебя непросто, но тем и слаще призыв». А потом и по-немецки можно будет попробовать, с «*hörig*» вместо «сломить» – будет больше похоже на «поработить». Положить на мотив «Капусты со свеклой». Петь под душем. Может, и ей самой, если вдруг придется отправить ее на переработку – когда она сама будет молить об очищении.

Но в данный момент требовалось, чтобы она действовала по доброй воле. Представление начинается!

– Вы тут уже давно работаете, – начал он. – Феликс говорит, что вы отличный работник, знаете этот дом как свои пять пальцев.

– Пять лет уже за ним приглядываю. Чиню, если что поломается.

– Бассейн не течет?

– Нет, там всё в полном порядке. Можете пойти освежиться, если хотите. Питание там с отдельного щитка с автоматами, он на стене оранжереи.

Стоящий в углу человек Ганса-Петера, Бобби-Джо, не сводил глаз с Кари. Даже в тех культурах, где пристально разглядывать посторонних людей не считается чем-то неприличным, взгляд Бобби-Джо сочли бы крайне неприличным. Глаза у него были оранжево-желтые, как у некоторых черепах. Ганс-Петер взмахом руки подозвал его к себе.

Подойдя, Бобби встал слишком близко от Кари.

Ей была хорошо видна надпись «По самые помидоры!», косыми сиреневыми буквами наколотая у него сбоку на шее, под начинающим отрастать тюремным ежиком. На пальцах – буквы «LOVE» и «НАТЕ»^[10], на тыльной стороне руки – «Мануэла». Из-за непропорционально маленькой головы ремешок бейсболки затянут чуть ли не до упора и торчит далеко вбок. Кари при виде этого выступающего хвостика сразу кольнуло воспоминание о чем-то нехорошем – мелькнуло и тут же пропало.

– Бобби-Джо, волокни все тяжелое в павильон у бассейна, – распорядился Ганс-Петер.

Когда Бобби проходил мимо Кари, то якобы невзначай мазнул ей по ягодицам тыльной стороной руки. Она дотронулась до перевернутого

латинского креста Святого Петра, свисающего с шеи на четках.

– Электричество и вода по всему дому включены? – продолжал расспросы Ганс-Петер.

– Да, – кивнула Кари.

– А есть двести двадцать?

– Есть. В прачечной и прямо за кухонной плитой. Еще в гараже зарядка для гольф-карта с двухсотдвадцативольтовой розеткой, над ней на крючке – два удлинителя. Пользуйтесь красным, черный не трогайте. На черном кто-то зубец заземления обломал. Рядом – два двадцатиамперных предохранителя. В павильоне у бассейна тоже надо автоматы включить.

– А есть план дома?

– Архитектурный план и схема проводки – в библиотеке, в низеньком шкафчике.

– Сигнализация подключена к центральному офису или напрямую к полиции?

– Нет, она тут отдельная – просто к сирене на улице. Четыре зоны, двери и датчики движения.

– Еда какая-нибудь в доме есть?

– Нет. А вы здесь и питаться собираетесь?

– Да. Кое-кто из нас.

– Ночевать тоже будете?

– Пока не закончим работу. Некоторые и есть, и спать будут здесь, в доме.

– Еду тут вообще-то развозят. Передвижные закусочные. Тут на улице кое-где строят, так что они обслуживают рабочих. Неплохо кормят. Особенно в начале недели. Вы услышите – они сигналият, когда приезжают. Лично мне больше по вкусу «Комидас Дистингидас»; еще «Братья Салазар», говорят, тоже хорошая фирма. Последняя съемочная группа как раз у них питалась. У них на фургоне сбоку «Горячие закуски» написано. Могу дать их телефон, если вы хотите, чтобы они сюда специально заезжали.

– Я хочу, чтобы это вы нас обслуживали в плане кормежки, – сказал Ганс-Петер. – Сможете покупать продукты и один раз в день готовить плотный перекус? Ничего сервировать не надо, сгодится что-нибудь вроде шведского стола или буфета. Я хорошо заплачу.

В деньгах Кари всегда нуждалась. И на кухне чувствовала себя как рыба в воде, готовила быстро и аккуратно, как и все беднячки, сумевшие заполучить в Майами работу в домах богачей.

– Смогу. Считайте, что насчет готовки договорились.

С простыми работягами Кари тоже приходилось иметь дело – еще девчонкой-подростком она, начиная готовку чуть ли не с полуночи, часами стояла в подрезанных джинсах за прилавком передвижной закусочной, обслуживая роящихся вокруг плотников. Дела шли в гору. По опыту Кари, большинство мужчин, занимающихся тяжелым физическим трудом, – народ добросердечный и даже любезный. Просто вечно голодный, причем ко всему.

Но вид бригады Ганса-Петера из трех человек ей решительно не понравился. Натуральные уголовники, с грубыми тюремными татуировками, наколотыми машинкой из электрической зубной щетки и чернилами из жженой резины. В павильон у бассейна они затащили тяжеленный сверлильный станок с магнитной станиной и два отбойных молотка – и только одну-единственную кинокамеру.

Женщины, работающие в сфере обслуживания, которым приходится иметь дело с сомнительными компаниями, отлично знают правило номер один – чем больше, тем безопасней. Как правило, если в такой компании более двух мужчин, то цивилизованность берет верх. Они не станут лезть к женщине, если только алкоголь не ударит им в голову. Но эта компания выглядела куда сомнительней обычного. Они тарасились на Кари, когда она повела Ганса-Петера к электрическим будкам, установленным в узком проходе между декоративной живой изгородью и высокой стеной, ограничивающей участок. Кари чуть ли не наяву слышала их мысли: «Хором ее, хором!» Но присутствие поблизости Ганса-Петера беспокоило ее даже больше этих придурковатых взглядов.

За живой оградой Ганс-Петер повернулся к ней лицом. Широколицый и улыбающийся, он напоминал белого горностаю.

– Феликс сказал, что поменял четырех сторожей, прежде чем нашел вас. Все остальные боялись тут оставаться, всех этих жутковатых игрушек... А вам что, не страшно? Интересно было бы знать почему.

«Не ведись на него, не отвечай», – подсказывал ей инстинкт.

Кари пожала плечами.

– За продукты надо заплатить вперед.

– Я потом возьму, – сказал он.

– Мне нужны деньги прямо сейчас. Я серьезно.

– Да уж видно, что вы серьезная личность... По-моему, вы из Колумбии – у вас такой приятный испанский... А как вам удалось остаться в США? На основе «обоснованных опасений»? Иммиграционная служба повелась на ваши обоснованные опасения?

– Пожалуй, двести пятьдесят долларов на продукты пока хватит, –

сказала Кари.

– Обоснованные опасения, – повторил Ганс-Петер, с наслаждением разглядывая ее лицо и воображая, как боль исказит его черты. – Все эти штуки в доме, весь этот реквизит из ужастиков не пугает вас, Кари. И почему, спрашивается? Да просто вы понимаете, что это не более чем продукт воображения простых обывателей, вздумавших напугать других обывателей, так ведь? Вы ведь видите это, Кари? Понимаете разницу? Вы ведь умеете отличать истину от выдумки – понимаете, что такое «истина»? *Las verdades, la realidad?* Как вы этому научились? Где вам доводилось видеть что-то действительно страшное?

– В «Пабликсе» продают неплохие чулеты^[11], и мне надо еще предохранителей купить, – произнесла Кари и оставила его стоять под паутиной за живой изгородью.

– В «Пабликсе» продают неплохие чулеты, – произнес Ганс себе под нос голосом Кари. Имитировать голоса он был действительно мастер, иногда это даже пугало.

* * *

Кари отвела Феликса в сторонку.

– Феликс, я здесь на ночь не останусь.

– Но страховая... – начал было тот.

– Тогда сам здесь оставайся. Места навалом. А я займусь готовкой.

– Кари, да говорю тебе...

– А я тебе говорю. Если я останусь, обязательно случится какая-нибудь хрень. А тебе не понравится то, что произойдет потом, и им тоже.

Глава 5

– Дон Эрнесто хочет знать, что творится в старом доме Пабло, – объявил Капитан Марко. – Когда можно будет проверить?

Ранним утром Марко и еще двое сидели на рабочей площадке стоянки для маломерных судов, под огромной крышей открытого спереди лодочного эллинга. Ветерок трепал флаги на грузовых теплоходах, пришвартованных по берегам Майами-ривер. Катер Капитана Марко со скрипом терся о пирс, заваленный крабовыми ловушками.

– Могу заглянуть вместе с садовниками в семь утра, если у Клаудио тачка заведется, – отозвался Бенито. – По договору они хошь не хошь раз в две недели должны нас туда пускать – ветки упавшие убрать, травку постричь...

Бенито – старый, морщинистый. Только глаза светятся по-юношески. Толстыми, как бананы, пальцами он достал жестянку с табаком «Баглер», аккуратно и ловко свернул сигаретку, закрутил кончик и прикурил от кухонной спички, которую зажег о ноготь.

– Хесус Вильярреал божится, что золото там, в доме, – продолжал Капитан Марко. – Будто бы он сам привез его туда по приказу Пабло, на своем траулере, в восемьдесят девятом. Дон Эрнесто говорит, что съемочная группа, которая сейчас в доме, – это фуфло, им просто надо было в дом как-то попасть.

– Да уж, на море Иисус был как рыба в воде, все входы и выходы знал. – Бенито кивнул. – А я-то думал, его уже и в живых нету, как и Пабло... Думал, что вообще все уже давно в могиле, только я один и остался.

– Да ты еще сам кого угодно в могилу загонишь! – хохотнул Антонио, подливая старику в стакан из стоящей на столе бутылки. Сам Антонио еще молод, ему всего двадцать семь, – ладный крепыш в обтягивающей футболке с логотипом фирмы по обслуживанию бассейнов.

Трое собравшихся под крышей эллинга приглядывали за обстановкой в Майами по поручению своего наставника из Картахены, хоть это и не было их основным занятием. У всех были одинаковые татуировки, только в разных местах. Татуировка изображала колокольчик, прицепленный на рыболовный крючок.

Ветер нес над водой музыку из ресторана, расположенного дальше по реке, где-то под зубчатым силуэтом Майами на горизонте.

- И кто это туда втерся? – поинтересовался Антонио.
- Ганс-Петер Шнайдер со своими братками, – отозвался Марко.
- Встречал я этого Ганса-Петера Шнайдера... – проговорил Бенито. – Видел его когда-нибудь? Только посмотришь, и сразу ясно: больной на всю голову. Конченный отморозок.
- Он из Парагвая, – сказал Марко. – Говорят, очень опасный тип.
- Он и сам так считает, – кивнул Бенито, убирая жестянку с табаком в большой отвислый карман на груди своего рабочего комбинезона. – Сам видел, как он так вот запросто прострелил одному парню задницу – тот залез в дом Пабло на окраине Боготы, а Ганс-Петер как раз сам там шарил, деньги искал. Полный псих.
- У него тут бизнес, – поделился сведениями Антонио. – Без дела не сидит. У него парочка борделей в Майами – мотель «Рыбка» и еще один, возле аэропорта, – плюс в интернете сайт с девками вживую, что-то вроде видеочата. На самом пике у него было два реально крутых бара – «Теплое местечко» и еще один, назывался «Конгресс». Правда, с ними он погорел по-глупому – в отделе здравоохранения как-то прознали, что они там номера с телками наверху обслуживали, и округ отобрал у него лицензию на спиртное. «Мигра» пыталась прижать его за поставку девочек и мальчиков из-за границы... Так что теперь он формально не при делах, будто и нету его вовсе. Но все равно регулярно всплывает то тут, то там, и бабло у него водится.
- Антонио частенько рыбачил с молодыми ребятами из полицейского управления, так что всегда был в курсе подобных вещей.
- Он опрокинул в рот остатки из стакана.
- Завтра после восьми могу заглянуть в бассейн – типа он якобы течет. Можно потянуть время, повозиться, сколько надо.
- А кто там командует от агентства по недвижимости? По-прежнему Феликс?
- Бенито кивнул.
- Тот еще гусь этот Феликс... Между прочим, панамка, в которой он на работу ходит, стоит пятьсот пятьдесят долларов плюс НДС – как тебе? Единственный плюс, что он там особо ни во что не вникает. А вот девчонка в этом доме реально классная. Просто чудо, а не девчонка.
- А то, – подтвердил Антонио.
- Нечего ей там делать, раз уж этот Ганс-Петер Шнайдер туда втерся.
- Я говорил с ней по телефону, на ночь она не останется, – сообщил Антонио.
- Все равно плохо, что она вообще Шнайдеру на глаза попалась, –

вздыхнул Бенито.

– Пойдешь туда завтра, – резюмировал Капитан Марко. – Я со своими ребятами выйду в залив на лодке около девяти, будем ставить крабовые ловушки. Сделаем вид, что запутали снасти, поболтаемся напротив. Будут проблемы, Бенито, сними шляпу и обмахивайся, типа тебе жарко. Тогда подгребем поближе. Если совсем припечет – якобы случайно сбей ее с головы. Вмиг подскочим, если понадобится. Как услышишь, что обороты на лебедке сбросили – значит, мы наготове. Только не лезем на рожон, ребята, дон Эрнесто просто хочет знать, что творится в доме.

На западе, где-то над болотами Эверглейдс, громоздились грозовые тучи, внутри которых пульсировали молнии. Силуэт Майами на востоке сверкал в закатных лучах, словно айсберг.

У самого борта краболовного катера в гавани вынырнула самка ламантина^[12], отфыркалась. Прислушалась к тихому посапыванию детеныша, который появился на поверхности следом. Довольная услышанным, опять погрузилась в воду и исчезла из виду.

Глава 6

Рано утром Бенито в компании приходящих садовников был уже на месте. Он как раз пропалывал сорняки вдоль самого уреза воды, когда услышал приближающийся с залива Бискейн экскурсионный катер. Старик быстро стрельнул взглядом на террасу второго этажа. Бандюган Умберто в черной майке, обтягивающей его выпирающую мускулатуру, тоже услышал звук мотора. В тот момент он затаскивал на террасу пыльную кинокамеру.

Бенито хорошо было видно глушитель винтовки «АР-15», торчащий дюйма на два над перилами. Старый садовник только покачал головой: «Ох уж эта молодежь! Какая беспечность! Хотя нет, что тут брюзжать по-стариковски? Дело не в молодости Умберто – он просто по жизни тупой, и никогда из этого не вырастет».

– Рефлектор не забудь! – крикнул Феликс накачанному балбесу откуда-то изнутри, из кондиционированной прохлады дома. На голове у Феликса была его знаменитая панама (пятьсот пятьдесят долларов плюс НДС), на самом деле изготовленная в Эквадоре.

Серо-зеленый залив Бискейн лежал под хмурым, затянутым облаками небом, а за ним возвышались башни центра Майами – всего лишь каких-то четыре мили хода по воде.

Экскурсионный катер был уже в трех участках от дома, двигаясь почти вплотную к берегу, вдоль знаменитого «Миллионерского ряда». Это была здоровенная понтонная лодка – прямоугольная платформа с диванами и креслами под матерчатым навесом, поставленная на цилиндрические поплавки. Из динамиков гремела какая-то разухабистая попса. Экскурсовод, судя по всему, раньше работал ярмарочным зазывалой. Его усиленный микрофоном голос эхом отскакивал от огромных домин на берегу, большинство из которых были уже заколочены на зиму.

– А сейчас слева от вас – дом великого музыкального магната Грини Перди! Приглядитесь как следует и увидите, как солнце отражается от целой стены золотых дисков, украшающих эту скромную берлогу!

Экскурсионная посуда уже почти поравнялась с Бенито. Над фальшбортом были хорошо видны бледные лица туристов.

Гид воткнул музыкальную тему из «Лица со шрамом» и продолжил вдохновенно вещать:

– А теперь трепещите от ужаса! Все эти ободранные зеленые навесы, выцветший конус ветроуказателя, заросшая сорняками вертолетная

площадка, которые вы видите слева от себя, – это дом, некогда принадлежавший Пабло Эскобару! Наркобарону, убийце, миллиардеру, нажившему несметное состояние нечестным путем и застреленному полицией в Колумбии на крыше одного из тамошних домов!.. Никто здесь больше не живет. Дом время от времени сдается для кино съемок, пока его кто-нибудь не купит. Эй, ребята! Да нам, похоже, повезло! Вроде сегодня здесь опять чего-то снимают! А вон и кинозвезда! Видите?

Экскурсовод помахал Бенито. Тот поднял руку и тоже помахал с важным видом. Туристы, конечно, догадались, что никакая он не кинозвезда. Мало кто махнул ему в ответ.

Чуть дальше на зеленой поверхности моря двигалось суденышко Капитана Марко, сбрасывая в воду крабовые ловушки. Тарахтение его дизеля иногда заглушало восторженные вопли гида.

Умберто на террасе ослабил на камере какую-то барашковую гайку, потом туго закрутил ее опять – изображал бурную деятельность.

– Крышечку-то с объектива сними, балда! – воззвал из приятной прохлады дома Феликс, поправляя двухсотдолларовые темные очки. – Будь победительней!

– Можете купить дом Эскобара, если есть желание, – продолжал гид со скользящей мимо понтонной лодки. – Всего-то двадцать семь миллионов долларов, и он ваш. А теперь мы приближаемся к роскошному дому знаменитого фотографа Лесли Малленса!!! Вон он, четвертый по счету. «Вокруг света восемьюдесятью способами» – припоминаете? А по иронии судьбы, его ближайший сосед – Элтон Флит, телепроповедник и святой целитель, число адептов которого исчисляется миллионами по всему миру! Чудотворные сеансы исцеления в прямом эфире, которые он проводит из своего Собора-под-Пальмами, стяжали ему...

Экскурсионная посудина продолжала медленно продвигаться вдоль берега, и голос гида понемногу стихал.

Дом Эскобара тем временем сотрясся от отбойного молотка, загрохотавшего в подвале. С нижней террасы полетела пыль. Ящерицы быстро юркнули в ближайšie трещины.

Старик Бенито очень надеялся, что Кари Мора появится из дома. Было бы здорово увидеть ее, посмотреть на нее, услышать ее голос.

Пузыри на поверхности бассейна показывали, что Антонио, нацепив акваланг, по-прежнему шарит по дну, якобы отыскивая место утечки. Его присутствие еще больше утвердило Бенито в мысли, что Кари вот-вот появится. И впрямь – через несколько минут она действительно вышла из дома, одетая в мешковатый медицинский костюм, которые носят врачи и

медсестры.

В руках у Каридад Мора были два запотевших стакана холодного чая, и – ЕСТЬ! – один из них она вручила Бенито. Он с удовольствием вдохнул ноздрями исходящий от нее чудесный аромат, смешавшийся с ароматом добавленной в чай мяты. Приподнял шляпу. Шляпа, увы, тоже пахла, так что он поскорей нахлобучил ее обратно.

– *Hola*^[13], сеньор Бенито, – произнесла она.

– *Mil gracias*^[14], сеньорита Кари. Чудесно выглядите сегодня. Впрочем, как и всегда.

«Ничего удивительного, что ее двоюродная сестра завоевала титул «Мисс Гавайские тропики», причем не где-нибудь, а в пафосном Никки-Бич-клубе, – подумалось Бенито. – Кари тоже надо было участвовать, она бы там запросто всех за пояс заткнула, если б не шрамы на руках. Хотя что шрамы? Всего лишь черточки на золотисто-бронзовой коже. Скорее экзотика, чем уродство. Как змейки на пещерных рисунках. Опыт нас только украшает...»

Кари улыбнулась ему; Бенито чувствовал, что она видит его насквозь. От ее взгляда даже слегка перехватило в горле – словно чарку крепчайшего рома хватил или забористой травы пыхнул. Так только от взгляда его любимой Люпе перехватывало, сорок лет назад.

Бенито посмотрел ей прямо в глаза:

– Кари?

– Да, *mi señor*?

– Тебе надо быть поосторожней с этой публикой.

Она ответила ему таким же прямым взглядом:

– Знаю. Спасибо, сеньор Бенито.

Кари приостановилась у бассейна, приглядываясь к следу пузырьков на поверхности. Стащила туфельку, опустила ножку в воду и тронула ею голову ползающего по дну Антонио. Тот суматошно высунулся из воды, отфыркиваясь и отплевываясь в притворном испуге, – облепленный мокрой футболкой, под левым ухом болтается черный готический крестик.

Кари поставила стакан на кафельные плитки у края бассейна.

Антонио стянул маску, ухмыльнулся во всю ширь.

– *Gracias, Guapa!!!*^[15] Эй, нам нужно поговорить! Знаешь что? У меня есть билеты на Хуана, в «Хард-рок»! Отличные места! Если ближе, то он выпадет со сцены, заглядевшись на тебя! Концерт, а потом ужин, что скажешь?

Она покачала головой, не успев он еще закончить:

– Нет, Антонио. Куча девушек с радостью примут твое приглашение. А я не могу.

– Но почему?

– Потому что ты женат, вот почему.

– Детка, да какая там жена? Это чисто для грин-карты. Мы даже с ней не...

– Жена есть жена, Антонио. Спасибо, но нет.

Под страдающим взглядом Антонио она направилась обратно к дому.

– Спасибо за чай, *Guapa*, – пролепетал тот.

– Следи за манерами, Антонио! – крикнул ему Бенито издалека. Он улыбался. – Для тебя – принцесса *Guapa*!

– *Discúlpete!*^[16] *Gracias, Princesa Guapa!* – завопил Антонио ей вслед.

Она рассмеялась, но даже не обернулась.

Бенито надолго приткнулся к стакану, потом поставил его на парапет.

«Классно, прямо как молодость вспомнил. Да и чаек отличный».

Позади него в центре бассейна возвышалась гипсовая копия Ники Самофракийской – голова, как и положено, отсутствует, крылья за спиной широко распахнуты. Предыдущий владелец дома был искренне убежден, что приобрел ее в Лувре.

Бенито посмотрел на Нику, задумался.

«Интересно, утратила ли она вместе с головой свое стремление летать или же я до сих пор вижу его в мареве горячего воздуха над обрубок ее шеи? Или, может, оно по-прежнему прячется у нее в сердце – там, где мы храним стремления и мечты? Опять стариковские мысли, ну их в баню... Хотя интересно, Кари до сих пор хранит в своем сердце какие-то мечты после всего, что ей довелось повидать? Мне тоже кое-что довелось повидать. Надеюсь, сердце у нее побольше и повместительней, чем у меня».

В полдень на подъездной дорожке дома появилось уберовское такси – Кари Мора привезла целую гору пакетов с продуктами. Водитель помог ей вытащить их из багажника и поставить на газон. Бенито быстро отложил тляпку и подхватил четыре пакета – на вид самые тяжелые.

– Спасибо, сеньор Бенито, – улыбнулась она.

Вместе прошли через боковую дверь в дом – в солярий с огромным какаду в клетке. Чтобы привлечь к себе внимание, птица перевернулась на жердочке вниз головой и клювом подхватила подложенную в клетку газету, отчего рассыпанные по ней семечки и шелуха посыпались на пол.

Бенито и Кари занесли продукты в кухню. Там было шумно – шум доносился откуда-то снизу, где работали какие-то электроинструменты. Из

двери прачечной змеился красный удлинитель, пропадая на ведущих в подвал ступеньках. Еще один шнур был воткнут в розетку где-то за кухонной плитой. Бенито захотелось заглянуть в подвал. К стене привалились несколько ацетиленовых баллонов, которые еще не успели спустить вниз. Он поставил четыре пакета с продуктами на кухонную стойку и направился было к открытой двери, чтобы спуститься в подвал, как оттуда вдруг появился Умберто.

– Какого хера ты тут забыл? – рявкнул бугай.

– Продукты принес, – ответил Бенито.

– Вали на хрен отсюда. Посторонним тут нельзя. – И тут же Кари: – Я ведь предупреждал. В дом никого не пускать!

– Я просто принес продукты, – повторил Бенито. – А ты следи за своим поганым языком, тут дамы. Мог бы и сам принести, если силенок хватит.

Не самое разумное замечание. У стариков иногда что на уме – то на языке, и чихать на возможные последствия. Бенито быстро сунул руку в нагрудный карман комбинезона.

Умберто точно не знал, что у него там может быть в кармане. А Бенито вообще-то носил на груди выдавший виды «Кольт» модели 1911A1 – самозарядный пистолет калибра.45, переделанный под более мощные патроны.460 «Роулэнд», подарок любимого племянника, которому надоело пулять из него по арбузам. Бенито всегда держал эту машинку на боевом взводе – просто на предохранителе.

«Дедок-то, похоже, малость с приветом», – опасливо подумал Умберто. Но вслух сказал:

– Посторонним вход воспрещен. Ее могут уволить за то, что она тебя впустила. Хочешь, чтобы я звякнул боссу?

Кари повернулась к Бенито.

– Спасибо, *mi señor*, – произнесла она. – Все нормально. С остальным я и сама справлюсь.

– На первый раз прощаю, – буркнул Бенито прямо в физиономию Умберто и вышел из кухни.

Вдоль причальной стенки, возле которой он ковырялся тяткой в сорняках, волной промчался большой косяк тупомордых каранксов, охотящихся за кефалью. Бенито даже почувствовал их запах и перегнулся через парапет, чтобы посмотреть, как мощные рыбины проносятся мимо, дергая остроконечными раздвоенными хвостами, а рыбки помельче и оставшиеся от них ошметки взлетают в воздух в облачках брызг. С воды поднимался маслянистый запах, похожий на запах мочи. «Прямо как

мы, – подумал Бенито. – Убивают и пожирают друг друга в точности как мы».

Сквозь подошвы башмаков он чувствовал, как в подвале тарыхтит отбойный молоток.

А потом дрожащая земля вдруг подалась под тяпкой, перепутанные корнями комья повалились куда-то вниз. Теперь он смотрел прямо в большую дыру, образовавшуюся в газоне – у самого края круто спадающей в море стенки волнолома. Дыра была размером с его шляпу. Далеко внизу под газоном сквозь нее проглядывала тускло отсвечивающая черная вода, которая вздымалась и опадала в темном подземелье. Он отступил к бетонным плиткам на краю дворика, прислушиваясь к утробному бульканью воды, затягиваемой откуда-то из-под омываемой морем стенки. Дыра источала запахи, вздыхала, отрыгивая вонь протухшего мяса.

Бенито поднял взгляд на верхнюю террасу. Феликс, который делал очередное внушение Умберто, стоял к нему спиной. Бенито быстро выхватил из кармана комбинезона мобильник, включил камеру. Упал на колени рядом с дырой. С удивительным для пожилого человека проворством засунул руку с телефоном в дыру и два раза защелкнул невидимое ему подземное пространство, отворачиваясь от вони.

Феликс по-прежнему что-то вещал на балконе.

Бенито тихонько свистнул Антонио, стоящему возле бассейна. Тот оставил стакан с холодным чаем и отошел от воды. Проследовал за Бенито в закуток за павильоном у бассейна, где возвышались разномастные стопки запасных кафельных плиток, шифера и черепицы.

– Хватай кусок шифера – прикроем эту дыру, и сразу возвращайся к работе, – сказал Бенито.

– Позвонишь Марко? – спросил Антонио. Отвернувшись, он посмотрел на краболовный катер, вырисовывающийся на глади залива. Экипаж открывал бочку с наживкой, и над палубой кружили чайки и пеликаны.

Бенито и Антонио аккуратно накрыли дыру принесенным шифером.

– Иди по бетону, на траву не ступай – может, еще где-то есть пустоты, провалишься, – приказал Бенито. – Двигай обратно к бассейну.

Подхватив горшок с каким-то растением, старый садовник водрузил его поверх шифера. Он уже обкладывал его по бокам землей, когда услышал подходящего сзади Феликса.

– Чё это ты тут, блин, делаешь? – спросил тот.

– Ямку прикрываю, земля немного просела. Сейчас принесем землицы, и...

– А ну дай-ка гляну. Открывай.

Яму почти полностью перекрывали перепутавшиеся корни.

– Млять, – буркнул Феликс и вытащил свой мобильник. – Принеси-ка мне какую-нибудь подушку из бассейна. Да поживей.

Встав коленями на диванную подушку, чтобы не запачкать свои льняные брюки, он просунул руку в дыру и тоже сделал снимок. Затем распорядился:

– Закрывай обратно и горшок сверху ставь.

– Как было? – спросил Бенито.

Феликс засунул телефон обратно в брючный карман и вытащил оттуда еще один недешевый аксессуар – разукрашенный затейливой резьбой пружинный нож, за который некогда выложил четыреста долларов. Выщелкнул лезвие, почистил ногти. Поднял нож повыше и, поглядывая на Бенито, убрал клинок обратно в рукоятку. Другой рукой протянул сложенную стодолларовую купюру.

– *Silencio sobre esto, Viejo. Me entiendes?*^[17]

Бенито посмотрел ему прямо в глаза. Чуть выждал перед тем, как схватить купюру и сжать ее в кулаке.

– *Claro, señor.*^[18]

– А теперь ступай к воротам, помоги им там.

Антонио вытаскивал из своего рюкзака набор красителей, применяющихся для локализации утечек, когда Феликс безапелляционно приказал:

– Собирай манатки и двигай. На сегодня твоя работа закончена.

– Но я еще не определил, где течет!

– Собирай барахло и проваливай. Я позвоню, когда ты понадобишься.

Антонио выждал, пока Феликс не отойдет, и только тогда снял ласты. На подошве ступни у него была татуировка – колокольчик на рыболовном крючке, а рядом – группа крови. Быстро натянул туфли.

А в доме тем временем Кари выпустила большого какаду из клетки. Тот сидел у нее на руке, таращась на ее серьги, когда зазвенел дверной звонок. Она прошла мимо затаенной в чехлы мебели и музыкального автомата к боковому выходу, все еще держа птицу на руке. У двери ее дождался Антонио. Он быстро огляделся по сторонам.

– Послушай, Кари. Тебе надо отсюда уходить. Но пока оставайся внутри. Ничего не замечай. Изображай полную дурочку, пока они сами тебя не прогонят, – слышишь, что я говорю? Если до конца дня они тебя не уволят, заberi эту птичку к себе домой. Скажи, мол, ей пылью дышать

вредно. А дома скажись больной и больше не возвращайся.

– Пощупай-ка это, *Mamacita*^[19]! – хрипло сказала птица.

И тут из-за угла быстро вывернул Феликс, весь в мыле.

– Я же сказал тебе уматывать на хер, двигай отсюда!

Антонио повернулся к нему всем телом:

– И ты этой пастью свою маму целуешь?

– Вали давай, – рявкнул Феликс и, спотыкаясь, бросился дальше, делая вид, будто полностью поглощен возней с мобильником.

Пикап Антонио с эмблемой фирмы по обслуживанию бассейнов стоял бок о бок с фургоном бригады садовников. Трое из них подбирали опавшие пальмовые лапы, четвертый обрабатывал жужжащим триммером края длинной подъездной дорожки. Когда Антонио забросил остатки своего снаряжения в кузов, то увидел стоящую на парадном крыльце Кари. Птица по-прежнему сидела у нее на руке. Улыбнувшись, Кари помахала ему на прощание.

Скрывшись за домом, Феликс потыкал в кнопки мобильного и набрал нужный номер.

Глава 7

Когда Ганс-Петер Шнайдер и Бобби-Джо-Желтые-Глаза на принадлежащем Бобби-Джо пикапе подъехали к дому Эскобара, то обнаружили, что подъездная дорожка перекрыта фургоном садовников. Бобби-Джо это не смутило – он подвез Ганса-Петера к самому крыльцу, проехав прямо по газону и цветочным клумбам.

Пикап у Бобби-Джо – лифтованный, высоко торчащий над землей на раскоряченных колесах, с фальшивым кенгурятником из хромированного пластика и подвешенной к буксирному фаркопу резиновой мошонкой с яйцами. На бампере наклейка: «Если б я знал, что так будет, то сам бы убирал этот долбаный хлопок»^[20].

Феликс уже спешил им навстречу. Сорвал с головы панаму.

– *Patrón*^[21], – почтительно обратился он к Гансу-Петеру.

– Кто это обнаружил? – Тот уже решительно шагал к садику у причала. Из-за жары на нем были легкий льняной костюм и черные сандалии-гуарачи в тон кожаному ремешку наручных часов.

– Старик, который пропалывал сорняки. – Феликс ткнул пальцем в Бенито, который вместе с остальными садовниками убирал инструменты в фургон. – Он ничего не просек, я уже его обработал.

Какое-то время Ганс-Петер внимательно изучал Бенито.

– Показывай эту дыру, – распорядился он наконец.

Подойдя к выходящему на море парапету, Феликс с Бобби-Джо сдвинули шифер в сторону. Ганс-Петер чуть отступил, брезгливо разогнал ладонью воздух перед носом.

Феликс показал Гансу-Петеру фотку, которую сделал, опустив мобильник в дыру. Уже успел перекинуть ее на «Айпэд».

Море, подмывающее стенку, образовало под выходящим на залив двориком полость, которая простиралась чуть ли не до самого дома. Древесные корни свисали с потолка этой подземной пещеры, словно перекоренные перевернутые канделябры. Держался дворик, судя по всему, только на забитых еще при постройке сваях, усеянных шишковатыми наростами. При данном уровне прилива вода не доходила до потолка пещеры примерно фута на четыре. Размыв обнажил останки захороненной под двориком железной баржи-грязнухи – напоминание о землечерпательных и намывных работах, которых много было сделано в свое время по берегам Майами-Бич.

В дальнем конце темной пещеры, до которого едва достала встроенная вспышка камеры мобильного телефона, полого поднимающееся под водой дно образовывало нечто вроде пляжика. На нем проглядывал здоровенный сверкающий куб – габаритами побольше холодильника, едва заметный на фоне фундамента дома. Феликс развел пальцы на экране «Айпэда», увеличивая картинку. Рядом с кубом, у самой воды, лежали человеческий череп и задняя половина собаки.

– Пока мы копались в подвале, море все раскопало до нас, – буркнул Ганс-Петер Шнайдер. – *Gott mit uns!*^[22] Да туда целая тонна золота влезет! Кто еще про это знает?

– Никто, сеньор. Остальные садовники работали у входа. А этот старикан – просто тупоголовый *bracero*^[23].

– Может, это как раз ты тупоголовый... или «ты тупоголов»? Никак не могу запомнить эту английскую грамматику... Попадался мне уже этот старый пень! Задержи его. А остальные пускай домой едут. Скажи старику, что, мол, просим его немного нам пособить. Что сами его потом домой отвезем.

Неподалеку на заливе громко тарахтящий катер по новой ставил краболовный порядок^[24] с начиненными свежей наживкой ловушками – двое матросов, работая в размеренном ритме, с двадцатифутовым интервалом сбрасывали их с кормы в воду.

Капитан Марко в рубке не сводил бинокля с прибрежного садика у дома Эскобара, поэтому сразу засек появление там Ганса-Петера и остальных. Увидел и то, как Феликс с Бобби-Джо привели туда Бенито.

– Родриго, сбрасывай порядок, – распорядился Капитан Марко. Мотнул подбородком на дом: – Тревога, *tuchachos*^[25]. Приготовились! Если Бенито реально припечет, придется гнать на всех парах.

А во дворике тем временем Бенито уже стоял перед Гансом-Петером.

– Я тебя знаю, – сказал тот.

– Все старики на одно лицо, сеньор. А вот я вас пока что не припоминаю.

– Снимай рубаху!

Бенито не повиновался. Вмешались Бобби-Джо, Умберто и Феликс – заломили ему руки за спину и стянули одноразовыми пластиковыми стяжками-хомутами.

– Снимайте, – распорядился Ганс-Петер.

Феликс с Умберто сорвали с Бенито рубашку, выдернув ее прямо из-под лямок комбинезона. Бобби-Джо охлопал его по боковым карманам, но

заглянуть в нагрудный не догадался. Больно ткнул пальцем в потускневшую татуировку, едва проглядывающую на грудной клетке Бенито. В колокольчик на рыболовном крючке.

Ганс-Петер удовлетворенно кивнул:

– Воровская школа «Десять колокольчиков».

– Да молодой был, глупый... Видите, она уже совсем выцвела.

– Феликс, он из дон-эрнестовских, – объявил Ганс-Петер. – И это ты его нанял, Феликс! Бери-ка Бобби-Джо, и отвезите его прокатиться.

С борта крабового катера Капитан Марко увидел, как с Бенито сорвали рубашку, увидел пистолет в руке у Бобби-Джо. Вытащил мобильник.

Антонио, сидящий в кабине рабочего пикапа в полумиле от дома, ответил на звонок.

– Антонио, один из *pendejos*^[26] Шнайдера собирается грохнуть Бенито. Надо его выручать. Я двигаю к причалу – прикрою его на случай, если он спрыгнет в воду.

– Уже еду, – бросил в трубку Антонио.

Он так втопил педаль газа, что старенький пикап жалобно взвыл. Вскоре впереди показалась автобусная остановка, на которой толпились садовники и горничные из окрестных домов. Все терпеливо дожидались неспешного автобуса, чтобы отправиться по домам. Антонио подрулил к ним. Кое-кто из собравшихся сразу его узнал. «Привет, Антонио!»

– *Transporte libre!* – завопил Антонио. – *Voy a transportar cada uno de ustedes a su casa!*^[27] Доставка прямиком до дому! И перекусим заодно! *Vengan conmigo! Vamos a parar en Yumbo Buffet. Podemos comer todo lo que queremos!*^[28] Плюс с собой можно взять! Бесплатная доставка прямо до дверей. Подкрепиться можно прямо по дороге! *Todo libre!!!*^[29]

– Антонио, *no manejas borracho?*^[30]

– Не, не! Я не поддатый. Могу дыхнуть. Ну давайте же, залезайте!

Желающие доехать до дома с комфортом набились в пикап. Двое – в кабину к Антонио, и еще трое в кузов.

– Но сперва надо еще одного человечка забрать, – объявил Антонио.

* * *

Прихватив большую упаковку туалетной бумаги и несколько электрических лампочек, Кари Мора поднялась по лестнице наверх. В

спальнях – полный кавардак, на полу ванной валяются полотенца и распахнутый порножурнал. На единственной заправленной кровати раскиданы комиксы все того же скабрёзного содержания и разобранный на части «АК-47». Между двух снаряженных рожковых магазинов лежит завалившаяся набок жестянка с оружейным маслом, от которой расплывается жирное пятно. Подхватив жестянку двумя пальчиками, она поставила ее на комод.

В этот момент загудел ее мобильник. Звонил Антонио.

– Кари, срочно спрячься где-нибудь. Приготовься сматывать. Они взяли Бенито на мушку. Я еду за ним. Марко подходит с моря, – выпалил он одним духом и отключился.

Кари выглянула наружу в высокое окно спальни. Увидела, как Бобби-Джо тычет в Бенито дулом пистолета.

Хлоп-хлоп, щелк-щелк – и газовая трубка «АК-47» в руках Кари моментально встала на место.

Поставив курок большим пальцем на боевой взвод, чтобы не мешал [\[31\]](#), она одним движением задвинула на место затворную раму с затвором, за ней – волнистую пружину возвратного механизма. Защелкнула крышку ствольной коробки. Передернула затвор, нажала на спусковой крючок, вхолостую щелкнув курком. Вставила рожковый магазин, загнала патрон в ствол.

Готово – на все про все сорок пять секунд. Вернулась к окну. Мушка плавно подкатилась к шишковатому затылку Бобби-Джо. В этот момент въездные ворота начали открываться.

Проехав в ворота, Антонио набрал на мобильнике номер Марко, включил громкую связь и сунул телефон в нагрудный карман. Увидел, как Умберто укладывает в кузов пикапа Феликса три бетонных блока и моток проволоки. Бенито стоял возле пикапа, рядом – Бобби-Джо и Феликс. Руки у старика за спиной – судя по всему, связаны. Антонио подъехал ближе, вылез из кабины и направился к ним.

Заметив набитый народом пикап Антонио, Бобби-Джо потихоньку спрятал руку с пистолетом за спину.

– Эй, Бенито! Здравстье, сеньор! Я ведь вроде обещал отвезти вас домой! – жизнерадостно воскликнул Антонио. – Простите, совсем забыл!

– Мы сами его отвезем, – буркнул Феликс.

Пассажиры Антонио во все глаза наблюдали за происходящим.

– Нет уж, сеньор! – громко объявил Антонио. – Я обещал его супруге Люпе доставить его домой к ужину трезвым как стеклышко!

Набившиеся в пикап покатались со смеху. Разве что один-другой

потом призадумались: как же так, ведь Люпе уже много лет как нет в живых!

– *Sí*, – слышались крики. – *Cierto!* Еще бы! Люпе просто убьет тебя – как и любого, кто поднесет тебе выпить!

Бобби-Джо бочком придвинулся к Антонио и прошипел сквозь зубы:

– Ушлепывай отсюда.

– Хочешь пристрелить меня при свидетелях? Валяй, мудила, – негромко отозвался Антонио.

На крыльце появился Ганс-Петер Шнайдер. Бобби-Джо с Феликсом вопросительно уставились на него. Шнайдер незаметно покачал головой. Феликс зашел Бенито за спину и украдкой перерезал пластиковые стяжки. Ганс-Петер спустился по ступенькам и вручил Бенито увесистую пачку банкнот.

– Вы понадобитесь через две недели, *comprendes?* Тогда еще столько же получите. Не вижу препятствий к нашему дальнейшему сотрудничеству.

Пока Бенито забирался в кузов, пассажиры пикапа возбужденно гомонили.

Антонио опустил голову к телефону в нагрудном кармане:

– Где Кари?

– Уже звонила. Она выйдет черным ходом, заберу ее на причале. Двигай! – отозвался Марко.

Усевшись за руль, Антонио задним ходом покатил к воротам. Выставив вперед ладони, Ганс-Петер успокоил своих людей.

– Пусть едут.

Вооруженная автоматом Кари быстро сбежала вниз по загибающейся винтом лестнице. Никого по дороге не встретила. Вытащила попугая из клетки и посадила себе на плечо.

– Держись покрепче. И оставь в покое мои серьги, – сказала она, пятясь через дворик к морю. Поджидающий ее краболовный катер, подрабатывая двигателем, уткнулся носом в причал так плотно, что трещали доски.

Передав автомат Марко, она перепрыгнула на палубу – попугай суматошно захлопал крыльями. Катер, завывая мотором и баламутя воду, незамедлительно дал задний ход. Марко обводил стволом автомата окна дома, но никто не показывался.

Антонио отъехал от дома, и тяжелые ворота сомкнулись за набитым до отказа пикапом.

– Тебе что, рубаху собаки драли? – обратился к Бенито мужичок, присевший на запасное колесо. – В «Джумбо» тебя в таком виде в жизни не

пустят!

Глава 8

Капитан Марко с Бенито и Антонио опять расположились под крышей все того же открытого эллинга. Площадку освещал единственный прожектор, установленный на высоком столбе. Всего пять минут дождя – и уже пахнет сырой землей. Капающая с карниза вода пробилась в грязи ровную пунктирную линию.

– Думаешь, Феликс – и нашим, и вашим? – спросил Капитан Марко.

Бенито пожал плечами:

– Не исключено. Вроде бы и попросил помалкивать по-человечески, и хороших денег дал, а ножик все равно засветил. Намекнул типа. Хотя по мне, так он может этот ножик себе в очко засунуть. Правда, наверняка у него там такая дыра, что еще и эти его шикарные очки влезут.

– Кстати о дырах, – перебил его Капитан Марко. – Та, что под патио, до самого дома тянется?

– Не знаю, но она очень глубокая. Море копало там, где фэбээровцы не догадались. Слышно, как там вода чмокает, полость где-то под причальной стенкой начинается.

Над голой лампочкой над головами собравшихся кружили большие мотыльки. Один сел на голову Антонио. Почувствовав, как лапки насекомого щекочут лоб, тот смахнул мотылька прочь.

Капитан Марко налил всем понемножку рома и выжал в свой стакан дольку лайма.

– Они там надолго?

– Разрешение на съемки, прилепленное к воротам, выдано на тридцать дней, – ответил Антонио. – На имя какого-то Александра Смута из «Смут продакшнс».

Бенито просто протер лаймовой долькой ободок стакана. Ром был отличный – восемнадцатилетний «Флор де Канья», и вкус выдержанного напитка заставил его на одну счастливую секунду прикрыть глаза. После долгих лет он словно вновь ощутил этот вкус на губах у Люпе, будто бы она вдруг опять оказалась тут, рядом.

Когда все увидели появившуюся из конторы лодочной стоянки Кари, Бенито сразу же приготовил для нее стаканчик рома с лаймом на ободке, а Антонио подтащил к столу еще один плетеный стул. Большой какаду, который по-прежнему сидел у нее на плече, перелез на спинку стула. Кари предложила ему виноградину из стоящей на столе миски.

– Пощупай это, *Mamacita!* – сварливо проговорила птица. Судя по лексикону, предыдущая жизнь у нее была весьма пестрой.

– Ш-ш! – утихомирила ее Кари, поднося к кривому клюву еще одну виноградину.

– Теперь тебе надо держаться оттуда подальше, – сказал Бенито. – Ганс-Петер тебя попросту продаст, ты это понимаешь? Он никогда не поверит, что ты не из наших.

– Знаю.

– Он в курсе, где ты живешь, помимо этого дома?

– Нет, и Феликс тоже.

– У тебя есть где остановиться? – спросил Бенито.

– У меня есть свободная комната, – поспешно встрял Антонио.

– Все нормально. Есть у меня где жить, – ответила она.

Капитан Марко бросил на стол скатанные в рулон строительные планы дома.

– Кари, ты вообще в курсе, что там происходит?

– Они понаделали дыр в стенах и раздолбали весь подвал. Ищут что-то, – отозвалась она. – Хотя нетрудно представить, что именно. Наверняка то же самое, что и вы.

– А ты знаешь, кто мы?

– Думаю, что да. Для меня вы – мои друзья сеньор Бенито, Антонио и Капитан Марко. Мне этого вполне достаточно.

– Так ты с нами? – спросил Марко.

– Пожалуй, что нет, но я хочу, чтобы вы победили, – ответила Кари. – Могу рассказать вам ту малость, которую я знаю, а вы можете не выкладывать свои секреты, которые мне придется хранить.

– Так что ты видела в доме?

– Ганс-Петер Шнайдер пару раз имел разговоры на повышенных тонах по телефону, с каким-то Хесусом. Звонил в Колумбию, по карточке. *Mucha lucha*^[32]. Все твердил: «Где оно?» Потом с металлоискателями весь дом обшарили, от чердака до самого подвала. В фундаменте полно железной арматуры, так что пару раз долбили в этих местах. У них тяжеленный сверильный станок с магнитным основанием и два пневматических отбойных молотка.

– И что ты могла о них подумать после такого погрома?

– Феликс сказал: типа не переживай, вся ответственность на мне, это на меня тут все записано. Я сказала: давай то же самое, только в письменном виде. Он отказался. Видать, увидал, сколько у этого Шнайдера денег. Наличных. Я тоже видела. По мне, так деньги немалые.

– Он тебе тоже заплатил?

– Ой, куда там! Просто размахивал пачкой, а выдал только строго на продукты. У меня тут новая эсэмэска от Феликса. Вот что пишет: «Босс тебя больше видеть не хочет, но ты можешь прийти за деньгами. Или можем отправить тебе их домой, если дашь адрес, или пересечемся где-нибудь при удобном случае...» Ну да, ща, разбежался!

– Кто-нибудь видел, как мы тебя оттуда увезли?

– Не думаю, но точно не знаю. По-моему, все тогда были у ворот.

– И ствол их у нас, – заметил Марко. – Соскучились по нему небось...

Ну ладно, не исключено, что скоро они его опять увидят.

– Пойду я, пожалуй, – сказала Кари.

Антонио поспешно вскочил.

– Погоди-ка минутку, Кари; не знаю уж, куда ты собралась, но давай я тебя хотя бы провожу!

– Там возле причала есть очень удобный диванчик, – заметил Марко, не глядя на них.

Антонио вынес ей ее стакан и вернулся к столу.

– Шнайдеру теперь придется быть поосторожней, – заметил Капитан Марко. – Если *federales* просекут, что он шарит в Майами-Бич, то мигом прижмут к ногтю.

Марко раскатал на столе несколько листов со строительными планами, прижал по сторонам бутылкой рома и кокосовым орехом.

– Адвокат Пабло предоставил этот план городу – несколько лет назад, когда они получали разрешение на переоборудование двора с причалом, – сказал Капитан. – Вот смотрите – это бетонные сваи с поперечными балками. Потому-то всё и не обрушилось, когда вода подмыла дворик. Ты видел фотку, которую сделал Феликс?

– Только мельком, через плечо, – отозвался Бенито. – Он старательно прижимал телефон к своей цыплячьей груди. – У меня вот только такая есть. Хотя чего ты хочешь от обычного телефона-раскладушки?

– Этот ящик, который ты видел, – он большой?

Старый садовник ткнул в план своим толстым пальцем:

– Ящик примерно вот тут. Для масштаба у меня был только череп, да и картинка мутная. Пожалуй, побольше очень большого холодильника. Вроде той здоровенной машины для приготовления льда на рыбном рынке «Касабланка».

– Пещера большая, так что дыра в волноломе тоже должна быть большая, – заметил Антонио.

– Достаточно большая, чтобы вытащить такую машину, как на

рынке? – скептически отозвался Капитан.

– Начо Непри запросто вытащит, со своей большой баржи с мощной лебедкой, – ответил Антонио. – Он лебедкой и краном и посерьезней штуки тягает, все-таки камень возит... Если мы его уговорим.

– Надо посмотреть на ту дыру под причальной стенкой. Какая там глубина во время прилива? – спросил Капитан.

– У самой стенки футов восемь, – ответил Антонио. – Могу заглянуть из-под воды, со стороны залива.

– Катер понадобится?

– Нет, я могу попасть туда с суши, с соседнего участка, где сейчас бассейн делаю. Там будет удобно в воду слезть.

– Завтра высшая точка прилива – за полчаса до заката, – сказал Марко. – Очень удачно. Облачности по прогнозу не предвидится. Лунная дорожка с залива будет им прямо в рожи светить, даже еще и водорослей приливом нагонит. Только не лезь в эту дыру, Антонио. Просто проскользни под травой и загляни внутрь. Баллоны заправлены?

Антонио кивнул и поднялся уходить.

Старый садовник приветственно поднял стакан:

– И да, Антонио. *Gracias*, что подвез.

– *De nada*^[33], – отозвался тот.

– Хотя, должен сказать, кормить всю эту ораву в «Джумбо» стало мне в копейку, – заметил Бенито. – И там пузо набили, и с собой еще взяли... Ни стыда ни совести. Антонио... *escúchame joven*^[34]: будь поосторожней. Бобби-Джо будет тебя искать.

– Если Бобби-Джо действительно такой невезучий, то он меня действительно найдет, – улыбнулся Антонио.

Капитан Марко отправился домой – жил он в скромной квартирке совсем неподалеку от гавани.

Бенито раскочегарил свой старый пикап и тоже двинул до дому. Мусоросжигательную печь на площадке тушить не стали, и на темной земле перед ее приоткрытой дверцей по-прежнему гуляли отсветы пламени.

* * *

Дома Бенито дожидалась его Люпе – вернее, ее бесплотный дух, обитающий в маленьком садике, который она разбила за домом. Он сразу

ощутил ее присутствие, глядя на мигающих в темноте светлячков и светящиеся под лунным светом белые соцветия. Бенито налил стаканчик «Флор де Канья» себе и еще один – для нее. Не спеша выпил оба, сидя в садике вместе с Люпе. Того, что они там были вместе, было для него вполне достаточно.

* * *

Кари и Антонио сидели на старом автомобильном сиденье у самого края причала и смотрели на небо. Откуда-то издалека по воде доносилось глухое уханье басов.

– Чего тебе хочется? – спрашивал Антонио. – Чего бы тебе хотелось иметь?

– Я хочу жить в месте, которое будет принадлежать только мне, – отозвалась Кари, прикусывая ломтик лайма и бросая его обратно в стакан. – В доме, в котором всегда чисто, – до чего только ни дотронешься. Где можно просто ходить босиком, и полы такие, по которым приятно ходить босиком.

– Одна? Сама по себе?

Пожав плечами, она кивнула:

– Если у моей кухни тоже будет хороший дом и если за ее мамой будет обеспечен хороший уход. Я хочу свой собственный дом. Чтобы было так, что закрываешь дверь – и блаженная тишина. Ты сам себе хозяин. Слышишь, как дождь стучит по крыше, и знаешь, что ни капли не протечет тебе на кровать – только цветы в садике вымокнут.

– Ну вот, уже и садик.

– *Sóto no?*^[35] Мне хотелось бы, чтобы было где посадить цветы. И не только цветы. Представляешь: выходишь утречком на воздух, срываешь какую-нибудь зелень – и сразу на кухню. Рыба в банановом листе – обедение! Включаешь в кухне музыку на полную громкость, когда только ни захочется, или даже наливаешь себе стаканчик, пока готовишь, танцуешь у плиты...

– А парень? Разве тебе не нужен парень?

– Для начала я хочу, чтобы у меня была собственная дверь. А дальше, может, я для кого-нибудь ее и открою.

– Представь, что я поднялся к тебе на крыльцо и стучу. Тук-тук, это я, Одинокий Антонио!

– Это ты-то «Одинокий Антонио», Антонио? *Antonio Soltero*?

Ром дарил приятное тепло.

– Нет, я не *Antonio Soltero*. По крайней мере на данный момент. Если я вдруг стану *soltero*^[36], то кое-кому придется покинуть страну. На это я пойти не могу. Я получил гражданство благодаря службе в морской пехоте. Ей его так не получить. Приходится ждать. Мы с ней друзья, и я жду вместе с ней. Мы с ее братом служили вместе. И мы его потеряли. – Антонио похлопал по татуировке в виде глобуса и якоря у себя на руке. – *Semper Fi*^[37].

– Эта, про верность, хорошая. Но ведь у тебя есть и другие татуировки?

– Это ты про «Десять колокольчиков»? Я тогда был совсем пацан. Это совершенно другая школа. Совершенно другие знания. И не в чем мне перед тобой оправдываться.

– Что правда, то правда.

– Я просто вот что скажу: когда все, чем я занимаюсь, будет, типа того, по-честному, то как тебе? Тогда ты меня со своего крыльца так просто не выкуришь.

Со стоящих по берегам реки судов доносилась музыка, там и сям тлели экраны телевизоров. И вдруг посреди всей этой едва различимой какофонии – удивительно красивая тема из «Нарко»^[38]. По воде до них доносился скорее только ритм конги, чем сама мелодия.

У Антонио был голос – как он сам считал, довольно неплохой. Он посмотрел ей прямо в глаза и запел:

Я – огонь, что пылает в груди, Я – прохлада воды на губах. Я как крепость, как башня, как меч, Что целебный источник хранят...

На миг его заглушил теплоходный гудок.

Ты – тот воздух, которым дышу, Свет луны на просторе морском...

Под лунной проплывали тучи, и вместе с ними по реке медленно плыли серые и серебряные пятна. На мгновение показалось, что по ее поверхности можно пройти, не замочив ног.

Из печи вырвался сноп искр.

Кари поднялась и поцеловала Антонио в макушку. Он повернулся было к ней лицом, но опоздал.

– Мне пора домой, *Antonio Soltero*, – мягко произнесла она.

Глава 9

Единственными родственниками Кари в Майами были ее старенькая тетя Шасмин и кузина Хульета со своим маленьким ребенком.

Пока Кари сидела без работы, она жила у них, в муниципальной многоэтажке неподалеку от Клод-Пеппер-уэй в Майами. Мужа Хульеты задержала иммиграционная служба, когда тот, как и положено, совершенно добровольно явился туда для регистрации. Сейчас он находился в изоляторе временного содержания «Кроум», ожидая депортации за выписку необеспеченного чека.

Как и многие жители Майами, которые прибыли в США практически на своих двоих, Кари о подробностях своей жизни особо не распространялась. Только Марко и Антонио было известно, что у нее есть кузина и где та проживает.

Поздно вечером она вошла в здание с черного хода, открыв дверь собственным ключом. Тетя, кузина и ее малышка уже спали. Первым делом Кари проверила, в порядке ли тетя Шасмин, давно прикованная к постели. Заглянула в иссохшее лицо, кажущееся еще более смуглым на фоне белой подушки и простыней. Глаза Шасмин были открыты, и на Кари уставились огромные бездонные зрачки. Они словно затягивали Кари куда-то вглубь. В лице тети она видела смутное сходство с лицом собственной матери, а иногда вдруг узнавала знакомые черты в проносящихся по небу облаках. Ей казалось, что Шасмин пытается поведать ей какой-то секрет, пытается вспомнить что-то важное, чтобы сообщить ей – что-то, что понятно только тем, кто уже достаточно долго успел пожить на этом свете, – хотя Кари прекрасно сознавала, что ни вспоминать, ни рассказывать здесь по сути некому.

Руки до сих пор пахли оружейной смазкой и металлом. Перед тем как подсесть к спящей малышке и прислушаться к ее тихому дыханию, Кари долго оттирала их лаймовым соком и отмывала с мылом. Она уже почти совсем забыла эти запахи и медный привкус войны – словно монетку засунули под язык...

* * *

Когда Кари исполнилось одиннадцать, ее под дулами автоматов

забрали из родной деревни и призвали в РВСК – Революционные вооруженные силы Колумбии^[39].

Там ей дали военную подготовку, сфотографировали в полевой форме юного бойца Новой Колумбии. В обязательном порядке имплантировали под кожу гормональный контрацептив длительного действия и стали использовать там, где требовались ее лучшие качества – проворство, сообразительность и сила. При этом Кари оставалась обычным ребенком среди прочих детей на партизанской базе в глубине лесов, занимающих большую часть колумбийского департамента Какета.

Для самых маленьких поначалу это было нечто вроде летнего лагеря. Офицеры уверяли детей, что те всегда могут вернуться домой, если им не понравится в армии. Но на деле никакой обратной дороги не было.

В свободные от военной подготовки часы они просто играли – дети есть дети. Среди них было много сирот, оставшихся без крыши над головой, которые были бесконечно благодарны за любое проявленное к ним внимание. Когда прекратились авианалеты, по ночам в лагере даже устраивали танцы. Секс между подростками не вызывал у старших особого неодобрения, а вот брак и беременность находились под строгим запретом. Офицеры говорили сопливым девчонкам, что они замужем за революцией.

Многим малолеткам, поступившим из глухих деревушек, музыка и мелькание разноцветных дискотечных огней представлялись настоящим волшебством.

А потом, где-то через месяц, во время одной из таких вот ночных лесных дискотек одна юная пара решила бежать из лагеря. Обоим было по тринадцать лет – и это оказалось уже вторым серьезным нарушением воинской дисциплины, педантично зафиксированное командирами. Патрули перехватили влюбленную парочку прямо на отмели реки Какета, которую те пытались перейти вброд. Держа их в лучах ручных фонарей, дозорные отправили вестового в лагерь. Вскоре весь его личный состав собрался на берегу.

Команданте, сверкая очками, в которых отражался свет фонарей, произнес речь – о том, что в последнее время было уже несколько случаев дезертирства и что пора положить этому конец. Двое подростков ежились в перекрестье направленных на них слепящих лучей – мокрые до нитки, на дрожащих ногах, руки стянуты за спиной белыми пластиковыми стяжками. Под промокшей и прилипшей к телу одеждой девчонки явственно торчал выступающий животик – она была на первых месяцах беременности. На земле рядом с ними валялся вещмешок, набитый едой. Со связанными руками они не могли даже просто прикоснуться друг к другу. Просто

стояли вплотную, прижавшись головами.

Команданте объявил, что дезертирство – наихудший из проступков. Заслуживают ли они наказания? «Судите их сами! – выкрикнул он. – Заслуживают ли они наказания? Они бросили вас и украли вашу еду! Поднимите руки, если вы считаете, что они должны быть наказаны!»

Судя по лесу рук, и взрослые, и большинство юных бойцов считали, что да, нарушители должны быть наказаны. Кари тоже потянула вверх свою маленькую ручку вместе с остальными. Да, они заслуживают наказания! Выпороть их? Оставить без завтрака? Отправить в наряд по кухне вне очереди, в помощь Кари? Команданте повелительно взмахнул рукой. Бойцы столкнули парнишку с девчонкой на отмель и расстреляли. Поначалу стрелки вроде замешкались – никому не хотелось стрелять первым. Команданте прикрикнул на них. Один выстрел, второй... А дальше автоматы загремели практически непрерывно. Дети повалились лицом вниз, потом перевернулись в воде лицом наверх, потом опять лицом вниз, в окружении расплывающегося вокруг них густо-красного пятна, и медленно поплыли вниз по течению. Один из солдат сапогом отпихнул мертвую девчонку, которая зацепилась за корягу. Над их тоненькими запястьями высоко торчали свободные концы белых пластиковых стяжек. Они плыли лицом вниз, бок о бок, и за ними по воде, словно распустившаяся красная шаль, тянулся длинный кровавый след. Кари разрыдалась. Большинство детей тоже визжали и плакали. Из лагеря неподалеку по-прежнему доносилась жизнерадостная танцевальная музыка.

До чего же они тонкие, эти детские руки! До чего же высоко торчали над этими тоненькими запястьями упругие концы стяжек! Когда Кари слышала слово «ужас», перед глазами у нее каждый раз вставала именно эта картина.

Эти одноразовые пластиковые хомуты – вставил хвостик в замок-трещотку, затянул, и уже не снимешь – были тут повсюду, одинаково в ходу и у партизан, и у их основных противников, «парамилитарес» – военизированных ультраправых группировок. Едва ли не у каждого на пояском ремне висели целые связки таких стяжек, чтобы можно было в любой момент связать пленного. Пластик не гниет, и на валяющихся в джунглях скелетах они сразу выделялись своей яркой белизной даже на фоне побелевших костей. Когда Кари вдруг натыкалась в лесу на труп, ее начинало выворачивать наизнанку, и даже не при виде его изъеденного разложением лица или тяжело взлетающих с него грифов, набивших желудки падалью, – ее начинало мутить от одного только взгляда на яркие пластиковые хомуты, охватывающие запястья. Партизан специально учили,

как ими пользоваться – как связать пленного, продевая хвостик стяжки в замок одной рукой, как ослабить замочек, чтобы освободиться, вставив в него простенькую отмычку, обычный ключ или просто ноготь, как перепилить пластиковую ленту ботиночными шнурками... Белые стяжки на запястьях часто виделись Кари в кошмарных снах.

Но только не сегодня, только не в эту ночь в Майами, в кресле рядом с младенцем в доме сестры. Ей было видно из окна, как пластиковые стяжки на запястьях Бенито перерезали и старик остался в живых.

Она могла думать только об одном. Всё прислушивалась к размеренному посапыванию малышки и потихоньку задремала сама.

Глава 10

Клиника «Анхелес де ла Мизерикордия», в которой лежал Хесус Вильярреал, – больница для бедных, что расположена на оживленной торговой улице. В полдень ко входу в больницу подкатил черный «Рейнджровер». Шумная уличная толпа тут же охватила его со всех сторон; торговцы с тележками, ругаясь и отпихивая друг друга, бросились к шикарной машине.

Исидро Гомес, крупный и краснолицый, выбрался с переднего пассажирского сиденья. Всего лишь повелительно мотнув подбородком, расчистил место на тротуаре. Распахнул заднюю дверь, из которой вылез его босс, – дон Эрнесто Ибарра, сорока четырех лет, известный желтой прессе как «Дон Тефлон» – мужчина среднего роста в тщательно отутюженном льняном френче.

Когда дон Эрнесто в сопровождении Гомеса проходил переполненным больничным отделением первого этажа – убогим, с потертыми линолеумными полами и длинными рядами коек, кое-где отделенных друг от друга матерчатыми занавесками, – многие пациенты узнавали его и окликали по имени.

Хесус Вильярреал лежал в одной из двух маленьких отдельных палат на дальнем конце отделения. Гомес завалился туда без стука. Через минуту появился обратно, вытирая руки антибактериальной салфеткой. Кивнул дону Эрнесто, который зашел внутрь.

Хесус Вильярреал вытянулся на больничной койке – изможденный старик, живьем угодивший в капкан из окружающих его поручней и переплетения пластиковых трубок. Он стянул с лица кислородную маску.

– Все осторожничаешь, дон Эрнесто, – произнес Хесус. – Уже и умирающих обыскиваешь? Этот здоровенный кабан тебе нужен, чтобы шмонать больных в койках?

Дон Эрнесто улыбнулся ему:

– Ты ведь стрелял в меня тогда в Кали.

– Это был чисто бизнес, и, кстати, ты тоже в меня стрелял, – ответил Хесус.

– Я до сих пор рассматриваю тебя как опасного человека, Хесус. Считаю, что это комплимент. Но ничто не мешает нам стать друзьями.

– Ты – преподаватель, дон Эрнесто, ученый человек. Ты можешь отлично научить, как лучше всего воровать. Но в школах вроде «Десяти

колокольчиков» не учат таким вещам, как дружба.

Дон Эрнесто задумчиво изучал Хесуса, распростертого на больничной койке. Глядя на старика, вертел головой, наклонял ее так и эдак – словно ворона, примеривающаяся к лежащей на земле яголке.

– Осталось тебе недолго, Хесус. Ты позвонил мне, и я пришел, потому что уважаю тебя. Ты был капитаном у Пабло, и ты никогда его не продавал, но он все равно ничего тебе не оставил. Давай воспользуемся временем, которое у тебя пока есть, и поговорим, как мужчина с женщиной.

Старик несколько раз вдохнул кислорода из маски – в дополнение к тому, что подавался через трубку, подведенную к носу.

– В восемьдесят девятом я привез золото Пабло в Майами – спрятал подо льдом на своем траулере. Полтонны золота, а сверху рыба – в основном морской окунь. Тридцать золотых слитков того типа, который называют «Гуд деливери»^[40] – по четыреста тройских унций каждый, все с серийными номерами. Еще те, что по двадцать пять кило, плоские такие, но они не из чистого золота, а из сплава Доре^[41], в Инириде на шахтах такие льют. Плюс целый мешок десятидюймовых^[42], по сто семнадцать граммов – не знаю, сколько их там было. – Хесус на минуту примолк, с трудом втягивая воздух. – Тысяча фунтов золота. Я могу сказать, где оно. Ты в курсе, сколько может стоить тысяча фунтов золота?

– Около двадцати пяти миллионов американских долларов.

– Что ты мне за это дашь?

– А чего ты хочешь?

– Денег, и еще неприкосновенности для Адрианы и мальчишки.

Дон Эрнесто кивнул:

– *Claro*^[43]. Ты знаешь, что за свои слова я отвечаю.

– Без обид, дон Эрнесто, но мой принцип – денежки вперед.

– Позволь мне столь же учтиво поинтересоваться, кому еще ты продал эту информацию, помимо Ганса-Петера Шнайдера.

– Сейчас уже нет времени подлавливать друг друга. – Хесус поморщился. – Он уже нашел тайник, в котором спрятано золото. Но он не сможет открыть его и при этом остаться в живых, пока я не скажу ему, как это сделать. Однако он вполне может попытаться перевезти его в другое тайное место.

– И при этом останется в живых?

– Скорее всего, нет.

– Там что, ртутный замыкатель? Датчик наклона? Перекусишь – взорвется?

Хесус Вильярреал лишь поджал губы. Они у него все растрескались, и поджимать их было больно.

– Короче, ты можешь объяснить, как он открывается, – резюмировал дон Эрнесто.

– Да. Сейчас я расскажу тебе, какие могут быть сложности, а когда ты вернешься с *dinero efectivo*^[44] на руках, мы обсудим, как их можно решить.

Глава 11

Принесенная ветром африканская пыль окрасила восход в Майами в розовые тона. Когда над морем поднялось солнце, окна на противоположном берегу залива Бискейн оранжево засияли.

В прибрежном дворике дома Эскобара, возле дыры в газоне стояли Ганс-Петер Шнайдер с Феликсом.

Умберто уже успел расширить дыру, поработав ломом и лопатой. Из темноты снизу до них доносились размеренные чавкающие звуки – с каждой волной в подземную пещеру через размытую стенку плюхала очередная масса воды, и дыра выдыхала нечистый воздух. Воняло так, что приходилось отворачиваться.

Бобби-Джо и Матео принесли из павильона у бассейна мешок со снаряжением.

Над головами у них эшелонем прошла плотная стая пеликанов, готовая штурмовать рыбные места.

– Мне, блин, абсолютно по барабану, что там Хесус успел рассказать дону Эрнесто! – выговаривал Шнайдер. – А спереди там или сзади к этому ящику подходить, меня еще меньше волнует. Что там тот малый из Лодердейла?

– Клайд Хоппер, инженер, – уточнил Феликс. – У него есть все необходимое оборудование. Он сам решит, как действовать, когда мы всё расскажем. Хочет пообщаться с глазу на глаз.

– А вот в этом телефоне его номер есть? – поинтересовался Ганс-Петер, похлопывая по ладони голубым одноразовым мобильником из багажника машины Феликса.

– Что это? – опешил Феликс. Облизал губы. – Не знаю.

– Это мобила из багажника твоей тачки. Давай по-быстрому пин-код, иначе Бобби-Джо вышибет тебе мозги.

– Звездочка, шесть-девять, шесть-девять. Это просто телке звонить, чтобы жена не прознала... Сами понимаете.

Поджав губы, Ганс-Петер сосредоточенно потыкал в кнопки. Нажал на «Подтвердить». Ладно, по телефонной книжке можно потом полазать.

– Оки-доки, – задумчиво проговорил он. – Оки-доки. Может, и вообще не надо его оттуда вытаскивать, этот долбаный ящик... Может, его с обратной стороны вскрыть можно. Надо слазать в дыру и посмотреть.

– А кто полезет? – спросил Феликс.

Рядом с Феликсом вдруг выросли Бобби-Джо и Матео. К ним присоединился Умберто со страховочной сбруей в руках – вроде тех, что используют монтажники-верхолазы.

От сбруи тянулся прочный трос, который был пропущен через блок на крепком суку кокколобы прямо над дырой и уходил оттуда на небольшую двуручную лебедку.

Бобби-Джо подхватил сбрую.

– Надевай, – приказал Ганс-Петер Феликсу.

– Э, я на такое не подписывался! – всполошился тот. – Если со мной что-нибудь случится, у вас будут проблемы с моей конторой!

– Ты, блин, давно уже подписался на все, что я тебе прикажу, – бросил Шнайдер. – Думаешь, у тебя одного в этой вашей сраной конторе руки загибаются?

Бобби-Джо помог Феликсу влезть в сбрую, пристегнул трос. Феликс украдкой поцеловал медальон, висящий у него на шее.

Ганс-Петер встал прямо перед Феликсом, дабы как следует насладиться исходящим от того страхом, пока на незадачливого риелтора не нахлобучили противогазную маску. По бокам у нее торчали два массивных угольных фильтра, на макушке – видеокамера и шахтерская лампа. К сбруе прицепили большой фонарик и здоровенную кобуру. Включили переговорное устройство.

Дышать было тяжело – противогазные фильтры с трудом пропускали воздух.

По небу пронеслись птицы – вороны гонялись за ястребом. «Какое красивое небо!» – подумал Феликс, с тоской поднимая взгляд на них. До сих пор ему в жизни не приходили в голову подобные мысли. Ноги подламывались.

– Дайте пистолет, – пробубнил он через маску.

Бобби-Джо засунул в прицепленную к сбруе кобуру большой револьвер и надежно застегнул клапан. Буркнул:

– Не вздумай лапач, пока под землю не спустишься!

Совместными усилиями Феликса опустили в дыру. Ноги сразу обдало теплом. Повиснув на тросе, он медленно крутился в воздухе.

Когда голова опустилась под землю, поначалу Феликс будто ослеп. Солнечного света в дыру попадало мало, а грубые бетонные стенки его только рассеивали. Чуть дальше от нее полумрак и вовсе превращался в кромешную тьму. Расстояние от потолка до поверхности воды составляло от шести до всего лишь четырех футов, когда снаружи поддавала очередная волна. Погрузившись примерно по пояс, Феликс наконец-то нащупал

ногами дно. Гуляющая вверх-вниз вода то опускалась до бедер, то вздымалась до самой груди. С потолка змеями свисали крепкие корни кокколоры, к суку которой наверху был прицеплен блок троса. Продраться сквозь них напрямик было практически нереально. Луч фонаря на голове у Феликса беспорядочно метался по сторонам, отражаясь от воды, отчего корни отбрасывали на бетон причудливые страшноватые тени. Не без труда удалось разглядеть только обратную сторону плит, образующих бетонную площадку дворика, и бесформенные комья земли уцелевшего газона над головой.

Картинку с камеры Ганс-Петер наблюдал на экране ноутбука, а жестяной голос Феликса доносился из встроенных динамиков.

– Дно вроде плоское, идти можно. Воды где-то по грудь... Блин! Тут половина собаки валяется!

– Молодец, Феликс. Двигай к этому долбаному ящику, – отозвался Шнайдер. – Давай живей.

Феликс опасливо двинулся в глубь пещеры. Сваи, поддерживающие дворик изнутри, возвышались вокруг него, словно колонны какого-то затопленного храма. Наконец луч шахтерского фонарика достал до чего-то вроде пологого пляжика и отразился от металла. Включив большой ручной фонарь, Феликс осветил кучу костей и одинокий человеческий череп. Ящик был действительно здоровенный.

– Тут что-то вроде сейфа, в высоту больше, чем в ширину. Рифленая сталь, типа как для нескользкого пола. По стыкам заварен.

– Какого размера? – спросил Шнайдер.

– Где-то с холодильник, а то и побольше. Скорее с магазинный холодильник, для напитков.

– Есть рымы, проушины? Ручки?

– Не видать.

– Подойди поближе и рассмотри как следует.

Вдруг за спиной – какое-то шипение. Феликс быстро обернулся на звук. Увидел лишь расходящиеся по поверхности воды ряды пузырьков, похожие очертаниями на гроб.

Не чуя ног, Феликс выполз на «пляжик».

– Ручек нет, проушин нет, ни двери, ни крышки. Целиком не рассмотреть, тут всё в грязи.

Опять шипение, и Феликс быстро повел фонарем по сторонам. В темной воде вспыхнули красным две яркие точки – чьи-то глаза. Он суматошно выпалил из пистолета в ту сторону, и глаза исчезли.

– Я вылезая, я вылезая! – завопил Феликс, прорываясь сквозь вязкую

воду к светящейся в потолке дыре. – Вытаскивайте меня, тяните!!!

Лебедка уже вращалась, трос перед ним задержался. Вот он уже вышел из воды, роняя крупные капли... Вот выбрал слабинку... Феликс уже начал было подниматься, когда страшный рывок пошатнул его, и он окунулся с головой – фонарь вылетел из руки, револьвер впустую выпалил в потолок.

Наверху, в садике, лебедка вдруг резко крутнулась в обратную сторону, рукоятка вырвалась из рук Бобби-Джо, основательно треснув ему по пальцам. Под вой разматывающейся лебедки трос стал стремительно убегать обратно в дыру.

Внутри пещеры увлекаемый неизвестно чем трос нырнул под размытый волнолом и до звона вытянулся в струнку, роняя капли воды. А потом вдруг обмяк и бессильно свалился обратно в воду.

– Да вытаскивайте же его! – гаркнул Шнайдер.

Не сводя глаз с экрана лэптопа, с головной камеры Феликса он видел, как под ним стремительно проносится морское дно, подсвеченное мечущимся туда-сюда лучом шахтерского фонаря. Матео с Умберто отчаянно крутили лебедку, поднимая сбрую.

Из дыры она показалась только с нижней половиной Феликса – в ремнях остались лишь туловище ниже пояса и ноги, опутанные розовато-серыми петлями кишок.

А неподалеку, со стороны залива, поверхность воды вдруг взрезала рука Феликса, оставляя за собой пенистый след, словно перископ подводной лодки. Казалось, будто она машет им на прощание. Вскоре рука исчезла из виду.

С минуты все собравшиеся молчали.

– Пропала моя вольна, – наконец горько произнес Бобби-Джо.

Умберто задумчиво потрогал панаму Феликса с уложенными на нее солнечными очками.

– И как теперь быть с домом? – спросил он.

Ганс-Петер отобрал у него очки.

– Один человечек в конторе Феликса просто влюбился в эти очки, – сказал он. – А панамку можешь оставить себе.

Глава 12

Рано поутру Кари уже натирала морковку для *salsa picante*, которой Хульета обычно торговала на фермерском рынке.

Большой белый какаду что-то сердито бормотал со своей жердочки, явно недовольный криками петухов по соседству.

– *Chupa huevos!*^[45] – буркнула птица.

Как и Кари, Хульета в свое время получила лицензию сиделки по уходу за лежачими больными, и полученные на курсах знания теперь ей оченьгодились – мать навсегда прикована к постели, а ни медицинской страховки, ни денег на оплату врачей не предвидится.

Крошечную квартирку Хульеты они обставили разномастной тяжеловесной мебелью, подаренной им родственниками престарелых пациентов, которых они сопровождали до самого конца. Родственники больных вообще очень любили этих двух молодых женщин – всегда приветливых и жизнерадостных, достаточно сильных, чтобы перевернуть или усадить пациента, лишенного возможности самостоятельно двигаться, и способных смотреть на что угодно, не выдавая своих эмоций на лицах. Мебель была удобная, но слишком громоздкая, отчего кое-где в маленькой квартирке приходилось буквально протискиваться.

На стене в гостиной висел красивый постер какого-то концерта в Тель-Авиве, прошедшего в 1958 году, а в прихожей – фотография Хульеты в бикини, примеряющей корону «Мисс Гавайские тропики».

– Кари, можешь подогреть бутылочку? – крикнула Хульета из спальни сквозь вопли младенца.

В этот момент у Кари зазвонил мобильник. Ей пришлось вытереть руки о фартук, чтобы выудить его из сумочки. Звонил Антонио, из-за руля своего пикапа.

– Кари, слушай меня внимательно. Как ты смотришь на то, чтобы заработать сегодня четыре сотни баксов?

На секунду ему даже пришлось оторвать телефон от уха.

– Простите? Прошу прощения, сеньорита, никаких «этих штучек» не будет. *Negocio legítimo, totalmente. Tu sabes que soy un hombre de mi palabra.*^[46] Мне вправду нужна твоя помощь, Кари. Хочу кое-куда заглянуть... Не, не, только посмотреть! Подсоби немножко, а?

Глава 13

Перспектива заработать солидную сумму подвигла Кари слегка пошиковать – вместо того чтобы тащиться в Северный Майами-Бич на автобусе, она связалась с «Убер» и вызвала машину, что обошлось ей в девять долларов двадцать один цент.

Нужный дом располагался неподалеку от канала под названием Змеиный ручей – в районе маленьких аккуратных домиков, владельцы которых в поте лица зарабатывали себе на жизнь. Большинство из них даже могли позволить себе держать в садиках манго и папайю, а то и лимонные деревца.

Этот дом единственный был основательно запущен – номинальным его владельцем считался банк, забравший его за просрочку платежей. Пять лет назад владельца участка как-то прямо посреди ночи арестовала миграционная служба, чтобы незамедлительно депортировать на родину, и с тех пор дом так и пустовал. Обе стороны судебной тяжбы, связанной с участком, категорически запретили друг другу производить там любые ремонтные работы. Во дворе там тоже росло манговое дерево – уже основательно зачахшее и очень нуждающееся в подрезке и подкормке.

Кари обратила внимание на этот дом уже несколько месяцев назад и сразу же переписала себе информацию с выставленного в начале подъездной дорожки объявления о продаже. Договорилась насчет осмотра. Проводил его скучающий банковский клерк, у которого Кари явно не вызвала делового интереса. Впустив ее в дом, он остался сидеть в машине, прикладываясь к бутылочке с шоколадным молоком и барабаня дряблыми бледными пальцами по рулю. Клерк уже успел поделиться со своим начальством сообщением, что Кари «в жизни не осилит ипотеку, хоть ты тресни». Нетерпеливо нажимал на сигнал, чтобы ее поторопить.

На сей раз Кари приехала сюда одна.

Прихватила с собой большой флакон с жидкой подкормкой для фруктовых деревьев, приобретенный в «Хоум депо»^[47]. Обвисшая на петлях калитка, ведущая в боковой дворик, была не заперта, и она решительно толкнула ее от себя.

Усевшись на пластмассовый молочный ящик в заросшем заднем садике, Кари осмотрела манговое деревце. Потрогала его. Легкий ветерок слегка касался ее волос, тихо шуршал листвой. Кари полила корни подкормкой из флакона, стараясь не забрызгать ствол – манговые деревья

этого не любят.

Женщина, живущая по соседству, как видно, услышала скрип калитки и теперь наблюдала за Кари сквозь дырочку в заборе. Когда она увидела, что та поливает манговое деревце, ее напряженное лицо разгладилось. Высунулась, предложила Кари свою стремянку – на случай, если той захочется заглянуть на чердак. Кари вошла в дом.

В спальне сквозь дыру в крыше ярко светило солнце. Вторая спальня была покрашена только наполовину: безвестный маляр успел покончить только с одной стенкой, но на противоположной у него, похоже, кончилась краска – от начатой полоски под потолком к полу сбегал размашистый зигзаг, под которым валялась окаменевшая малярная кисть. Рядом с ней на пыльном и закрутившемся по углам коврик лежала пустая пивная бутылка. А вот полы, выложенные плиткой, оказались в полном порядке.

Вандалы здесь тоже особо не похозяйничали – лишь на одной из внутренних стен обнаружилась надпись «огилви пацилуй меня в жопу» с накаляканной рядом картинкой, изображающей, судя по всему, этого самого Огилви с ослиными ушами. Судя по высоте, на которой располагалось это художество, просто какие-то детишки баловались. А вот флакончиков из-под крэка и даже пустых упаковок от всякой еды вроде чипсов, слава богу, вроде не видать. Из-под отсыревшей штукатурки ощутимо пахло плесенью. Комод шатался на перекошенных ножках.

«Просто чудо, а не дом», – подумалось Кари.

А вот на чердаке – беда. Обрешетка стропил основательно прогнила. В углу, над кухней, она нашла какое-то гнездо, сплетенное из травы и обрывков ворсистой теплоизоляции. Присела на корточки, внимательно осмотрела чью-то заброшенную обитель. Крысы? Нет, скорее всего, опоссум – ну да, точно опоссум. Вон запасной выход видно – в дополнение к основному «парадному». В свое время Кари приходилось из опоссумов и супчик варить – когда в доме было совсем уж шаром покати. В джунглях ее обучили готовить похлебку из лесных крыс – уверяли, будто бы она помогает от коклюша, – но потом она выяснила, что супчик из опоссумов по тому же рецепту ничем не хуже на вкус и столь же бесполезен в качестве лекарства. Кари вообще много чего умела. Никакого опыта в настилке крыш у нее не было, но она была уверена, что научиться можно чему угодно.

Несмотря на солнце, на дом вдруг обрушился сильный ливень, барабаня и тарахтя по крыше у нее над головой. Сверкающей на солнце водяной колонной повалился в дом сквозь дыру в крыше. Она подставила руку под струи, словно так его можно было остановить. Через несколько

минут ливень столь же неожиданно прекратился. Кари выбежала из дома в садик, над которым курился сырой парок – в надежде посмотреть на радугу. И точно – вон она.

Соседку, миниатюрную и морщинистую, звали Тереза. В Америке она оказалась уже в пожилом возрасте – приехала с острова Ла-Гомера, что на Иspanских Канарах. Знание тамошнего языка свиста – «сильбо гомеро» – позволяло ей экономить минуты на мобильнике, когда надо было связаться с сестрами, живущими в двух кварталах. Тереза предложила Кари два спелых плода манго со своего собственного дерева. Заботливо уложила их в ярко-оранжевый пакет универмага «Сейбор тропикал».

Соседи, как охотно объяснила бойкая старушенция, не дожидаясь вопросов Кари, выращивают разные сорта по своему вкусу. Вот кубинцы – Варгасы, к примеру, чей сын учится на дантиста, – предпочитают «прието». «Мадам Фрэнсис» – тот больше любят гаитяне, вроде семейства Тусса вон там, неподалеку, у них дочка тоже учится, только на юриста. Сорт «нилам» в ходу у Видиапати – они из Индии, бухгалтерами в какой-то букмекерской конторе трудятся, а сынок у них недавно медицинский окончил, продолжала она. Семейка с Ямайки совсем упёртая, от всего этого нос воротит, им только «джюли» подавай. «Упёртой семейкой» оказались Хиггинсы, чья дочь работала фармацевтом. Китайцы так и не определились, что им больше нравится, в свой салат из личи любые манго добавляют, у них свое кафе «Кантон», на Сто шестьдесят третьей улице. Старики всегда держали своего сыночка Велдона за полного балбеса, потому что у него одни песенки на уме. На всяких танцульках выступал, под именем рэпера Лав-Джонса. Но Велдон, он же Лав-Джонс, быстро поднялся в их глазах, когда купил собственную закусочную – всемирно известной сети «Папайз», каковое название соседка произнесла на майамский манер – «Папайяз».

Вдруг откуда-то издалека послышался свист – чистый и пронзительный. Он продолжался несколько секунд, постоянно меняя тональность.

– Простите, – извинилась соседка. – Нет ли у меня мешков для пылесоса, говоришь?

Засунув два пальца в рот, она просвистела какую-то музыкальную фразу – так громко, что Кари отпрянула.

– По-моему, я ей уже не раз говорила, – объяснила старушка. – У меня тут не склад. Как нужен мешок для пылесоса – так сразу ко мне! Один и тот же вопрос. Предложила ей прогуляться в «Уолмарт», там этих мешков, что грязи... Хотите купить этот дом? Дай-то Бог! А ваше манго я пока

поливать буду, прямо отсюда – шланг аккурат вон в ту дырку в заборе пролезает.

Глава 14

За полчаса до заката пикап Антонио, украшенный логотипом фирмы по обслуживанию бассейнов, подъехал к воротам в полутора кварталах от особняка Эскобара. За рулем сидела Кари Мора.

– Я обслуживаю бассейн в этом доме ровно раз в неделю, – объяснил Антонио. – Хозяева в отъезде, до конца сентября не объявятся.

Вылез, пощелкал по клавишам кодового замка у ворот.

Что-то больно уж медленно открываются, подумала Кари. Надо бы спросить у Антонио код – на случай, если понадобится открыть ворота без него. Но спрашивать не хотелось.

Он понял это по ее лицу.

– Изнутри они открываются сами, как только подъедешь поближе.

Махнул ей, чтобы проезжала внутрь. Заехав во двор, она сразу развернула пикап в сторону ворот.

– Жди, пока я не вернусь. В случае чего позвоню.

Выбравшись из кабины, Кари подошла к нему.

– А что, если возникнут проблемы? Могу тебе помочь, – сказала она. – Могу сплавать вместе с тобой. Пистолет можно убрать в непромокаемый пакет. В случае чего прикрою тебя из гавани. Подержу их подальше от причала, если тебя засекут.

– Не, – помотал головой Антонио. – Спасибо, Кари, но это моя затея – и пусть все будет по-моему, хорошо?

– Антонио, будет лучше, если я тебя прикрою.

– Либо поступаем так, как я задумал, либо ты возвращаешься домой. Сама решай. Просто думай о своих делах, а я буду думать о своих. Оставайся возле машины. Будь наготове: если выйду из воды дальше по улице, я тебе позвоню. – Он сунул мобильник в непромокаемый мешок. – Если увидишь, что по улице за мной гонятся, чуть притормози, чтобы кузов оказался рядом со мной. Я запрыгну на ходу. Потом газ в пол и сматываем. Не волнуйся. Я вернусь самое большее через тридцать минут.

Из кузова пикапа Антонио вытащил акваланг и прочее водолазное снаряжение.

Взглянув на Кари, он заметил у нее на щеках слабый румянец. Полез в бардачок пикапа, достал оттуда конверт.

– Вот билеты на Хуана. Если не хочешь идти со старым злокой Антонио, возьми свою кухню.

Он подмигнул ей, двинулся вдоль дома и, не оборачиваясь, скрылся из виду.

Укрывшись за живой изгородью, Антонио надел баллоны и маску. Чуть в отдалении, в канале Гавэмент-кат^[48], дымили круизные лайнеры, битком набитые новобрачными. Присутствие Кари изрядно подогрело Антонио, и он подумал: наверное, у этих лайнеров сейчас даже и машины не работают – дым поднимается прямо из спальных кают.

Небо на западе было ярко-оранжевым, на фоне светящейся под ним воды вырисовывались темные силуэты виноградных деревьев размером с его ладонь.

Спустившись по лесенке на причальной стенке у пустующего дома, Антонио погрузился в воду. Плюнул на стекло маски, протер изнутри. Камера была прицеплена ремешком к запястью.

Он проплыл сто пятьдесят ярдов вдоль стенки, прямо под протянувшимися в море причальными бонами, держась футах в шести от поверхности воды. Осторожно вынырнул под настилом причала на краю участка, расположенного у самого дома Эскобара. Поверхность воды здесь переливалась светом заходящего солнца. Не зацепиться бы за гвозди, торчащие из досок! В волосах запуталась паутина, которую он случайно задел макушкой. На всякий случай погрузился с головой – вдруг там и паук сидел. У берега колыхался густой ковер водорослей, нанесенных приливом, из которого там и сям выглядывали пластиковые стаканчики, бутылки, пакеты и подскакивающая на волнах пальмовая ветка, здоровенная, как аллигатор. Мимо проплыла прямоугольная крышка от сумки-холодильника, прикрывая суеящуюся в воде мелкую рыбешку от солнечного света.

* * *

А тем временем из дома Эскобара продолжали доноситься грохот и стук. Матео со своими подручными отбивали штукатурку и бетон с выходящей на море стены подвала. Дело шло туго. Орудовали пневматическим отбойным молотком, зубилами, ломami и небольшим перфоратором фирмы «Созал». В воздухе густо висела пыль.

Ганс-Петер Шнайдер наблюдал за ними с самого верха ведущей в подвал лестницы, то и дело вытирая свой бледный череп расшитым платочком.

Начали у самого потолка и за полдня продолжили достаточно, чтобы за

разломанной стеной открылся вначале нимб, а затем и очертания какой-то святой, нарисованной на задней стенке ящика. Сквозь трещины в бетоне безмолвная фигура смотрела прямо на них. Матео сразу ее узнал. Перекрестился. Завороженно прошептал: «*Nuestra Señora de Caridad del Cobre!*»^[49]

Бобби-Джо, который торчал в выходящем на запад садике дома Эскобара, наблюдая за морем, теперь пришлось нацепить темные очки и прикрывать ладонью глаза от солнца. Над головой у него одна за другой пролетали стаи ибисов, направляющихся на ночевку в свое гнездовье на Птичьем острове^[50] в заливе. Бобби-Джо несколько раз палил в них из пневматической винтовки – в надежде ранить одну из птиц в крыло и позабавиться с ней, – но так ни разу и не попал. Умберто сидел на стуле на террасе второго этажа, опершись локтями в перила, и тоже наблюдал за обстановкой. Рядом с ним к балюстраде была прислонена заряженная «AP-15».

В лучах закатного солнца дом оранжево засветился, стали понемногу разгораться и нависающие над горизонтом облака.

Заметив в воде у стенки крупную рыбу, Бобби-Джо попытался подстрелить ее из арбалета, но та шустро юркнула под толстый матрас нанесенных ветром водорослей. Бобби-Джо разразился ругательствами, проклиная слепящее солнце.

* * *

А тем временем Антонио, прикрытый сверху толстым слоем морской травы, медленно приближался к дому Эскобара, стараясь держаться в тени, которая неуклонно смещалась к причальной стенке, открывая затянутые густым илом россыпи камней на морском дне под ней. Плыл он на глубине футов в шесть. Рядом промелькнула стайка кефали – темно-серые в тени рыбки ярко сверкнули серебром, опять выскочив на солнце. Два баклана, пролетающие мимо, тут же спикировали за добычей.

Всего метрах в пятидесяти от дома на заливе появился большой катер, который гнал вдоль берега на высокой скорости, несмотря на установленное в зоне обитания ламантинов ограничение скорости. Вдобавок шикарная посудина разводила высоченную кильватерную волну. На носовой палубе толпились какие-то девицы, еще одна сидела на кормовой купальной платформе. Девицы на носовой палубе были без

лифчиков, в одних только трусиках от бикини.

Умберто, расположившийся на террасе второго этажа, сразу оживился. Одной рукой нацелив бинокль на девиц, другой принялся потирать в паху.

Свистнул Бобби-Джо, скучающему внизу.

Антонио, услышавший под водой гул работающих на полных оборотах моторов, быстро нырнул к полого поднимающемуся дну, прижался к нему животом, раскинул руки, вцепился пальцами в склизкие камни. Но когда подошла разведенная катером кильватерная волна, его сразу же безнадежно замесило в водяной круговерти у стенки. Слой водорослей на поверхности резко заколыхался вверх-вниз – словно какой-то великан выбивал гигантский ковер, – и одна из ласт Антонио на миг показалась над водой.

Заметив кончик ласты, промелькнувший над переплетением замусоренной морской травы, Умберто опять в два пальца свистнул Бобби-Джо, ткнул пальцем вниз. Бросил несколько слов в рацию. Схватив автомат, бросился вниз по ступенькам.

Бобби-Джо тем временем отчаянно пытался привлечь внимание девиц на катере. Скакал у самой воды, ухватившись рукой за ширинку.

А почти прямо под ним Антонио уже приближался к размыву в стенке. Вот он, проем. Под напором набегающих волн ил и песок мотались у подводного входа в пещеру туда-сюда, в такт им колыхались плети водорослей. Да, здоровенная дыра. В ширину значительно больше, чем в высоту, внутри темно. Прямо перед ней – заросли оранжевых губок. Антонио пару раз нажал на спуск камеры.

А потом увидел в толще воды пузырящиеся длинные следы пуль, совсем близко.

Умберто и Бобби-Джо стояли у самого края стенки, посылая в колышущийся внизу ковер из водорослей пулю за пулей, которые с шипением пронзали воду. Затворы клацали громче, чем притушенные глушителями хлопки выстрелов. Бобби-Джо метнулся за арбалетом.

Одна из пуль попала Антонио в ногу, от которой расплылось облачко крови – вначале красной, потом серой. Дыра по-прежнему маячила перед ним. Опять белые хвосты вонзающихся в воду пуль. Он беспомощно закружился возле стенки, стараясь держаться как можно глубже.

Бобби-Джо заметил пробивающиеся сквозь покрывало водорослей пузыри акваланга. Радостно оскалясь, прицелился из арбалета и нажал на спуск. Привязанный к стреле шнур натянулся, с него закапала вода.

Ласты Антонио замерли. Покрывало из водорослей тяжело вздымалось и опадало у него над головой – тяжело, как его грудь.

* * *

Кари, которая терпеливо ждала в кабине пикапа в полутора кварталах, не сводила взгляд с циферблата часов.

Когда прошло ровно сорок минут, позвонила Антонио на мобильник. Он не ответил. Нажала на «вызов» еще раз.

Телефон в окровавленной пластиковой сумке лежал на столе в павильоне у бассейна, рядом с липким от крови перфоратором фирмы «Созал». Телефон загудел, заелозил внутри сумки.

К ней потянулась окровавленная рука Бобби-Джо. Выудила из сумки двумя пальцами, поднесла к уху.

– Аллэ, – сказал Бобби-Джо.

– Антонио? Алло? – произнесла Кари.

– Ку-куу! – дурашливо отозвался Бобби-Джо. – К сожалению, Антонио в данный момент вышел. Был, да весь вышел. Ему что-нибудь передать?

Заржав во все горло, Бобби-Джо отключился. Остальные вокруг него тоже загоготали. С довольным видом Бобби-Джо вытер окровавленные руки мокрой футболкой с логотипом фирмы по обслуживанию бассейнов.

С неба опять пролился короткий, сверкающий на солнце дождь, пробарабанил по крыше пикапа. Появившаяся было радуга быстро потускнела и исчезла.

За руль, Кари! Часики тикают!

На самом деле секундная стрелка просто ритмично продвигалась по циферблату без всякого тиканья. Тикало у нее в голове. Стеклоподъемники в пикапе были самые простые, не электрические; покрутив ручки, она опустила оба окна до отказа. Кабину продул прохладный ветерок.

Глаза щипало, но слез не было. У стены дома, возле которого она поджидала Антонио, цвели оранжевые жасмины, и Кари отчетливо чувствовала их запах, особенно сильный после дождя.

До нее дошло только тогда, когда она увидела все собственными глазами – когда на дороге увидела своего мертвого жениха с его шаферами, все были в автомобиле, а автомобиль полыхал, подожженный теми, кто его только что расстрелял. Соседи пришли в церковь, где она дожидалась его с букетом жасмина в руках. Они пришли, чтобы рассказать ей об этом, и она побежала туда, побежала к своему жениху – навалившемуся на руль рыжеволосому парню в белой кружевной рубашке-гуайавере. В стеклах машины зияли звездообразные дырки от пуль, и она, долмав растрескавшееся боковое стекло камнем с дороги, попробовала

вытащить его. Просунула руку в разбитое окно, попыталась вытащить его из машины. Те в собравшейся толпе, что похрабрее, пытались оттащить ее, но она все цеплялась за него, они тянули, и на руках у нее оставались порезы от разбитого стекла, а потом взорвался бензобак, и ее подбросило над землей. На ее свадебном платье застывала коричневая кровь.

В сумочке на поясе у Кари лежали две балеады^[51] с мясом и сыром – на случай, если они с Антонио проголодаются. Она посмотрела на балеады. До сих пор теплые; полиэтиленовый пакет, в который они уложены, запотел изнутри. Она вытряхнула его из сумочки прямо на пол кабины. Пошарила рукой под сиденьем, вытащила оттуда «ЗИГ-Зауэр» сорокового калибра, сунула в сумочку на поясе. Вылезла из кабины. Пару раз глубоко втянула воздух, словно набираясь у жасминов силы. В голове прояснилось.

Полтора квартала до ворот дома Эскобара Кари прошла пешком. Вынула из почтового ящика всякий рекламный хлам. Можно будет сказать, что пришла за расчетом.

Набрала код на пульте калитки сбоку от ворот. Между высокой живой изгородью и каменной стеной, разделявшей участка, оставалось небольшое свободное пространство – где тянулись электрический кабель с распределительными коробками наружного освещения и системы полива. Можно будет пройти там, оставаясь незамеченной.

Когда Кари, пригнувшись и почти прижавшись к стене, пробиралась узким проходом, под остатками закатного солнца на паучьей паутине у нее над головой яркими красными огоньками вспыхивали дождевые капли.

Матео, сложив третий ряд сидений «Кадиллака Эскалейд» Ганса-Петера, укладывал на освободившееся пространство большие пластиковые мешки. Кари он не заметил.

Она оставалась под прикрытием живой изгороди, пока не добралась до выходящего на море садика.

Порог павильона напротив бассейна был перемазан кровью – недавно через него кого-то тащили. Оставив свое укрытие, Кари быстро пересекла открытое пространство. Толкнула дверь в павильон. Увидела ноги, потом лапы. Тело лежало на банкетном столе возле бассейна. Лапами к ней. Она много раз видела ноги Антонио, когда он обслуживал бассейн, и сразу все поняла. Это были ноги Антонио. И туловище тоже его. А вот голова отсутствовала.

Кари оглядела пол в поисках головы, но не увидела ничего, кроме лужи крови, темной и начинающей уже сворачиваться по краям.

Лицо ее словно занемело, застыло, как маска. Но рук это онемение не

коснулось. Она положила ладонь на спину Антонио. Еще теплый.

В этот момент в павильон у бассейна вошел Бобби-Джо.

Руки у него были заняты – он тащил большой рулон полиэтиленовой пленки, моток веревки и садовый секатор с длинными ручками, чтобы отрезать Антонио пальцы. Зацепившись своей ношей за дверь с москитной сеткой, Кари он поначалу не заметил.

Спереди рубашка и штаны у него были все в крови. Увидев Кари, он сбросил рулон на пол и ухмыльнулся. Желтые глаза буквально поедали ее, захватывали целиком. Если не дать ей завизжать, можно будет трахнуть ее пару раз, пока остальные не прочухали и пока Ганс-Петер не приказал ее прикончить. Ну да, вырубить и натянуть по-быстрому, пока она еще тепленькая, а коли остальным тоже захочется, то пускай уже сдохлой развлекаются, как-нибудь справятся.

Охваченный приятным предвкушением – аж мурашки по хребту, он замахнулся было тяжелым секатором и сделал первый шаг, но в этот момент Кари дважды выстрелила ему в грудь. Вид у Бобби-Джо был скорее удивленный – пока она не влепила ему еще одну пулю прямо в физиономию.

Его ноги еще продолжали дрыгаться, когда она перешагнула через него, засовывая пистолет обратно в сумочку на поясе. Услышав доносящиеся из дома вопли, метнулась в садик и, сильно оттолкнувшись ногами, ласточкой прыгнула с причальной стенки. В глаза метнулся ковер из перепутанных водорослей, накрытый разводьями грязно-белой пены, – пистолет в сумочке крепко ударил в живот, а в волосах застряли зеленые пряди, когда она с плеском врезалась в воду.

Уловив сквозь покрывало морской травы какое-то движение наверху, Кари резко толкнулась ногами и поплыла под водой, задержав дыхание. Вынырнула только под настилом причала на соседнем участке. Два судорожных вдоха – и опять под воду. Вдруг в подводном полумраке – какое-то движение прямо под ней, чуть слева. Что-то темное, длинное, вытянутое. Она напрягла остатки сил, попробовала прибавить ходу, отчаянно работая руками и ногами. Жутко мешала болтающаяся на поясе сумочка с пистолетом – тормозила, тянула вниз. Кари вынырнула было на поверхность, чтобы хватить воздуха, но едва успела – что-то цапнуло ее за лодыжку, опять потянуло под воду. Голову облепили перепутанные плети водорослей; она слепо потянулась к лицу рукой, чтобы сбросить их. В этот момент ее схватили и за вторую лодыжку, с силой дернули вниз.

Кое-как удалось вынырнуть еще раз, глотнуть воздуха, но что-то продолжало неуклонно затягивать ее под воду. Кари опять смахнула с глаз

водоросли, грудь судорожно сжалась – сейчас не выдержит и вдохнет воду вместо воздуха! Вдруг проблеск света из прорехи в покрывале из водорослей над головой, и она поняла, что это Умберто – в акваланге, широкой маске, из загубника к поверхности поднимается струйка пузырей. Хочет ее утопить. Не подплывая вплотную, держится внизу, ухватив ее за ноги, не дает поднять голову над водой всякий раз, когда ей хочется глотнуть воздуха. Рука сама собой полезла в сумочку на поясе. Воспользовавшись тем, что Умберто крепко вцепился ей в лодыжки, Кари резко согнулась пополам, оказавшись практически вплотную к нему. Крепко прижала к нему сумочку с пистолетом и дважды спустила курок. Полыхнувшие вспышки на миг ослепили ее, словно кто-то зажег подводный осветительный факел. Оттолкнувшись от него ногой, она опять всплыла. Горящими огнем легкими жадно втянула перемешанный с водяной пылью воздух, поперхнулась. Изо всех сил вцепилась в перекладины купального трапа у пирса, судорожно срывая с лица плети водорослей, безостановочно откашливаясь и отплевываясь.

До участка, где она оставила пикап, оставалась еще добрая сотня ярдов.

Дрожа всем телом, Кари рухнула на водительское сиденье, вцепившись в мягкую обивку. На миг показалось, что под рукой опять кружевная гуайавера, на которой жесткими коричневыми пятнами застыла кровь.

Глубоко вдохнула воздуха, густо пропитанного ароматом жасмина. Слез не было.

Глава 15

Кари быстро оценила, чем на данный момент располагает: две балеады с мясом и сыром в полиэтиленовом пакете, маленькая бутылочка минералки и принадлежавший Антонио «ЗИГ-Зауэр П229» с семью оставшимися патронами и полным запасным магазином. В сумочке – сто десять долларов наличными и маникюрный наборчик, при помощи которого, возвращаясь домой на автобусе, она приводила в порядок ногти. А еще коротенький зонтик, на рукоятке – три свинцовые шайбы от баллона с хлоркой для бассейна. Антонио нацепил тяжеленные шайбы на зонтик, потому что ей частенько приходилось дожидаться автобуса на ночь глядя.

На парковке торгового центра Кари тщательно протерла кабину пикапа изнутри. Увидев себя в зеркалах, протерла и их тоже. Пригляделась к собственному лицу, но так и не сумела ничего на нем прочесть. Натянула фуфайку Антонио, нахлобучила на голову капюшон – на случай, если попадет под камеры наблюдения. Фуфайка пахла Антонио – дезодорантом «Горный воздух» и немного хлоркой. В кармане – несколько пакетиков с презервативами. Сняв с зеркала заднего вида медальон с изображением какого-то святого, Кари бросила его в карман к презервативам. Выбралась из кабины и направилась к остановке автобуса.

Там, где ей надо было пересесть на другой автобус, у самой остановки росла большая генипа. Наверняка владелец этого фруктового дерева просто не представлял, что это такое, и не понимал, что разбрасывается настоящими деликатесами – обычная история для Майами. Плоды генипы валялись за остановкой автобуса и прямо на тротуаре. Она заметила и несколько плодов манго, уже подгнивших, которые тоже никто не собирался подбирать, но они лежали за забором – никак не достать. Набрал две полные пригоршни генипы, Кари ссыпала их в сумочку. Один плод очистила, с чмоканием втянула сочную мякоть. Ничем не хуже личи – примерно такой же терпковато-сладкий вкус, такая же консистенция.

Вдруг загудел мобильник. Звонили с телефона Антонио. Хотя она уже видела его с отрезанной головой, все равно жутко тянуло ответить. Трубка настойчиво вибрировала в кармане. Его телефон был по-прежнему жив. Не обмяк бессильно – как мышцы у него на спине, когда она прикоснулась к нему тогда в павильоне у бассейна.

Кари убедилась, что геолокация на ее собственном мобильнике выключена. Съела еще несколько зеленоватых плодов, чтобы подкрепить

силы. На долгом пути в автобусе к дому кухни у нее было время хорошенько все обдумать.

Если только полиция не заявила в дом Эскобара по собственному почину, то Ганс-Петер Шнайдер наверняка понял, что полицию она не вызывала. Явно решил, что она тоже из «Десяти колокольчиков». Кари надеялась, что Шнайдер не будет морочиться с ее поисками, пока не покончит с собственными делишками. А потом, когда свободного времени будет навалом, убьет ее или похитит, продаст туда, откуда нет возврата.

Поздним вечером она тихонько открыла собственным ключом черный ход многоэтажки неподалеку от Клод-Пеппер-уэй. Тетя, кухня Хульета и малышка уже спали.

Кари протерла руки долькой лайма, тщательно поскребла щеткой. Уселась в детской, прислушиваясь к дыханию малышки. Подхватила ее на руки, когда та захныкала и заворочалась. Хульета, несмотря на усталость, тоже слышала детский плач и сразу проснулась.

– Я сама, не вставай! – тихонько бросила ей Кари.

Прошла в кухню, согрела бутылочку с молоком.

Когда малышка намочила подгузник, Кари помыла ее, присыпала присыпкой и укачивала, пока та опять не заснула.

Когда посреди ночи дочка кухни опять начала капризничать, Кари дала ей свою собственную грудь. И хотя молока там не было, малышка прижалась к ней своей маленькой головкой и быстро успокоилась. Кари никогда прежде такого не делала. Это немного притупило постоянно всплывающие в голове образы – с каким выражением на нее смотрел Бобби-Джо, когда она выстрелила ему прямо в лицо, Бобби-Джо, лежащего на полу вниз лицом – затылок разнесен вдребезги, затянутый чуть ли не до упора ремешок бейсболки на голове торчит далеко вбок, ноги по-прежнему дрыгаются.

Укачивая дитя, Кари разглядывала пятно на потолке, похожее очертаниями на Колумбию. Тот поэт был неправ, подумала она. Нет, ребенок – это не всего лишь «еще один маленький домик для смерти». *No es solamente otra casita para la muerte.*

Она прикрыла глаза. Надо было решительней настоять на том, чтобы отправиться под воду вместе с Антонио! Дура безвольная, так и не сумела вправить ему мозги... Не сумела продрасться через весь этот тупой мачизм и твердо заявить: «Идем вместе, и точка!» И в итоге он в одиночку оказался в той боевой обстановке, в которой она ориентируется куда лучше его. Он морпех, видите ли! Ему видней!

* * *

Юный боец Кари, двенадцати лет от роду, на политзанятиях только скучала – толку от них было, по ее мнению, не больше, чем от воскресной школы, – но вот военное дело схватывала на лету. В РВСК ею были очень довольны.

К раненым Кари относилась не просто как к выбывшим из строя боевым единицам и быстро научилась оказывать первую помощь. Одна рука ее успокаивающе ложилась на лицо раненого бойца, пока другой она ловко затягивала повязку.

С оружием и снаряжением Кари тоже очень скоро освоилась и все содержала в образцовом порядке. Ее основным занятием – а зачастую и в наказание за какие-либо проступки – была работа на полевой кухне. Двадцатигаллонные котлы с *estofado de carne*^[52], когда удавалось разжиться мясом, булькающие над костром на наскоро расчищенном клочке голой земли; накрытые камуфляжной сеткой металлические разборные бараки, где какой-то ирландец учил их, как сделать минометную мину из пустого газового баллона, как привязывать проволоку к ручной гранате, чтобы превратить ее в мину-ловушку, как обезвредить неразорвавшийся боеприпас...

Похищение людей и вымогательство считались вполне обычным делом – во многом за счет этого партизаны и поддерживали свое существование. В числе всего прочего на Кари возложили обязанность присматривать за одним профессором, похищенным боевиками РВСК. Это был натуралист, учитель и отчасти политик – преклонных лет мужчина со слабым здоровьем из одной зажиточной семьи в Боготе. Она опекала его целых три года. Охранники из РВСК относились к старику довольно благосклонно – пока его родственники продолжали исправно платить оговоренную мзду. Отдавали ему книги из разграбленных усадеб «угнетателей», и когда его старые глаза уставали, он убирал сложенные очки в нагрудный карман, а Кари читала ему вслух. Книги, которые ему доставались, не имели отношения к политике, как считали его похитители, – поэзия, садоводство, природоведение... Один из командиров РВСК придумал старику подходящее занятие – заставил объяснять юным курсантам теорию Дарвина, которая, по его мнению, полностью соответствовала идеям коммунизма.

Лагерь РВСК представлял собой курьезное сочетание старого и нового. Подчиняясь приказам, Кари послушно варила похлебку из крыс в

качестве профилактического средства от коклюша, и при этом у команданте имелся персональный компьютер-лэптоп.

Одной из обязанностей Кари было регулярно подзаряжать питающие этот компьютер батареи. Тяжеленный автомобильный аккумулятор требовалось либо везти на детской четырехколесной тележке, либо просто тащить на руках к ближайшему источнику тока. Если место, в котором имелась подходящая электрическая розетка, находилось неподалеку и считалось достаточно безопасным, командиры разрешали старому натуралисту сопровождать Кари в таких походах.

Однажды теплым весенним деньком двенадцатилетняя Кари и заложник-профессор шагали по пыльному проселку. На склонах кюветов по бокам от дороги уже вовсю цвели цветы, над которыми хлопотливо жужжали пчелы. Девочка и старик направлялись в расположенный неподалеку медпункт – забрать инсулин, присланный пленнику родственниками, а также очередной денежный взнос для РВСК. По дороге пришлось миновать сожженную деревушку – место недавней резни. Часть обитателей ее оказались сторонниками «парамилитарес». Кари с профессором не стали заглядывать в убогие лачуги – и так знали, что там увидят. С соседней крыши, царапая когтями по коньку и шумно хлопая крыльями, тяжело взмыл гриф. Обитатели одного из домов явно пытались вытащить свои уцелевшие пожитки во двор. В кустах валялась москитная сетка. Старый натуралист ненадолго задержал на ней взгляд, перевел его на цветы, растущие вдоль дороги, после чего вытащил сетку из кустов и аккуратно сложил.

– Думаю, мы можем это взять, как считаешь? – вопросительно обратился он к Кари. Когда профессор устал, сетку понесла она.

Днем, после того как Кари сделала ему укол, старику пришлось опять отправляться в импровизированный класс и преподавать юным бойцам очередные постулаты дарвиновской теории эволюции – подкорректированные так, чтобы коммунизм выглядел логичным завершением естественного отбора. Надзиратель, устроившийся в задних рядах, внимательно следил, чтобы старик не ляпнул лишнего и не высказал своего истинного мнения по данному вопросу.

После этой лекции оба были свободны до вечера, когда Кари предстояло готовить на весь отряд ужин, по случаю Великого поста – с капибарой. Идеологам РВСК пришлось пойти на некоторые уступки верующим, а капибара не считалась мясом – с тех самых пор, как Ватикан приравнял этого грызуна к рыбе.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал профессор. – Давай разрежем

эту москитную сетку надвое – потом приделаем к шляпам, чтобы вниз свисало. Вот так. А теперь пошли.

Старик долго пробирался через лес на задах хижины, в которую его поместили.

На склоне холма возле ручья скрывался природный пчелиный улей – старый пустотелый пенек, примерно наполовину заполненный сотами. Кари с профессором обвязали головы поверх шляп сеткой, застегнули рукава. Тряпками подвязали обшлага брюк.

– Если пчелы слишком уж сильно разозлятся, можем прийти в следующий раз, попробуем их выкурить, – шепнул профессор. Одним из хобби старика было любительское пчеловодство – пока похищение не поставило крест на всей его предыдущей жизни.

Пчелы трудились без передышки. Кари и ее учитель стояли достаточно близко от пня, но носом туда не лезли.

– С возрастом их обязанности меняются, – объяснил профессор. – Это все самки, рабочие. Начинают они с того, что чистят соту, в которой вылупились. Дальше им доверяется чистка и поддержание в порядке всего улья, потом – прием нектара и пыльцы от пчел, которые летают на цветы. И только после этого они уже сами вылетают за пределы улья за продовольствием, до конца своей жизни, пока окончательно не вымотаются. Некоторые из этих пчел-фуражиров – полные новички. Занятие для них новое, незнакомое – смотри, некоторые просто кружат перед входом, запоминают его, чтобы потом найти опять. Видишь вон ту приступочку перед входом, куда садятся груженные нектаром пчелы? Это и есть пчелы-фуражиры, вернувшиеся после облета окрестных полей. Видишь, как пчелы-приемщицы ласково их поглаживают? Если пчелановичок принесет даже совсем немного нектара или совсем немного пыльцы, ее все равно встречают как героя. Как думаешь почему?

– Чтобы ей захотелось сделать это опять, – предположила Кари.

– Да, – кивнул он. – Чтобы она продолжала поставлять припасы в улей до тех пор, пока не свалится от усталости. Ее бессовестно надувают. Обманывают.

Профессор надолго остановил на Кари взгляд своих ясных глаз.

– Ее просто используют. Она так и будет вылетать, вылетать и вылетать за припасами, а потом упадет и подохнет где-нибудь под кустом с красивыми цветами, истрепав крылья по самое брюшко. А в улье даже не заметят ее отсутствия. Никто горевать не станет. Когда погибнет слишком уж много пчел-фуражиров, они просто понаделают новых. Здесь нет такой вещи, как личная жизнь. Это машина.

Он бросил на нее взгляд – словно гадая, донесет она на него или нет.

– Точно так же, как и этот ваш лагерь, Кари, как вся эта система. Это машина. У тебя живой пытливым ум, Кари. Не дай им себя надуть. Не ограничивай свою жизнь теми жалкими минутами, на которые ты уединяешься с кем-нибудь в лесу. Используй свои крылья для собственной пользы.

Кари сразу поняла, что подобные речи – ниспровержение основ, строго запрещенная вещь. Всех предостерегали от таких разговоров, называли их провокациями. Ее первейший долг – немедленно доложить об этом команданте. Ее наверняка наградят. Может, команданте даже даст ей разрешение мыться не вместе с мужчинами, а одной, пораньше, когда у нее критические дни, – как тем девушкам, с которыми он спит. Ну да, наградят. Надуют. Ей припомнилось, как ласково ее принимали в ряды партизан, с каким восторженным пылом, с какими громкими словами про чувство локтя и товарищескую спайку. Припомнилось испытанное тогда чувство семьи, которого ей так не доставало.

Это была семья, в которой ей дозволялось выпивать по праздникам. Семья, в которой не имели ничего против подросткового секса – если это было одобрено команданте. И при этом семья, которая приказывала ей убивать тех, кто не соответствовал ее требованиям или пытался бежать. Беглецов тогда убили, потому что все без исключения так решили. Все единогласно проголосовали «за». Кари, тогда еще совсем маленькая, тоже потянула свою маленькую ручку, проголосовав «за» вместе с остальными. В первый и в последний раз в своей жизни. Тогда она не понимала, что происходит. До нее все дошло только в тот момент, когда она собственными глазами увидела последствия – увидела, как пули разрывают стоящих в воде ребят.

Слово «обман» прочно застряло в голове. «*Engaño*» по-испански. Когда Кари стала говорить на двух языках, то в голове засели уже оба слова. Она научилась понимать, когда за сладкими речами скрывается обман.

Позже в тот же день, после похода к пчелам, команданте вызвал Кари к себе. За ней пришли, когда она начала разделявать капибару. Штаб представлял собой небольшой домик, конфискованный РВСК у местного населения. Работали в нем три женщины. Чем они там занимались, никто не знал. Шили подушки, на которых сами же и сидели?

Кари вытянулась перед письменным столом команданте по стойке «смирно». Оружия при ней не было, так что она сняла шляпу.

– Ну, и как там профессор? – поинтересовался команданте,

тщедушный тип лет тридцати пяти, на вид типичный чинуша – в настоящем бою такие только обуза. Марксист-теоретик. Свои очки в тонкой стальной оправе он носил еще со студенческих лет.

– Получше, команданте! – отрапортовала Кари. – Набрал несколько фунтов. Даю ему теперь зеленый подорожник вместо спелого, так что уровень сахара в крови нормализовался. Я слежу по тест-полоскам. Дыхание во сне тоже улучшилось.

– Отлично, нам нужно поддерживать его в нормальном состоянии. До следующего взноса еще две недели. А потом пусть опять пишет родственникам. Если они не заплатят, в следующем письме получают его уши. И вот что, Кари, – это ты их отрежешь.

Команданте покрутил на кончике карандаша канцелярскую скрепку.

– А теперь к делу. Хорхе говорит, что видел тебя с профессором в лесу. На старике было что-то вроде камуфляжной маски. И на тебе тоже. Хорхе опасается, что профессор во что-то тебя втягивает. Даже предложил доставить тебя сюда под конвоем. Кари, чем вы там занимались?

– Команданте, профессор очень благодарен вам за те любезности, которые вы ему тут оказываете, в особенности за лекарства. Он...

– И он выражает свою благодарность, разгуливая по лесу в камуфляжной маске?

– Он показывал мне, как можно добывать мед для наших нужд. Он уже и раньше разводил пчел. И это была не маска, а защитная сетка, как у пчеловодов. Он думает, что это можно включить в курс выживания; если вы позволите, он готов научить всех, как с Дарвином. Он сказал, что бойцам будет полезно знать и этот способ отыскать пропитание в лесу. Мед хорошо хранится без всякого холодильника. Он говорит, что в случае чего его можно накладывать на раны, потому что он практически стерильный. Москитные сетки у нас уже есть. Дымари для выкуривания пчел не дают слишком много дыма, и с воздуха никто ничего не разглядит.

Команданте всё крутил свою скрепку. Его секретарши посматривали на Кари с откровенной неприязнью.

– Довольно любопытно, Кари. Но надо было прийти ко мне перед тем, как он нацепит на себя какой-то не одобренный мною головной убор.

– Виновата, команданте!

– Раньше я уже наказывал тебя за недостаток серьезности. Но теперь я хочу тебя поощрить. Чего тебе хотелось бы? Как насчет увольнительной на целый день?

– В свои критические дни я хотела бы мыться одна, отдельно от мужчин.

– Это противоречит нашей политике. Это сексизм. В бою все равны.

– А нельзя ли мне ходить мыться пораньше – как вон тем вот бойцам из вашего штаба? – Кари мотнула головой в сторону наблюдавших за ней девиц.

Несколько лет спустя, долго пробираясь к северу, она увидит, как к такому же бессовестному обману прибегают всякие извращенцы, стервятниками кружащие вокруг автобусных остановок и заманивающие малолеток вкусной едой и сладкими речами – в обмен на секс, с которым многие детишки даже еще не были знакомы. В машине у такого мерзавца всегда была какая-то еда или, на худой конец, просто конфеты, а то и плюшевый мишка. Мишка ребенку обычно даже не доставался – его просто давали подержать, а потом выхватывали из рук перед тем, как выбросить девчонку или мальчишку из машины возле автобусной остановки. В лучшем случае жертве такого отродья могли достаться какие-нибудь дешевые тапочки с блестками и цветочками.

В конце концов родственники старого натуралиста выплатили значительную сумму вперед, и того освободили. Его надзиратели из РВСК разрешили ему побриться, принесли костюмную рубашку, в которой его похитили – уже основательно пожелтевшую, – отдали подтяжки. Кари посмотрела старику прямо в глаза и спросила, не возьмет ли он ее с собой. Он ответил, что спросит у своих похитителей. Те ответили отказом. Тогда профессор спросил: а что, если он заплатит за ее освобождение? Посмотрим, ответили ему. Деньги так и не поступили. Хотя кто его знает. Но Кари так и не отпустили.

Она сбежала сама, когда ей исполнилось пятнадцать. Сбежала с парнем старше себя на год. У него были рыжеватые волосы, а уголок одного из передних зубов отколот. Они при первой же возможности уединялись в лесу, и он очень ею дорожил. Еще в первый раз, когда они занимались любовью на пахучей лесной подстилке, он смотрел на нее, как на богиню.

В ее последний день в качестве бойца РВСК, на рассвете, подразделение Кари получило приказ атаковать деревню, которая поддерживала врага – ультраправых. Это было в то время, когда обе стороны регулярно вырезали целые деревни, хотя в новостях по радио подобные акции тактично называли «зачистками», словно не понимая истинной сути этого слова.

Одна из сторон регулярно захватывала какую-нибудь деревню, насаждая там собственную власть. Тогда другая сторона сразу же уничтожала ее вместе со всеми обитателями – за пособничество врагу.

Целью запланированного рейда было поквитаться за резню, устроенную ультраправыми в одной деревушке, симпатизирующей партизанам. «Парамилитарес» перебили там всех до единого: партизан, жителей, их детей, даже домашних животных...

Таким же образом на второй год военной службы Кари ультраправые вырезали всю ее семью. Узнала она об этом только через полгода, и когда услышала про это, две недели не могла ни с кем разговаривать.

Поставленной задачей было проделать то же самое с противником – уничтожить «парамилитарес» и всех жителей деревни, давшей им приют. Перебить всех без исключения и спалить дотла их жилища. На выходе из леса отряд обстреляли. Кари чуть отстала – одного из бойцов ранило в грудь навывлет. Она плотно замотала рану обычным пончо и крепко прижимала его к окровавленной груди мальчишки, пока не появился кто-то из медиков. Из леса в нее дважды стреляли. Прижавшись к земле возле раненого, она несколько раз выстрелила в ответ прямо поверх его неподвижного тела. Отползла с открытой грунтовки, двинулась параллельно дороге, укрываясь за деревьями.

Когда Кари приблизилась к деревне, та была уже взята. Бойцы РВСК подорвали здание школы, и в струнах разбитого пианино с подвыванием гулял ветер, разносящий по пыльной дороге белые листки с закорючками нот.

Многие дома уже полыхали, на улицах валялись трупы. Она ни разу не открыла огонь. Решила для себя, что в гражданских стрелять не будет. Вдруг – какое-то движение под домом у дороги. Кари вскинула автомат. Это был не вражеский боец – это был ребенок, забившийся глубоко под дом. Она даже не поняла, мальчик это или девочка – видела только чумазую мордашку и всклокоченные волосенки.

Повела себя так, будто этого ребенка и видеть не видела. Но и не хотелось, чтобы кто-то это заметил. Кари остановилась, нагнулась и сделала вид, будто подтягивает шнурки на ботинках.

«Быстро в лес!» – бросила она ребенка, не поворачивая головы к дому.

Когда выпрямилась и двинулась дальше, за спиной у нее на дороге показалась фигура команданте – когда дело доходило до огневого контакта, он всегда предпочитал держаться в последних рядах. Ей очень не хотелось оказаться с ним один на один. Когда никого не было поблизости, команданте всегда пытался засунуть ей палец в задний проход, подкравшись сзади и запустив руку ей в штаны. Нужно отдать ему должное: он не отдавал ей официального приказа стоять смирно и молчать – это относилось к чисто внеслужебным отношениям.

Ей всегда приходилось просить его прекратить. Она постоянно молила Бога, чтобы тот его остановил. Это был неизменный пункт в ее вечерних молитвах. Но он так и не прекращал.

Кари прибавила шагу, чтобы он ее не догнал, но вдруг услышала у себя за спиной хлопок. Присев на корточки, команданте выстрелил под дом, где прятался ребенок. Она бросилась к нему, выкрикая: «*Es niño, es niño!*» Поле зрения словно сузилось – по краям все размылось, четко видно только то, что строго по центру. Она будто неслась сквозь какой-то окутанный туманом тоннель, в центре которого маячила отчетливая фигура команданте.

А тот между тем бросил в дом фосфорную гранату, и над крышей взметнулось пламя. Опять присел на корточки во дворе, целясь под дом из пистолета. Кари бежала изо всех сил. Лицо ее онемело, будто маска. Выстрел. Команданте еще больше пригнулся, прицеливаясь, длинный палец поудобней устроился на спусковом крючке. В этот момент Кари резко остановилась, вскинула автомат и выстрелила ему в затылок.

Она чувствовала странное спокойствие. Клубы дыма уже затягивало под дом, и Кари увидела, как ребенок вылезает с противоположной стороны и опрометью бежит в лес. У самого края лесных зарослей он обернулся через плечо. Ребенок был действительно очень грязный. Среди деревьев она заметила какие-то лица. Чья-то рука нетерпеливо подзывала крошечную фигурку к себе.

Команданте оказался слишком тяжелым, чтобы затащить его в огонь. В любую секунду мог появиться еще кто-то из бойцов и увидеть, как он лежит здесь, застреленный в затылок. Смертный приговор. Кари бросилась к трупам команданте. Одно из стекол его круглых очков вылетело, в другом отражалось солнце. Поглядев на амуницию, которой он был увешан со всех сторон, можно было подумать, что команданте один готов одолеть целую армию. В числе прочего на хитроумном ремне со множеством отсеков и сумочек у него висела осколочная граната. Кари сдернула ее у него с пояса. Ухватила его за руку, подсунула ему под голову. Туда же затолкала и гранату. Выдернула чеку, отпустила рычаг и бросилась бежать без оглядки. Нырнула в кювет у дороги, широко открыв рот, как учили. Когда грохнул взрыв, вскарабкалась по откосу и побежала дальше. Все бежала и бежала. Смерть команданте вычеркнула один пункт из ее вечерних молитв.

В тот же день она отыскивала своего рыжеволосого возлюбленного, и они бежали вместе.

Целый год прожили в деревушке под названием Фуэнте де Бендисьон

[53] – он работал на лесопилке, она сражалась с кастрюлями на кухне местного пансиона. Собирались пожениться. В ту пору ей как раз исполнилось шестнадцать.

В то время нельзя было дезертировать из РВСК и остаться в живых. Под конец года *sicarios* [54] разыскали их и расстреляли парня прямо на улице, вместе с его шаферами, когда те в раздолбанном прокатном автомобиле ехали в церковь, где их дожидалась Кари с букетиком жасмина в руках.

Когда убийцы добрались и туда, церковь уже была пуста. В деревенском медпункте Кари наскоро перевязали изрезанные стеклами руки, и она сразу же выбежала оттуда через заднюю дверь.

Они долго поджидали ее в похоронном бюро. Она там так и не появилась. Тогда они подошли к гробу, несколько раз выстрелили в мертвого жениха Кари, сфотографировали раны и удалились – когда они его убивали, то не озаботились должным образом обезобразить его лицо.

Через неделю Кари стояла перед дверью огромного дома в Боготе. Вышедший на стук слуга отправил ее к черному ходу. После пятнадцати минут ожидания на крыльцо вышел старый натуралист в своих любимых подтяжках. Узнал он ее не сразу – грязную, в посеревших бинтах и запятнанных кровью свадебных туфельках.

– Поможете мне? – спросила она.

– Да, помогу. – Он сразу же кивнул, выключая свет над крыльцом. – Заходи.

За все то время, что она присматривала за ним, как за пленником, старик ни разу ее не обнял. А теперь обнял, прижал к себе. Пропитавшиеся кровью бинты оставили пятна у него на рубашке, когда Кари обняла его в ответ.

Врученная заботам экономки, вскоре она отмылась дочиста, плотно поужинала и забылась сном на чистых простынях. На всех окнах в доме опустили ставни – за помощь дезертирам из РВСК полагалось суровое наказание. Смерть. Кари нельзя было оставаться в Колумбии.

И профессор выполнил свое обещание помочь. С недельку пришлось подождать – столько понадобилось, чтобы раздобыть ей фальшивые документы, – а потом он отправил ее на север автобусом. День за днем, день за днем в пути – Коста-Рика, Никарагуа, Гондурас, Гватемала... Перевязки себе она делала сама, затягивая бинты другой рукой и зубами.

Профессор дал ей достаточно денег, чтобы хватило доехать на автобусах до Мексики, так что не пришлось подсаживаться в *La Bestia* [55] –

мексиканский поезд назначением на север, где места на крышах товарных вагонов, откуда очень многие падали, продавали бандиты, и путь которого был усеян множеством отрезанных и оторванных рук и ног. Профессор дал ей и записку к одному своему родственнику в Майами. Сославшись на болезнь, тот сплавил ее еще какому-то родственнику, который с ходу заявил, что первые три года ей придется работать бесплатно. Поскольку по «Радио Мамби»^[56] Кари уже слышала, что подобные уверения – это бессовестная ложь, с того момента она оказалась предоставленной самой себе.

С тех самых пор Кари всегда носила с собой хотя бы немного какой-нибудь еды. Обычно она съедала такие запасы только под вечер, да и то если они могли испортиться. Всегда держала при себе небольшой запас воды и складной нож разрешенной законом длины, который наловчилась быстро открывать одной рукой. На шее у нее на бисерной цепочке-четках висел перевернутый крест Святого Петра – ведь распяли того вверх ногами. Внутри креста скрывался острый клинок: длинная часть основания служила ножами, а короткая с горизонтальной перекладиной – рукояткой под кулачный хват.

* * *

И вот теперь, сидя в квартире сестры, она подремывала в кресле возле детской кроватки, роняя голову на грудь – почти как тогда в автобусе, на долгом пути к «Земле Свободных».

Ближе к полуночи загудел ее мобильник. Опять звонили с номера Антонио. Кари посмотрела на ярко светящийся в темноте экранчик. Очень тянуло ответить. Потом включился автоответчик. Чей-то голос с немецким акцентом произнес: «Кар-ри. Давай встретимся, я тебе помогу».

«Ну да, щас, разбежался. Тоже мне, помощничек нашелся».

Покачивая малышку, она потихоньку затянула лукавую песенку «Совет попугаю», которую частенько напевала ее бабушка: попугаю в ней обещают жизнь, полную спелых бананов и неземного счастья, если его продадут какому-то богачу-панамцу.

Ближе к рассвету голова у нее окончательно упала на грудь. Снился ей маленький крепкий домик у канала. Домик устоял перед стихией, даже несмотря на дыру в крыше. Прочно покоился на сплошном бетонном фундаменте. В случае чего играющий во дворе ребенок под него не залезет,

не застрянет, не поранится. Во сне, впервые отойдя от треволнений дня, Кари слегка улыбнулась: ее домик прочно стоит на фундаменте, а посапывающему рядом с ней ребенку абсолютно ничего не грозит.

Глава 16

Повисший над заливом Бискейн туман быстро таял под теплыми лучами утреннего солнца.

Суденьшко Капитана Марко, выбирая медленно крутящейся лебедкой краболовный порядок, черепашьим ходом продвигалось к северу неподалеку от особняка Эскобара. Экипаж его демонстративно удвоил усилия, перебирая снасти, когда неподалеку показался быстроходный катер береговой полиции Майами. Чтобы не раскачать работающих рыбаков кильватерной волной, водитель-полицейский, проходя мимо, слегка сбросил газ.

Марко и еще три члена экипажа обливались потом в бронежилетах, поддетых под просторные рубахи навывпуск. Скоро они окажутся точно напротив особняка. Теперь уже им солнце мешает смотреть – дом точно на ост от судна. Вдруг яркая вспышка где-то среди темных окон верхнего этажа – стекло на секунду отразило солнечный свет.

Первый помощник Эстебан расположился в рубке, пристроив винтовку на нижний край рамы открытого окна. Блеснувшее на миг стекло он засек сквозь оптический прицел.

– Вижу одного наверху, в открытом окне. Вытащил бинокль только что, рядом со стулом стоит автомат! – доложил Эстебан капитану.

Толстый трос порядка, роняя на палубу капли воды, одну за другой поднимал со дна крабовые ловушки. Игнасио ловко подхватывал вылезавшие из воды ящички, сделанные из дощечек и стальной сетки, и тут же вытряхивал пойманных голубых крабов в огромный ящик в центре палубы. Пустые ловушки укладывал в штабеля в корме – потом их опять начинят свежей наживкой. Мокрый порядок медленно и неуклонно лез из воды. Схватил, опорожнил – в штабель. Схватил, опорожнил – в штабель.

В каких-то двух длинах корпуса от персональной гавани Эскобара Игнасио открыл очередную ловушку – и застыл.

– *Mierda!*^[57]

Капитан Марко отцепил карабин поводца от порядка, вырубил лебедку.

Игнасио так и не сумел заставить себя опустить руку в ловушку. Просто перевернул ее над ящиком, и голова Антонио покатилась по горе живых крабов, грозно поднявших клешни. На голове по-прежнему оставалась водолазная маска. Лицо вокруг нее было изрядно изъедено крабами, запертыми в ловушке вместе с ней, но за стеклом оно осталось

нетронутым, и глаза Антонио безжизненно таращились в небо среди шевелящихся клешней.

На причале появился Матео. Согнув руку в локте, сделал неприличный жест, потом ухватился за ширинку обеими руками, подергал вверх-вниз.

– Я ща ему хер отстрелю! – прошипел Эстебан из рубки.

– Не сейчас, – бросил Капитан Марко.

* * *

На площадке лодочной стоянки Бенито долго всматривался в объединенное крабами лицо своего юного друга.

– Звони Кари, – произнес он.

– Не хватало только ей на это смотреть! – отозвался Капитан Марко.

– Она все равно захочет приехать, – сказал Бенито.

Глава 17

Детектив-сержант Терри Роублз из отдела убийств Майами-Дейд^[58], тридцати шести лет, все еще находящийся в отпуске по ранению, остановил машину на стоянке «Пальмира-гарденз», в тени деревьев возле ограды. Едва он успел заглушить мотор, как засветился экран мобильного – звонили из судебно-медицинской экспертизы.

– Терри, это Холли Бинг.

– Привет, Холли.

– Терри, утром мне прислали пулю из утопленника: мужчина, светлый латинос, на вид лет двадцать с небольшим. Отправила ее в ИСБИ^[59] в Куантико. Есть совпадение! Похоже, пуля из какого-то из тех стволов, из которых обстреляли твой дом. Помнишь ту, что достали из стены в спальне? Уровень соответствия – выше девяноста процентов.

– Кто он?

– Пока непонятно. Я звонила тебе в отдел, и мне дали твой мобильник. Когда опять вернешься к работе?

– Как врачи разрешат. Наверное, скоро.

– А как Даниэла? Ничего, что я спрашиваю?

– Как раз приехал ее навестить. Буду у тебя через час.

– У меня сейчас занятия со студентами, но все равно приезжай. Ничего, если я тебя представлю? Они на меня очень обидятся, если я тебя спрячу.

– Вот черт... Ладно, лады. Спасибо, Холли.

В машине рядом с Роублзом сидела собака – такса по кличке Салли. Когда он закончил разговор, Салли перелезла к нему на колени. Подхватив ее под мышку, он вылез из машины и на ватных ногах двинулся к «Пальмира-гарденз».

* * *

«Пальмира» – лучший центр ухода и реабилитации на всем Юго-Востоке. Изящные старые здания под высоченными деревьями. Ручка на калитке в ограде – только снаружи, изнутри так просто не выйдешь.

В саду на скамейках – несколько здешних постояльцев.

Вокруг стоящего под высоким деревом священника преклонных лет собралась внимающая ему группа домашних животных, нашедших приют на территории центра, – четыре собаки, кошка, небольшая коза, три попугая и стайка цыплят. Проповедник подкреплял интерес своей паствы, регулярно предлагая ей всякие вкусности из собственных карманов. Он даже пытался класть лакомые кусочки им на языки, как святое причастие, но чаще всего их просто выхватывали у него из руки. Попугая он только что причастил тыквенным семечком, осторожно зажав его кончиками пальцев. К разношерстной группе прихожан присоединился лишь единственный представитель человеческой расы – пожилой джентльмен, которому священник время от времени величественно скармливал то одну, то две горошины «Эм-энд-Эмс».

Другой рукой священнослужитель придерживал за корешок раскрытую потрепанную Библию в кожаном переплете, вдохновенно размахивая ею, отчего страницы сами собой перелетали туда-сюда – хитрый прием, который в свое время ввел в оборот небезызвестный Билли Грэм^[60].

Такса Салли, явно унюхавшая предлагаемые яства, проявила к проповеди неподдельный интерес. Заерзала, пытаясь вырваться, когда Роублз с ней и небольшим пакетом под мышкой входил в главное здание.

Директор была у себя. Сорокалетняя Джоанна Спаркс правила центром железной рукой, никому не давая поблажки. Роублз думал, что ее трудно чем-нибудь удивить, но при виде его она вдруг радостно заулыбалась. С колен у нее спрыгнула маленькая собачка. Роублз опустил Салли на пол, и обе собаки сразу же стали обнюхиваться, размахивая хвостами.

– Здравствуйте, Терри. Даниэла в среднем саду. Терри, у нее на голове вы увидите небольшую повязку, но не волнуйтесь. Просто из-под кожи достали еще маленький фрагмент пули. Это часть оболочки, не свинец. Все нормально. Доктор Фримен уже его изучил.

– Спасибо, Джоанна. Как она ест?

– Сметает все до последней крошки, включая десерт.

Когда Роублз вышел из кабинета, Джоанна потихоньку отправила вслед за ним медсестру.

Жену он отыскал в среднем саду сидящей на скамейке. Волос ее касались пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи, и сердце его наполнилось, как парус. Пришлось даже перевести дух. Ну, с Богом.

Даниэла сидела рядом с каким-то дедком, которому на вид было лет под сто, – аккуратненьким, в легком жатом костюмчике с галстуком-

бабочкой. Роублз опустил таксу на землю; та сразу же с радостным повизгиванием бросилась к Даниэле и запрыгнула ей на колени. Даниэла вроде как испугалась, а старичок протянул свою сухую лапку, отпихивая маленькую собаку в сторону.

– Эй, эй! – проскрипел он. – А ну-ка слезь!

Роублз поцеловал Даниэлу в макушку. Вдоль пробора на голове у нее бежал длинный розовый шрам.

– Здравствуйте...

– Привет, детка! – отозвался Роублз. – Я принес тебе пахлавы, миссис Катикис делала. И вот еще Салли. Смотри, как она рада тебя видеть!

– Можно представить вам моего бойфренда? – отсутствующе произнесла Даниэла. – Это...

– Гораций, – поспешно подал голос пожилой джентльмен. Может, он и не совсем хорошо представлял, где сейчас находится, но хорошие манеры явно остались у него на уровне рефлекса. – Меня зовут Гораций.

– Ты сказала, бойфренда? – несколько опешил Роублз.

– Да. Гораций, а это один мой давний знакомый.

– Меня зовут Терри Роублз, Гораций. Я муж миссис Роублз.

– Мистер Роублз, выходит? Очень приятно свести знакомство, мистер Роублз.

– Знаете что, Гораций... Мне нужно переговорить с миссис Роублз с глазу на глаз. Если вы не против...

Медсестра, внимательно наблюдавшая за ними со стороны, подошла, чтобы увести Горация. Тот поначалу упирался и сдался только тогда, когда Даниэла об этом его специально попросила.

– Даниэла?

– Все нормально, Гораций. Мы ненадолго.

Медсестра помогла старику подняться, и оба направились в сторону оранжереи. Салли все прыгала перед Даниэлой, ставила ей лапы на колени. Та с отсутствующим видом отпихивала собаку от себя. Роублз подхватил таксу на руки и посадил на скамейку между ними.

– Что это еще за Гораций?!

– Гораций – мой хороший друг, настоящий джентльмен. Мы ведь с вами знакомы вроде? По-моему, мы с вами точно где-то встречались...

– Да, Даниэла, еще как встречались... Ну, как ты? Всем довольна? Спишь хорошо?

– Да, очень довольна. Напомните мне – вы тут работаете?

– Нет, Даниэла. Я твой муж. Я очень рад, что ты всем довольна. И я люблю тебя. Вот твоя собака – Салли. Она тоже тебя любит.

– Мистер... мистер. Спасибо вам на добром слове, но боюсь, что... – Даниэла опять уставилась куда-то в пространство.

Он слишком хорошо ее знал. Она хотела, чтобы он поскорее отвалил. Ему уже доводилось видеть у нее такое выражение лица – где-нибудь в гостях или в ресторане, но к нему это никогда не имело никакого отношения.

В глазах у Роублза предательски заблестела влага. Поднявшись, он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. Она быстро отвернула голову – как частенько поступала при встрече с не очень приятными ей людьми, чтобы свести поцелуй к минимуму.

– По-моему, мне пора, – произнесла она. – Всего хорошего, мистер...

– Роублз, – сказал он. – Терри Роублз.

* * *

Он стоял в кабинете Джоанны с собакой под мышкой.

– В спине осталась еще пара мелких фрагментов, должны сами выйти, – говорила ему Джоанна. – Мы ей специальную подстилку подстелили, из овчины. Анализы крови хорошие. А вы-то как? Как психотерапия продвигается? Подвижность улучшилась?

– Все со мной нормально. А что это еще за Гораций?

– Гораций – совершенно безобидный человек. Во всех смыслах этого слова. В половине девятого он уже как штык в постели. Двадцать лет уже здесь у нас провел. Ведет себя образцово. Она ничего такого не имела в виду, это все равно что малолетний ребенок вдруг начнет...

Роублз предостерегающе вытянул руку. Она внимательно посмотрела на него.

– Терри, ей хорошо. Положение, в котором она оказалась, ее практически не беспокоит. Знаете, кто больше всех от всего этого страдает? Вы! Уже что-нибудь выяснилось? Кто...

На какой-то миг он перестал ее слышать, вдруг мысленно перенесшись в те последние минуты, после которых Даниэла перестала его узнавать.

Они в своей постели. Она сидит на нем верхом. Вдруг на оконных шторах – всполохи автомобильных фар. Грохот автоматных выстрелов. Окно разлетается вдребезги, лампа с ночного столика со звоном и треском летит на пол. Одна из пуль попадает Даниэле в голову. Она падает лицом вперед, стукнувшись в него лбом. Он скатывает ее с кровати на пол, сам

падает следом. Прижимая ее голову к груди, видит прямо у глаз ее залитое кровью лицо. Выхватывает пистолет из тумбочки. Сквозь разбитое стекло провожает взглядом удаляющиеся красные огни. Только теперь сознает, что тоже ранен.

Джоанна продолжала внимательно изучать его лицо.

– Зря я, наверное, подняла этот вопрос.

– Нет, – отозвался Роублз. – Этот кусок гов... эта сволочь только что отмотала шесть лет в Рейфорде^[61]. Это я его туда засадил, за угрозу огнестрельным оружием. И вот теперь этот уголовник, у которого за такие художества приводов выше крыши, выходит, где-то разживается автоматом и обстреливает мой дом. Самого-то его мы нашли за три дня, но автомат как корова языком слизала. Где он его взял? Куда потом девал? Теперь ему светит пожизненное. А мне нужен тот, кто дал ему этот автомат.

Джоанна проводила его до калитки.

Священник под деревом все продолжал обращаться к своей бессловесной пастве и единственному прихожанину из рода «гомо сапиенс»:

– ...и чтобы видели сыны человеческие, что они сами по себе животные, – вещал он. – Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех; все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах^[62].

В оранжевых лучах уходящего дня Джоанна закрыла калитку за вышедшим за ограду Терри Роублзом с Салли в руках. Такса, которая постоянно оглядывалась назад через плечо Роублза на то место, где в последний раз видела Даниэлу, жалобно твякнула, когда он сажал ее в машину.

Глава 18

В приемном отделении отдела судмедэкспертизы округа Майами-Дейд установлены видеокамеры, так что любого мертвеца можно опознать дистанционно; на полах – толстый мягкий ковер, на случай если кто-нибудь из родственников усопшего вдруг упадет в обморок.

Лаборатория за двойными распашными дверями – настоящее произведение искусства. Двери все на уплотнителях, за чистотой воздуха следит электронная система дегазации, а в оборудованном по последнему слову техники холодильном отсеке можно в случае чего уместить пассажиров и экипаж даже самого большого авиалайнера. Поверхность столов для вскрытия – той градации серого, что идеальна в качестве фона для фотосъемки.

Доктор Холли Бинг проводила занятия для небольшой группы будущих судмедэкспертов, собравшихся здесь со всей страны и даже из Канады. Все столпились вокруг безголового тела какого-то мужчины в плавательных ластах. Объект, уложенный на стол в стандартном анатомическом положении, был охлажден до одного градуса выше нуля.

Поверх черного халата на докторе Бинг – лабораторный фартук, брюки заправлены в высокие армейские ботинки на шнуровке. Родом она была откуда-то из Азии. Миловидное личико и явно не бездна терпения.

– Здесь у нас светлокожий латиноамериканец, атлетического телосложения, на вид лет двадцати пяти, – говорила доктор Бинг. – Вчера его прибило к нудистскому пляжу в Хауловер-Бич, прямо возле плавучей закуской. Спасатели услышали визг. Степень разложения незначительная, но, как видите, тело изрядно попорчено. В области правого нижнего квадранта имеется послеоперационный шрам от аппендэктомии, на левом предплечье – татуировка морской пехоты в виде глобуса с якорем и надписи «Semper Fidelis». Смерть наступила относительно недавно – может, всего пару дней назад, хотя труп изрядно объеден крабами и креветками. Что нам первым делом надо выяснить, чтобы определить время наступления смерти?

Ответа она дожидаться не стала.

– Температуру воды в районе Хауловер-Бич, так ведь? Двадцать девять градусов по Цельсию. Позже мы подробнее поговорим о том, как определить время смерти в том случае, если тело обнаружено в воде. Пальцы отсутствуют, как вы тоже видите. Рост в данный момент – около

пяти футов, еще примерно десять дюймов накинем на отсутствующую голову.

– А чем ее отрезали, доктор Бинг? – Вопрос задал молодой человек со свежим юным лицом, стоящий в изголовье секционного стола.

– Видите следы от пилы на третьем шейном позвонке? – отозвалась доктор Бинг. – Судя по расстоянию между зубцами, использовалась ручная электропила марки «Сазл» с возвратно-поступательным движением режущего полотна. В США это все более популярный инструмент для расчленения – уже обогнал цепную бензопилу и отстает только от мачете. Чтобы это проделать, труп, скорее всего, положили на стол или на кухонную стойку – ну, или в кузов пикапа с откинутым бортом, чтобы голова свисала наружу. Когда ему отпиливали голову и отсекали пальцы, он был уже мертв. Откуда нам это известно? Взгляните на результаты анализов – уровень серотонина и гистамина в поврежденных тканях не выше нормы. То же самое касается и проколов брюшной полости – это было сделано, чтобы он слишком быстро не всплыл под воздействием газов, образующихся в процессе разложения. Видите разницу в способах, какими были ампутированы пальцы? Один отпилен все той же ручной электропилой, а другие удалены более традиционным манером – откушены чем-то вроде садового секатора. На бедре – огнестрельная рана, навывлет, и еще одна в районе таза – я нашла пулю, которая там застряла.

– Причина смерти? – спросила доктор Бинг, опять не давая студентам и слова вставить. – Нет, только не обезглавливание. Смерть вызвало сквозное ранение грудной клетки. Орудие убийства вошло под левую лопатку, разорвало сердце и вышло в области левого соска.

Доктор Бинг дотронулась до груди трупа рядом с продолговатым выходным отверстием, по бокам от которого виднелись два отверстия поменьше. Когда она прижала грудную клетку возле этих синеватых точек, под ее латексными перчатками проступили накрашенные красным лаком ногти.

– Кто-нибудь хочет объяснить мне, чем эти маленькие отверстия оставлены? Есть предположения?

– Старая ссадина? – предположил кто-то из студентов.

– Нет, – покачала головой доктор Бинг. – Я уже сказала вам, что это выходная рана. Детектив Роублз, что, на ваш взгляд, могло образовать подобное выходное отверстие и два отверстия поменьше?

– Стрела – скорее всего, арбалетная. Или гарпун из ружья для подводной охоты.

– Почему?

– Потому что после того, как стрела пробила его насквозь, литье натянулось и потянуло ее назад. В этот момент она, наверное, немного провернулась, и направленные назад зазубрины наконечника прокололи кожу в другом месте. Не исключено, что наконечник с раскрывающимися лепестками. Надо будет пройтись по магазинам для ныряльщиков.

– Спасибо. Господа студенты, это детектив-сержант Терри Роублз из убийного отдела Майами-Дейд. Он наверняка уже видел нечто подобное – равно как и все остальное, что люди вытворяют друг с другом.

– А гарпун нашли? – спросил все тот же молодой человек у торца стола.

– Нет, – ответила доктор Бинг. – И о чем это нам говорит при данных обстоятельствах?

Когда никто не ответил, она повернулась к Роублзу.

– О том, что у них было время его вытащить, – отозвался тот.

– Да, у убийцы были и время, и подходящие условия, чтобы спокойно извлечь гарпун. Судя по виду входного отверстия, стрелу не выдергивали в спешке. Наверняка отвинтили наконечник и аккуратно вытащили древко стрелы со спины. И никто им при этом не мешал.

После этого доктор Бинг отпустила студентов за двери на перерыв. Они с Роублзом остались в лаборатории.

– Я отослала образец ДНК в Куантико, но это займет несколько дней, – сообщила она. – Господи, да по тестам на изнасилование порой целый месяц можно результата прождать! Пуля деформирована, но с более чем девяностопроцентной вероятностью – калибр двести двадцать три. Шестидесят шесть гран^[63], правого вращения, шаг нарезов один к девяти – скорее всего, гражданская версия «АР-пятнадцать». Хвостовая часть коническая – похоже, что дозвуковая.

– Ты оставила на нем ласты.

– Да, но я заглянула под них до прихода студентов.

Холли стащила одну из ласт. На подошве ступни под ней открылась татуировка: «GS 0+».

– *Grupo sanguíneo*, – расшифровал Роублз. – Это его группа крови.

Холли стянула вторую ласту.

– Думаю, тебе захочется на это взглянуть, пока мы еще не приступили, – сказала она. На подошве другой ступни тоже обнаружилась наколка – колокольчик, подвешенный на рыболовный крючок.

– Терри, почему эта татуировка в таком странном месте? Ее ведь не видно, в тюрьме никто и не поймет, кто он и откуда, если вдруг прицепится. Другое дело где-нибудь на шее!..

– Под такую татуху можно занять кучу денег без всякого залога. Она сама по себе залог. Или адвоката в долг нанять, если адвокат понимающий. Из тех, что постоянно вертятся возле тюрьмы. Это татуировка «Десяти колокольчиков». Спасибо, что пригласила, Холли.

Глава 19

Над лодочной стоянкой на Майами-ривер сгущались сумерки. Тихо шуршали листвой склонившиеся под ветром пальмы. По реке прошел небольшой грузовой теплоход с парой буксиров в носу и корме, которые намертво вцепились в него, словно два коренастых терьера.

Капитан Марко с двумя своими матросами и старый Бенито стояли перед распахнутой дверцей мусоросжигателя. Внутри вовсю полыхало жаркое пламя. Отбрасываемые им отсветы и тени плясали по темной площадке. На втором помощнике Игнасио была только драная майка.

– Игнасио, надень рубашку, – попросил Капитан Марко.

Тот через голову натянул на плечи рубашку-поло. На внутренней стороне бицепса промелькнула татуировка – колокольчик, подвешенный на рыболовный крючок. Одевшись, он поцеловал медальон, висящий на шее.

В самой глубине пламени, среди зубастых рыбьих голов, на них безмолвно смотрела голова Антонио, все еще в водолазной маске – резина уже начала плавиться вокруг стекла, прикрывающего раскрытые мертвые глаза. Черного готического крестика в ухе не было – кто-то из убийц грубо сдернул его, разорвав мочку.

Откуда-то из темноты появилась Кари Мора, встала рядом с Бенито.

В руках у нее была ветка жасмина с оранжевыми цветочками. Она стояла вместе с мужчинами и, не моргая, смотрела в топку мусоросжигателя. Бросила ветку в огонь, чтобы хоть частично прикрыть обезображенное лицо Антонио.

Бенито плеснул внутрь жидкости для розжига. Из топки вырвались искры и языки пламени.

Красные отсветы огня гуляли на их лицах.

Глаза у Капитана Марко были на мокром месте, но голос отвердел.

– Достославный святой Дисмас^[64], покровитель раскаявшихся воров и грабителей, ты сопутствовал Христу при сошествии его в ад. А теперь вознеси же брата нашего бережно на небеса!

Бенито прикрыл дверцу топки. Без света, который давал огонь, воцарилась почти полная темнота. Кари оглядела испещренную рытвинами земляную поверхность площадки. Выглядела та почти так же, как земля там, в совершенно другом месте – до того, как она оказалась в Соединенных Штатах.

– Нужно тебе что-нибудь? – спросил Капитан Марко.

– Не отказалась бы от коробочки патронов сорокового калибра, «Смит и Вессон», – отозвалась она.

– С этим стволом надо кое-что сделать, – сказал Марко. – Дай-ка его сюда.

– Нет.

– Тогда давай махнемся, – предложил Марко. – Я тебе другой дам. Бенито, твой племянник может чуток подработать ствол и чашечку затвора?

– Тогда уж и экстрактор с ударником заодно, – сказал Бенито, протягивая руку за пистолетом.

– Потом обратно отдадим, Кари, – пообещал Марко. – И давай без капризов. Вообще-то это я тут командую.

«Тоже мне командир. Такой же, каким был Антонио. Надо было все-таки прикрыть его, когда он полез в гавань».

Марко тем временем продолжал ее расспрашивать:

– Есть твои пальчики на «маслятах»? Сама магазин снаряжала?

– Нет.

– Гильзы там оставила?

– Да. – Она передала пистолет Бенито.

– Спасибо, Кари.

Марко сходил в контору стоянки и принес оттуда другой «ЗИГ-Зауэр» с коробкой патронов, вручил ей. Калибр чуть поменьше, 357^[65]. Сойдет.

Марко склонился к ее уху:

– Кари, хочешь работать с нами?

Она покачала головой:

– Больше вы меня не увидите.

Вдруг из темноты – тревожный свист. Капитан Марко вместе с остальными сразу насторожились.

* * *

Детектив-сержант Терри Роублз вылез из машины. Сразу заметил искры, поднимающиеся над площадкой из мусоросжигательной печи. Пробравшись между штабелями крабовых ловушек, зашел на территорию. В этот момент кто-то неподалеку пронзительно свистнул, и спереди на рубашке у детектива возникла подрагивающая ярко-красная точка – лазерный прицел. Он поднял повыше раскрытый бумажник с полицейским значком.

Голос из темноты:

– *Alto!* Стой!

– Терри Роублз, управление полиции Майами. Уберите с меня этот свой лазер. Да поживей.

Капитан Марко поднял руку, и ярко-красная точка переместилась с груди Роублза на значок у него над головой.

Капитан встретил Роублза в узком проходе между штабелями сетчатых ловушек.

– У тебя что, не отобрали эту жестянку, когда отправили подлечиться? – поинтересовался он.

– Нет, – отозвался Терри. – Попробуй ее отбери. Примерно как твою наколку с колокольчиком.

– Вообще-то рад тебя видеть, – заметил Марко. – Хотя нет, «рад» – это больно уж сильно сказано, прости мой английский. Мне «не жаль» тебя видеть. По крайней мере пока. Хочешь махнуть чего-нибудь?

– Не откажусь, – кивнул Роублз.

Под крышей открытого эллинга Капитан налил обоим по стопочке рома. С лаймом они заморачиваться не стали.

На виду у Роублза был только Капитан Марко, но он буквально спиной чувствовал, что остальные тоже где-то тут рядом, в темноте. Аж между лопатками чесалось.

– У меня труп с вашей наколкой. И наверняка ты знаешь, кто это.

Капитан Марко недоуменно развел руками. По реке скользил еще один сухогруз с буксирами у носа и кормы. Из-за стука судовых машин пришлось повысить голос.

– Молодой латиноамериканец, лет двадцати с небольшим, – продолжал Роублз. – Крепенький, на ногах ласты. Ни головы, ни пальцев. На подошве ноги – ваша татуировка. И еще группа крови. По-испански написано – *grupo sanguíneo*. Нулевая положительная.

– Как он погиб?

– То ли арбалетная стрела, то ли гарпун из подводного ружья прямо в сердце. Отошел он быстро – если это то, что тебя интересует. По крайней мере, еще до того, как ему оттяпали пальцы.

Роублз внимательно пригляделся, но ничего в лице у Марко не разглядел.

– Одна из пуль, которую из него вытащили, совпадает с пулей из моего дома, – добавил он.

– А-а... Так вот оно что.

– Вот оно что, – Роублз кивнул.

Вокруг голой лампочки кружил мотылек, и его тень металась по их лицам.

– Хочу, чтобы ты знал, – произнес наконец Марко. – Мамой клянусь: мы без понятия, кто стрелял в твой дом. В жизни не стал бы стрелять в твой дом, как ты никогда не стал бы стрелять в мой. Всем искренне жаль, что такое случилось с твоей сеньорой.

– Есть куча людей, которым выстрелить в чей-то дом – раз плюнуть. Равно как и в какого-нибудь парнишку в ластах. Тебе не жалко пацана?

Громкое «бабах!» откуда-то изнутри топки, в которой кипели мозги Антонио. Вихрь искр из трубы.

– У меня в команде все живы-здоровы, – медленно проговорил Марко.

– Мне нужен тот, кто застрелил парнишку, мне нужен ствол, и я хочу знать, откуда этот ствол взялся. К тебе у меня на данный момент претензий нет. Но если я выясню, что ты знал и ничего мне не сказал, тогда точно будут.

– Сам знаешь – я давно завязал. Но где-то с месяц назад был на одном семейном сборище в Картахене, на первом причастии, и вот там я видел одного не последнего...

– Дона Эрнесто.

– Лучше скажем так – одного далеко не последнего человека.

– Он в курсе, откуда этот ствол?

– Нет, и наверняка готов сказать это тебе прямо в лицо. Если этот человек когда-нибудь появится в Майами, ты готов встретиться с ним лицом к лицу? – спросил Марко.

– Лицом к лицу? В любое время, в любом месте.

Роублз кивком поблагодарил за ром и темной тропинкой направился между штабелями ловушек и деревянных ящичков обратно к машине. Точка лазерного целеуказателя скользила по земле вслед за ним.

– Скорее всего, в следующий вторник, – сказал Марко сам себе.

Громкий хлопок из топки. Голова Антонио лопнула, и из трубы, словно какой-то темный нимб, вырвалось кольцо дыма, подсвеченное снопом ярких искр.

Марко очень надеялся, что опознают Антонио нескоро – потому что иначе копы сразу же пойдут его обычным рабочим маршрутом, по его клиентам, чьи бассейны он приводил в порядок. И неизбежно доберутся до...

Глава 20

На третий день отсутствия Антонио на работе – вместе с невесть куда девшимся пикапом – компания по обслуживанию бассейнов подала в полицию заявление об исчезновении своего сотрудника. Пикап обнаружили всего через два часа после того, как его объявили в розыск, – он по-прежнему стоял на парковке окраинного торгового центра.

Одна из коллег пропавшего, прижимая к горлу пакет со льдом, чтобы сдержать тошноту, отсмотрела снятое судмедэкспертами видео и уверенно опознала татуировки Антонио.

Когда Ганс-Петер Шнайдер узнал об этом опознании в новостях, то понял: времени практически не осталось. Первым делом полиция наверняка поднимет список клиентов Антонио.

Два дня Ганс-Петер в основном наблюдал и выжидал. А еще занимался тем, что пытался восполнить потери в личном составе. А потерял он уже двоих, если не считать Феликса. Остался с одним Матео.

Ганс-Петер всегда предпочитал, чтобы работающая на него команда отличалась этническим и языковым разнообразием – меньше шансов, что его люди сговорятся между собой и устроят ему какую-нибудь подлянку.

В борделе, замаскированном под сувенирный магазин неподалеку от автострады «Интерстейт 95», он отыскал Финна Картера – искусного вора-взломщика, который уже и раньше на него работал. Завидев Ганса-Петера, Финн Картер поначалу чуть не подскочил до потолка, но, поскольку только что отмотал пятерик в «Объединенной исправительной» в Рейфорде, был открыт для любых предложений. Потом подтянулся Флако Ниньес – автомеханик-кузовщик и владелец сомнительного автосервиса в Иммокали, специализирующегося в основном на разборке краденых автомобилей, – с двумя сроками за домашнее насилие. Некогда Флако подрабатывал вышибалой в барах, принадлежащих Гансу-Петеру, пока горздрав их успешно не прикрыл.

Когда полиция в доме Эскобара так и не появилась, Ганс-Петер вновь взялся за дело.

Картер с Флако продолжили долбить стену подвала.

Ганс-Петер наблюдал за процессом с верхних ступенек лестницы. Готический крестик, снятый с Антонио, нацепил себе на ухо – на удачу.

Про то, что в ящике может находиться взрывчатка, он своим новым работникам сообщать не стал. Хесус вполне мог и соврать, кто его там

знает?

Глубоко утопленный в землю фундамент в Майами-Бич – вещь практически немыслимая. Вода прямо под боком и постоянно гуляет туда-сюда. Настоящий фундамент либо сразу же зальет, либо дом всплывет на нем, как на понтоне. Чтобы дом Эскобара устоял даже перед ураганным приливом, его поставили на высокие сваи, как и площадку патио, а потом засыпали промежутки между ними привозным грунтом. Так что помещение в подвале, хоть и окруженное этой землей, располагалось достаточно высоко, чтобы нормальной высоты прилив его не затапливал.

Картер с Флако доломали нужный кусок стены, практически полностью обнажив обращенную к суше стенку стального куба. Взглядам открылась мощная сейфовая дверца, на которой красовалась женская фигура – высоченная, больше чем в натуральную величину: Пречистая Милосердная Дева Кобрийская, небесная покровительница Кубы и моряков. На могучей двери – ни наборного диска, ни замочной скважины, только одна маленькая ручка, которая даже не поворачивалась.

Картер вставил в тяжелый электрический перфоратор сверхпрочную битую-зенковку из кобальтовой стали с защитным оксидным воронением. Чтобы запитать инструмент, пришлось тянуть вниз по ступенькам удлинитель, подсоединенный к ближайшей 220-вольтовой розетке – за плитой в кухне.

Перед тем как уткнуть наконечник биты прямо в грудь изображенной на стальной стенке святой и нажать на пусковую кнопку, Картер на всякий случай перекрестился. Перфоратор оглушительно затрещал, но из-под острия зенковки вылез лишь тонюсенький завиток металлической стружки.

Ганс-Петер призадумался, полуприкрыв лишённые ресниц веки. Вздрогнул, когда перфоратор затрещал-загремел опять. Где-то в голове вдруг всплыл голос Хесуса Вильярреала: «У этой дамы взрывной характер».

Остановил Картера – пришлось орать что есть мочи, чтобы перекрыть грохот перфоратора. Вышел во двор с мобильником, набрал номер. Ждал добрых три минуты, пока ответят. Еще до того, как из колумбийской Барранкильи до него донесся голос Хесуса Вильярреала, услышал в трубке сиплое посапывание респиратора.

– Хесус, наступил момент отработать деньги, которые я тебе отправил, – объявил Шнайдер в трубку.

– Сеньор Шнайдер, наступил момент отправить мне остаток суммы, которую я уже отработал, – официальным тоном ответил Хесус.

– Я докопался до сейфовой двери.

– До двери, на которую я тебя навел.
– Тут никаких наборных дисков, только маленькая ручка. Можно открывать?

Резкий вдох, пауза, и вновь слабый голос в трубке:

– Она заперта.
– Так может, взломать?
– Нет, если только ты хочешь еще хоть сколько-нибудь пожить на этом свете.

– Тогда посоветуй мне, как быть, мой старый добрый друг Хесус.
– Поступление денежных средств наверняка подстегнет мою память.
– Ситуация крайне стрёмная, а времени практически не осталось, – напирал Шнайдер. – Ты хочешь обеспечить своих близких. Я хочу, чтобы мои люди не пострадали. Что угрожает одному, точно так же угрожает другому: это-то хоть понятно, или у тебя в голове уже окончательно помутилось?

– Не настолько помутилось, чтобы я разучился считать деньги. Всё проще некуда: плати, сколько обещал, да поторапливайся. – Хесусу пришлось умолкнуть, чтобы перевести дух и втянуть кислорода из маски. – Другие могут быть гораздо более опасны. А пока что я не стал бы беспокоить Пречистую Милосердную Деву Кобрийскую, мой добрый друг сеньор Шнайдер!

В трубке наступила тишина.

Шнайдер залез рукой за кухонную плиту, выдернул удлинитель из розетки. Спустился в подвал и объявил своим людям:

– Придется подождать, либо же вытаскивать этот ящик оттуда целиком. Попробуем достать его и перевезти туда, где с ним будет можно спокойно поработать. Возни будет много, Картер. Нам нужна тихая обстановка, чтобы никто к нам носа не совал.

В полдень в телевизионных новостях повторили сообщение об опознании Антонио и дали номер «горячей линии», по которому очевидцы могли связаться с полицией.

Шнайдер позвонил в Лодердейл Клайду Хопперу. Официально Хоппер занимался строительством и ремонтом причалов, но имел еще один побочный и весьма выгодный бизнес – помогал девелоперам избавляться от исторических зданий, оказавшихся на пути новой застройки.

Получить разрешение на снос старого здания в Майами и в Майами-Бич – целая история. Застройщик может неделями, а то и месяцами ждать, пока ему позволят даже просто спилить деревья на присмотренном участке, не говоря уже о том, чтобы снести расположенное на нем историческое

строение.

У Хоппера для таких делишек имелась специальная гусеничная машина марки «Хитачи», похожая на гигантского краба, угрожающе воздевшего ввысь две огромные стальные клешни. На то, чтобы превратить дом в бесформенную кучу обломков, этому монстру требовалось всего несколько часов. Прodelывалось такое обычно по субботам, пока строительный инспектор прохлаждался у себя дома с детишками.

Сбоку к кабине машины был приторочен большой пластиковый мешок – для птичьих гнезд с птенцами и прочих обиталищ всякой живности, нашедшей приют на деревьях. Потом все это недрогнувшей рукой выбрасывалось на свалку, и никаких следов не оставалось.

Когда обнаруживалось, что дом снесен, общество охраны исторических памятников в очередной раз поднимало шум, а девелопер в очередной раз уплачивал штраф в пределах ста двадцати пяти тысяч долларов – кошкины слезки по сравнению с тем, во что обходилось ожидание разрешения, во время которого выдавшие кредит банкиры поглядывали на застройщика, словно голодные грифы, усевшиеся рядком на коньке крыши.

Но в данный момент Гансу-Петеру требовался не разрушительный «Хитачи», а пятидесятитонный подъемный кран Хоппера, установленный на большой барже. При встрече Шнайдер сразу обозначил сумму. Потом слегка прибавил, и они ударили по рукам.

– Будем вытаскивать в воскресенье, днем, – объявил он своим людям, парящимся в душном подвале в пропитанных потом майках.

Глава 21

Барранкилья, Колумбия

Перед входом в клинику «Анхелес де ла Мизерикордия» к запруженному густыми толпами тротуару притерлось такси. Уличный торговец с тележкой начал было возмущаться наглостью таксиста, посягнувшего на его законное место возле больницы, но потом увидел на заднем сиденье монашку в черном облачении, почтительно перекрестился и отвалил.

В провонявшей карболкой общей палате на первом этаже приглашенный священник приоткрыл занавесочку у койки, на которой вытянулся худой, как скелет, мужчина, и приступил к таинству соборования. Из выщербленного эмалированного судна под кроватью вылетела муха, закружилась над освященным елеем. Завидев черное одеяние сестры милосердия, священник окликнул ее, чтобы отогнала назойливое насекомое. Но та словно ничего и не слышала – продолжала целенаправленно продвигаться по палате, раздавая детишкам крошечные конфетки, хотя в корзинке у нее на локте было полно свежих фруктов.

Корзинку она занесла в одну из отдельных палат в дальнем конце отделения.

Лежащего там Хесуса Вильярреала явно обрадовало ее появление. Он даже стянул кислородную маску, чтобы она увидела его улыбку, и произнес чуть слышно:

– *Gracias*, сестра. Нет ли там в корзинке какой-нибудь карточки? Конверта? Пакета из «Ди-эйч-эл»?

Монашка улыбнулась, извлекла откуда-то из-под своих многочисленных одеяний конверт и всунула ему в руку. Многозначительно воздела палец к небесам. Подошла ближе, расчистила место на тумбочке и пристроила на нее корзинку с фруктами – так, чтобы он мог достать. Пахнуло духами и табачным перегаром. «Монашка – и покуривает втихаря?» – изумился Хесус. Похлопав больного по руке, она смиренно склонила голову, шевеля губами. Хесус поцеловал медальон со святым Дисмасом, пришпиленный к подушке. «*Dios se lo pague!*»^[66] – прошептал чуть слышно. В конверте обнаружилось извещение о денежном переводе на сумму две тысячи долларов.

А ко входу в больницу между тем подкатил черный «Рейнджровер»

дона Эрнесто. Телохранитель – все тот же Исидро Гомес – вылез с переднего пассажирского сиденья, распахнул перед боссом заднюю дверцу.

Водитель ожидавшего позади них такси тут же уткнулся в многостраничную «Ла либертад», прикрывая лицо.

Обитатели общей палаты опять сразу же узнали дона Эрнесто и один за другим окликали его по имени, пока тот в сопровождении Гомеса продвигался между длинных рядов больничных коек.

Монашка уже уходила, опять раздавая по пути конфеты. Из-под прикрытия накрывающей голову мантильи украдкой бросила взгляд на проходящего мимо дона Эрнесто и без задержки засеменила к выходу, с улыбкой опустив глаза долу.

Дон Эрнесто постучался в приоткрытую дверь палаты Хесуса.

– *Bienvenido*^[67], – пробубнил тот через кислородную маску. Стащил ее вбок, чтобы не мешала разговаривать. – Сегодня без шмона – какая честь для меня!

– Тебе еще больше понравится то, что я сейчас скажу, – ответил дон Эрнесто. – Ну что, готов услышать?

Хесус слабо взмахнул немощной рукой – давай, мол, выкладывай.

– Просто умираю от любопытства, – прошелестел он. – По крайней мере, если это то, про что я подумал.

Дон Эрнесто вытащил из кармана несколько бумаг и небольшую фотографию.

– Я могу предоставить твоей жене и сыну вот этот дом – который на фотке. Люпита уже показывала его твоей супруге и ее сестре. Не хочу показаться невежливым, но твоя свояченица – чрезвычайно вздорная и несдержанная особа, Хесус.

– Ты просто не представляешь, – тот вздохнул. – Она меня никогда нормально не воспринимала.

– Тем не менее, как бы она там ни выделялась, дом ее явно впечатлил. А твоя *señora* в него буквально влюбилась. Считает, что он гораздо красивей, чем домик ее колючей сестрички. Документы на дом она уже отдала судье. И судья их уже заверил. Вдобавок я передам им определенную сумму денег – вполне достаточную, чтобы твоя жена с сыном безбедно жили в этом доме до конца своих дней. Деньги уже на депозите. Вот банковская выписка. Взамен я хочу, чтобы ты рассказал мне все от и до: что именно ты привез в Майами для Пабло и как это можно получить.

– Метод весьма непростой.

– Хесус, давай только без загадок. Шнайдер уже нашел сейф. Его

местоположение ты мне теперь продать не можешь – я его и так знаю. Ты уже продал его Шнайдеру.

– Я сообщу тебе куда более существенную вещь: если открывать его неправильно, результат будет слышен на многие мили. Мне нужны гарантии того...

– Ты доверяешь своему адвокату?

– Адвокату? – фыркнул Хесус. – Естественно, нет. Ну и вопросыки!

– Но ты из тех людей, которые вполне могут положиться на своих жен, – сказал дон Эрнесто.

Он легонько постучал по двери, и в палату вошли жена Хесуса и его сын-подросток. Вслед за ними величаво выплыла и его свояченица, с довольно скептическим выражением на лице. Неодобрительно оглядела обоих мужчин, обстановку палаты и даже фрукты в корзине, про которые сразу же решила, что они натерты воском для виду.

– Оставляю вас пообщаться, – объявил дон Эрнесто.

Стоя в компании своего водителя и Гомеса у входа в больницу, он уже практически докуривал толстую черную сигариллу, когда из здания вышли жена Хесуса, ее сестра и сын. Дон Эрнесто учтиво коснулся шляпы, пожал руку мальчишке. Гомес посадил их в ожидающий автомобиль.

Возле тротуара пофыркивало заведенным мотором такси, водитель укрывался за распахнутой газетой. Гомес подошел к водительскому окошку и пальцем отогнул газетный лист, чтобы взглянуть на таксиста. Обшарил взглядом заднее сиденье, на котором сидела монашка. Увидев ее, тоже приложил палец к шляпе. В салоне машины тихонько пульсировал ритм бачата^[68] – таксист слушал какую-то печальную композицию в исполнении Мончи и Александры. До него донесся запах Гомеса – смесь хорошего одеколona с оружейным маслом «Три-флоу». Пока Гомес не убрался, водитель сидел тихо, как мышка.

Дон Эрнесто с Гомесом зашли обратно в больницу.

Монашка в такси прикурила сигарету и вытащила мобильный телефон.

– Дайте мне сеньора Шнайдера. Да пошевеливайся, *hombre*^[69]!

Секунд пять ожидания. Связь неважная.

– Эй! – крикнула она наконец в трубку. – Наш друг только что опять зашел в больницу. Сейчас это трепло ему все выложит.

– Спасибо, Палома, – отозвался Ганс-Петер. – Да, должен сказать тебе, что Карла не оправдала моих ожиданий. Нет, деньги оставь себе, просто пришли мне другую. Русская будет в самый раз.

В общей палате один из пациентов на костылях ухватил дону Эрнесто за рукав, когда тот проходил мимо. Гомес собрался было отпихнуть наглеца, но дон Эрнесто остановил его взмахом руки:

– Все нормально.

Бедолага со слезами на глазах что-то забормотал о своих проблемах. Попытался продемонстрировать дону Эрнесто болячку у себя на спине.

– Дай ему денег, – велел тот Гомесу.

– *Dios se lo pague!* – принялся повторять больной, пытаясь поцеловать руку дону Эрнесто.

А тем временем у себя в палате Хесус без особого аппетита разглядывал корзину с фруктами, которая занимала чуть ли не всю тумбочку. Вдруг откуда-то из глубины ее послышалась тихая мелодия. Мексиканский военный сигнал горном «*El Degüello*»^[70]. Пощады не жди. Иисус попытался заглянуть в корзину, но запутался в трубках, и часть фруктов скатилась на пол. Наконец, изрядно пошарив внутри, он нащупал на дне корзины мобильный телефон.

– *Dígame*^[71].

Голос Ганса-Петера Шнайдера:

– Хесус, у тебя только что были гости. Ты им что-нибудь рассказал? Рассказал им что-нибудь, что уже рассказывал мне – в обмен на мои деньги?

– Ничего, клянусь. Отправляй мне остальные деньги, а не эту жалкую подачку, сеньор Ганс-Педро. Я могу сохранить тебе и твоим людям жизнь – тем, что я скажу.

– Ганс-Петер, а не Ганс-Педро! И для тебя – сеньор Шнайдер, твой *Patrón!* Для тебя – *Su Eminencia!!!*^[72] Я С ТОБОЙ УЖЕ РАССЧИТАЛСЯ! Теперь выкладывай, как эту штуку открыть.

– Вам потребуется чертеж, *su Eminencia Reverendísima*^[73]. Я уже нарисовал, что тебе нужно. Приложи пару пустых конвертов к остатку денег и отправь через «Ди-эйч-эл». Но имейте в виду, *su Beatitud*^[74]: я готов ждать не далее чем до послезавтра.

В одной тысяче семидесяти восьми милях от него лишенные ресниц веки Шнайдера взлетели вверх, а глаза выпучились.

– Дон Эрнесто сейчас там у тебя, так ведь? И вы вместе надо мной ржете? Дай-ка я с ним поговорю, передай ему трубочку, – сказал Шнайдер. В уголке рта у него застыла пена. Он уже набирал номер на другом мобильнике.

– Нет, я один-одинешенек, как и все мы здесь, – отозвался Хесус. –

Отправляй бабло, *pinche* ты *gilipollas*^[75] – PEPA PELONA!^[76] – или я и без того услышу, как твои яйца улетают на Марс!!!

Взорвавшийся в ту же секунду телефон разметал мозги Хесуса по всей палате, выбил дверь в коридор. Дон Эрнесто уже взялся за ручку, когда та вдруг резко ударила его в живот, а что-то острое чиркнуло ему по лбу.

Отмахиваясь от клубов дыма, он зашел в палату. Тело на койке все еще конвульсивно подергивалось, извергая пульсирующие фонтаны крови. Кусок черепа прилип к потолку и теперь свалился оттуда прямо на голову дона Эрнесто. Тот досадливо отшвырнул его прочь. Порылся в тумбочке и ничего не нашел.

– *Dios se lo pague*, – пробормотал он себе под нос.

Глава 22

Школа танцев «*Academia de Baile Alfredo*» находится в Барранкилье на небольшой улочке, полной баров и кафе. У входа – огромный плакат с парочкой, танцующей танго, хотя танго – не совсем то, чему тут действительно учат.

В «академии» на данный момент размещалась штаб-квартира школы «Десять колокольчиков», обучающей специальностям вора-карманника, домушника и гоп-стопщика. Название она получила от тех колокольчиков, которые вешают на одежду учебного «терпилы» при сдаче экзамена на звание щипача. А в карманы такому «болвану» нередко подсовывают рыболовные крючки или бритвенные лезвия, дабы еще больше усложнить задачу экзаменуемому.

На втором этаже располагался просторный танцзал. Сквозь открытые высокие окна внутрь задувал приятный утренний ветерок, несущий с собой шум уличного движения внизу.

В одном углу танцзала виднелся буфет, точь-в-точь как где-нибудь в аэропорту – прилавок самообслуживания с подносами, стоячие столики... В конце прилавка – стойка с соусами и приправами. В зале толпилось около дюжины учеников в обычной уличной одежде – все как один молодые, чуть помладше или чуть постарше двадцати. Студенты собрались из шести разных стран – и из Европы, и из обеих Америк.

Инструктор был заметно постарше, около сорока. На ногах – кроссовки «Пума», очки задраны на макушку. Сам себя он воспринимал скорее как хореографа и действительно вполне мог бы сойти за такового, когда рубашка прикрывала тюремные наколки. Его фотография красовалась на стендах «Их разыскивает полиция» чуть ли не во всех аэропортах земного шара.

Отрабатывали так называемый «щипок на мазок». Инструктор объяснял:

– Чтобы успешно осуществить «щипок на мазок», вы должны заранее подготовиться и внимательно следить за лохом с того самого момента, как тот направится к буфету, – чтобы определить, в какой руке он несет то, что вы хотите подрезать. Скажем, это компьютерная сумка с ноутбуком в левой руке. Сосредоточьтесь на ней. На левой руке. В данном случае вы должны мазнуть его горчицей или майонезом прямо под правым плечом, чтобы он мог дотянуться дотуда только левой рукой. И вот что, дамы: когда вы прямо

на ходу сообщите ему, что справа на спине у него горчица, и ткнете туда пальцем, моментально всуньте ему в правую руку салфетки, чтобы он попросту не перекинул сумку из левой руки в правую и сразу себя не вытер. Он обязательно должен опустить вещи. Должен поставить сумку на пол и повернуть голову к измазанному плечу, в сторону от нее. Когда будете ему помогать, прижмитесь к его руке титьками. Если лифчик с косточками, он и сквозь рукав пиджака все прекрасно почувствует. В этот момент ваш напарник подрезает вещь. Вы удивитесь, сколько народу ухитряется вымазать терпиле не то плечо или не успевает вовремя всучить ему салфетки. Те, кто таким вот образом облажался, в результате сидят в маленькой комнатке в аэропорту – ждут, когда адвокат оформит им залог или хотя бы когда их сводят отлить... Ну ладно, приступим. Винсент, Карлита – вы первые. По местам! О'кей, а вот и терпила. Поехали!

Сложив ладони в чашечку и прикрыв рот и нос, распорядитель загнусавил:

– Объявляется посадка на рейс восемьдесят восемь до Хьюстона с пересадкой на Ларедо, Мидленд, Эль-Пасо, выход номер одиннадцать!

Из кабинета рядом с танцзалом дону Эрнесто были слышны возбужденные голоса, звук бегущих ног и вопли, сбивающие погоню со следа – тыча рукой куда-то вбок, Карлита вдохновенно орала: «Вон туда он побежал, гад, я видела!»

Роль главы школы «Десять колокольчиков» и куратора криминальной деятельности ее выпускников накладывала на дону Эрнесто определенную ответственность, и сейчас он писал непростое письмо пожилым родителям Антонио, к которому прикладывался чек. Сумма весьма щедрая, но наверняка ведь оскорбятся в лучших чувствах, подумалось ему. Впрочем, это и к лучшему. Пусть себе тратят деньги и осыпают его проклятиями – не придется выражать соболезнования лично или по телефону.

Деликатный стук в дверь, и на пороге появилась секретарша дона Эрнесто с одноразовым мобильником в руке. Держала она его носовым платком, и дон Эрнесто последовал ее примеру.

– Перезвонит через пять минут. Говорит, что вы его хорошо знаете, – сообщила она.

* * *

Магазинчик «Тур де Рев» на оживленном Железном рынке Порт-о-

Пренса буквально ломится от подержанных велосипедов. Большинство из них добыты под покровом ночной тьмы в Майами. Все более или менее приведены в порядок – как минимум месяц точно забот знать не будешь. Владелец этого велосипедного рая, Жан-Кристоф, в тот день закрылся пораньше, запер на замок цепь, пропущенную через стоящие перед входом выставочные образцы, сунул под мышку лэптоп и отправился в интернет-кафе, из которого по электронной почте отправил сообщение в Барранкилью. Оно гласило:

«*Mi señor*, не сообщите ли рабочий номерок?»

Ответ прилетел через несколько минут: «+57 JK5 1795».

В Академии танцев в Барранкилье в руке у дона Эрнесто загудел и завибрировал телефон.

– Это Жан-Кристоф, сэр.

– Бонжур, Жан-Кристоф! Как там твоя поп-группа?

– О, вы еще про это помните? Лабаем в «Олоффсоне»^[77], когда повезет, – в самые отстойные дни, когда «Бугалу» играет на выезде.

– Диск еще не записали?

– Всё еще в работе, спасибо, что интересуетесь, дон Эрнесто. На студию тоже денег надо... Дон Эрнесто, а я вот почему звоню: на парня из Майами, который поставляет мне велики, вышел один хрен из Парагвая. Который без волос. Этот хрен хочет, чтобы мы ему тут подсобили – в Гонаиве^[78], в порту.

– И каким же образом подсобили, Жан-Кристоф?

– Помогли перевезти что-то очень тяжелое из Майами. По-тихому. В Гонаиве ему надо перекинуть это «что-то» с грузового судна на траулер. Я вот подумал, что это может представлять для вас интерес. Вы в курсе, что это за тип?

– Да.

– Через неделю сюда из Майами придет небольшой сухогруз, «Джези Леви» называется. На нем мне везут целую гору великов. Мой друган, который по великам, говорит, что завтра вечером этот хрен встречается с кем-то прямо на судне, обещал потом звякнуть. Этот телефон выбросить?

– Да, так будет лучше, Жан-Кристоф. Скажи своему другу в Майами, чтобы надел на шею какую-нибудь косыночку поярче. Ярко-оранжевую лучше всего. И не продикуешь моей секретарше свои банковские реквизиты? Спасибо тебе, и удачи на музыкальном поприще.

Стук в дверь кабинета. Это был помощник дона Эрнесто – Паоло, мрачный тип чуть за тридцать, с большими залысинами на голове.

Дон Эрнесто приподнял было брови, чтобы задать вопрос, но тут же поморщился – дали о себе знать свежие швы на лбу.

– Паоло, кто у нас сейчас есть в Южной Флориде? Прямо сейчас, в данный момент?

– Хорошая бригада работает на ювелирной выставке в Тампе. Виктор, Чоло, Пако и Кэнди.

Дон Эрнесто внимательно изучил документы у себя на столе. Задумчиво постучал по зубам кончиком ручки, которой писал письмо с соболезнованиями.

– Виктору и его ребятам когда-нибудь приходилось иметь дело с мокрухой? – поинтересовался он, не поднимая глаз от бумаг.

Паоло слегка помедлил.

– Народ там не без опыта, – ответил он наконец.

* * *

На лодочной стоянке в Майами Капитан Марко ответил на звонок по мобильному.

– *Hola*, Марко.

– Дон Эрнесто! *Buenos, señor*.

– Марко, когда ты последний раз был в церкви?

– Да уже и не припомню, *Patrón*.

– Тогда сейчас самое время вернуться к духовной жизни. Завтра вечером сходи на мессу. Есть одно чудесное местечко в Боке. На шестичасовую. Возьми своих ребят, помолитесь за Антонио. Садитесь в самый первый ряд, чтобы все вас видели. Сфотографируйтесь еще у церкви.

– Кое-кто из них – не буду говорить кто – на самом-то деле не имеет права ходить к мессе.

– Пусть тогда сольются оттуда потихоньку или просто в пол таращатся, когда служба начнется. А потом, когда все закончится, отправляйтесь в какой-нибудь хороший ресторан, чтобы был примерно в часе езды к северу от Майами. Сделай вид, будто какое-нибудь блюдо тебе не понравилось, отошли со скандалом в кухню – пусть побесятся, а потом оставь большие чаевые, чтобы вас хорошенько запомнили. И вот еще что, Марко: разузнай-ка, чем там твой дружок Фаворито занят.

Глава 23

Когда немного рассосались утренние пробки, из Тампы выкатил вместительный универсал. Спустившись к югу до Нейплс, свернул влево и по Аллигатор-элли^[79] направился к востоку, в Майами.

Единственная женщина – Кэнди – сидела на заднем сиденье. Тридцать пять лет, довольно хорошенькая – хотя все равно чувствовалось, что в свое время жизнь хорошенько ее потрепала. Мужчины – Виктор, Чоло и Пако – примерно того же возраста, все одеты с иголочки.

Курьеру ювелирной фирмы, которого они намеревались пощипать, придется подождать.

– Потом в Лос-Анджелесе его перехватим, – сказал Виктор.

– По крайней мере, теперь нам известны его вкусы, – заметил Пако, жадно поглядывая на Кэнди, которая размазывала по губам питательный бальзам из баночки.

Бросив на него презрительный взгляд, Кэнди аккуратно убрала баночку в свою дамскую сумку, в кармашек для телефона – чтобы та ненароком не зацепила предохранитель лежащего там пистолета.

Склад временного хранения на западе Майами представлял собой огромное бледно-зеленое строение без единого окна.

Пако, который мнил себя поэтом-песенником, оно напомнило скотобойню.

– Такой склад, – объявил он, – это бойня, на которой идут под нож мечты!

Как только Виктор, Пако и Чоло зашли внутрь, Кэнди пересела за руль универсала. Когда человек, которого они там разыскали, не представился, Виктор сказал:

– Ладно, будем называть тебя просто «Кент».

Он показал Кенту монету на протянутой ладони, и тот провел их в длинный полутемный коридор с рядами дверей по бокам. Там пахло ношенными ботинками, ветхим постельным бельем, отсыревшими стегаными одеялами. Атмосфера рухнувших надежд: оставшаяся после развода мебель, детское автомобильное креслице... Пако слегка поежился.

Потолков в камерах хранения не имелось – под кровлей крыши была натянута только толстая стальная сетка, как в тюремных двориках для прогулок. Кент остановился перед одной из дверей и многозначительно смотрел на Виктора до тех пор, пока тот не вытащил из кармана две пачки

купюр, перетянутых резинкой.

– Пока только аванс, Кент. Сначала покажи мне кое-что, – сказал Виктор, вручая ему половину денег.

В камере хранения обнаружили детский рояль, передвижной бар на колесиках и запертый шкаф довольно мощной конструкции. Кент откинул мягкое сиденье придвинутого к роялю табурета, полистал уложенные в ящик под ним ноты и вытащил спрятанный между страницами ключ.

– Глянь-ка, как там в коридоре, – бросил он Пако.

– Все чисто, – отозвался тот.

Открыв шкаф, Кент извлек оттуда два пистолета-пулемета «МАК-10», автомат «АК-47» и винтовку «АР-15».

– Очередями стреляет? – поинтересовался Виктор.

Владелец склада протянул ему «АР-15» с дополнительным быстросъемным шепталом, подменяющим режим одиночного огня полностью автоматическим^[80]. Ничего не надо ни сверлить, ни подпиливать, вставил – и готово.

– Стволы гарантированно чистые? *Sinpasados?*^[81] Незасвеченные? Все до одного? – уточнил Виктор.

– Твоей мамой клянусь.

– Лучше своей клянись, Кент.

Тот убрал стволы в футляр от аккордеона, туда же положил снаряженные магазины и глушители. Обрез дробовика запихал в футляр от бас-саксофона.

Виктор бросил взгляд на Пако.

– По крайней мере, инструмент, на котором ты реально умеешь играть.

Потом они прогулялись по торговому центру «Две Америки», и Кэнди купила там краску для волос.

Глава 24

Привычная ко всяким бедам, Кари не стала опускать руки. Да и просто нельзя было сидеть без дела.

На следующий день после печальной процедуры кремации головы Антонио им с Хульетой подвернулась работа – обеспечивать бортовое питание на экскурсионном катере, курсирующем от Станции морских птиц на Пеликан-харбор до гнездовья на Птичьем острове и обратно. Целый месяц можно не думать, откуда взять деньги. Так, что же предложить публике на борту? Что-нибудь порциями на один укус, без капающего жира и соуса.

Маленькие эмпанеды, бутербродики-канапе, чоризо^[82] на зубочистках... Половинки авокадо, начиненные рыбой и креветками с лимонным соком, если бюджет позволит. Всяко-разная газировка, ром, водка. Ну и пиво, конечно же.

Поначалу они попробовали подавать жареные свиные ребрышки, но пассажиры уделали жиром и кетчупом всю палубу, которую пришлось долго отмывать. Разводить открытый огонь на катере запрещалось, но в гавани имелось несколько грилей и мангалов, которыми им разрешили пользоваться, а для разогрева эмпанед и запеченных яблок смекалистые сестры приспособили стерилизатор ветеринарного медпункта.

Катер был здоровенный, открытый, с большим навесом на стойках и туалетной кабиной, торчащей возле поста управления. В рундуки под сиденьями упрятано сорок спасательных нагрудников. По периметру – надежные релинги из толстых стальных труб, чтобы никто не выпал на ходу.

На первый рейс, который довелось обслуживать Кари с Хульетой, записалось тридцать человек, в основном из Майами, и деньги эти люди потратили не зря. Главной задачей экскурсионного маршрута было привлечь внимание к Станции морских птиц, существующей исключительно на добровольные пожертвования, к которым вполне было можно отнести и средства, полученные от продажи билетов. Обычно после обхода по воде естественного гнездовья на Птичьем острове с наступлением сумерек катер спускался чуть южнее, к устью Майами-ривер, чтобы гости на борту могли полюбоваться сияющей на ней дорожкой заката между вздымающихся по сторонам небоскребов. Но сегодня, обойдя остров, катеру предстояло лечь в дрейф немного не доходя реки – напротив

прибрежного парка Бэйфронт, в котором намечался большой фейерверк.

Хозяйкой, принимающей гостей на борту, была в тот день доктор Лилибет Бланко – врач-ветеринар и директор Станции морских птиц на Пеликан-харбор. В США она приехала с Кубы, семнадцатилетней девчонкой, одна, в рамках операции «Питер Пэн»^[83].

Доктор Бланко частенько приглашала Кари помочь ей в работе с животными. Сегодня ее было не узнать – черный брючный костюм, жемчуга... Вместе с ней на экскурсию к острову отправился и ее муж, совладелец одной из городских площадок для хай-алай^[84].

Перед тем как катер отвалил от причала, доктор Бланко обратилась к собравшимся на борту с короткой приветственной речью.

Пройдя под мостом на дамбе с Семьдесят девятой улицей, катер направился к югу, к Птичьему острову – а вернее, сразу двум островкам, расположенным почти вплотную друг к другу: одному естественному, другому насыпному, общей площадью всего около четырех акров. Находятся они в частной собственности, и ни на какие средства госбюджета для поддержания их в порядке рассчитывать не приходится.

Птицы уже возвращались домой – ибисы, цапли, пеликаны, скопы целыми стаями летели на ночевку к своим гнездовьям на острове. На фоне темнеющего неба на востоке ярко сверкали снежно-белые крылья.

При каждом выходе катера на подобную экскурсию работники станции старались совместить приятное с полезным – воспользовавшись близостью острова, выпустить на свободу вылеченную птицу. Конечно, присутствовал здесь и некий элемент шоу, призванного наглядно проиллюстрировать собравшимся на борту экскурсантам главную задачу станции и привлечь новых благотворителей, одни только взносы которых и позволяли ветеринарному медпункту держаться на плаву. В тот вечер в контейнере-переноске для домашних животных на палубе скрывалась молодая кваква^[85]. Переноску накрыли от дневного света полотенцем, чтобы птица не беспокоилась и по возможности сидела смирно.

Еще птенцом-подростком ее выдуло из гнезда во время урагана «Ирма», и в итоге диагноз: серьезный вывих крыла и обезвоживание. Пациенту восстановили водный баланс, вправили крыло, и, судя по успешным подлетам в просторном вольере, кваква была готова вернуться в родную стихию.

Капитан подвел катер к Птичьему острову настолько близко, насколько позволяло мелководье у берега.

Кари вынесла контейнер на корму и поставила его на поручни

релингового ограждения.

Присутствующий на борту телевизионщик – популярный ведущий прогнозов погоды – тем временем наговорил на камеру короткий синхрон, посвященный проблемам окружающей среды. Когда он подступил к поручню, Кари подхватила переноску и отодвинулась подальше от объектива телекамеры. Сдернула полотенце, открыла дверцу. Птица сидела внутри, отвернувшись от входа, – всем был виден только ее хвост. Ведущий был явно озадачен.

– Слегка подергайте ее за хвостовые перья – она и развернется, – тихонько посоветовала Кари.

Птенец-переросток еще не избавился от детского пуха. Почувствовав, как кто-то опасно трогает его за хвост, он моментально развернулся и высунул голову наружу. А увидев кружащих над Птичьим островом сородичей, тут же ракетой взмыл в небо и устремился прямо к ним.

Настроение Кари взмыло на ту же высоту, что и освобожденная кваква, и этот душевный подъем не оставлял ее до тех пор, пока она уже не могла различить, какая из реющих в небе птиц – ее недавний питомец.

Катер начал медленно обходить островок с гнездовьем, готовясь направиться к югу, к месту намеченного фейерверка.

Некоторые пассажиры прихватили с собой бинокли. Один вдруг обратился к капитану, указывая на что-то надкушенным пирожком.

Кари поставила на столик поднос с канапе, и капитан передал ей свой бинокль.

На острове под одним из деревьев висела вверх ногами крупная скопа, запутавшаяся лапами в рыболовной леске. Леску несколько раз намотало на сук, а рядом с несчастной птицей на крючке болталась уже изрядно высохшая рыбина. Скопа слабо похлопывала крыльями. Из разинутого клюва свисал острый черный язык. Огромные когти бессильно хватали воздух.

Пассажиры облепили поручень у борта.

– Ну и когти, охренеть!

– Смотри, рыбу у кого-то украла.

– Ну, больше уже ничего ни у кого не украдет...

– Нельзя тут что-нибудь сделать?

У берега было слишком мелко, чтобы катер мог подойти вплотную. Они находились примерно в пятидесяти ярдах от красноватых мангровых зарослей, окаймляющих остров, – достаточно близко, чтобы различить горы всевозможного мусора, густо усыпавшего землю между деревьями.

Имелась у всего этого хлама и положительная сторона – брезгливые

любители пикников сюда давно уже даже и не совались. Хоть эти развалы представляли собой серьезную опасность и для обитающих на острове птиц, которые там регулярно застревали или запутывались.

Кари долго смотрела в бинокль на беспомощную скопу – лапы перекручены леской, глаза свирепо закатились, острые крючковатые когти силятся ухватиться за небо. Наверху кружили птицы. Стая ярко-белых ибисов плотным строем шла на снижение, нацеливаясь на кроны деревьев внизу.

При виде замотанной леской птицы у Кари перехватило дыхание. Связана!

И те ребята тоже стояли в воде связанные. Могли только прижаться друг у другу головами, поскольку руки у них были связаны за спиной. Могли только посильней прижаться друг к другу головами, когда щелкнули предохранители и вразнобой ударили автоматы. А потом медленно уплыли вниз по течению, переворачиваясь в воде, а кровь тянулась за ними в водоворотах, словно извивающийся багровый шлейф.

– Я заберу ее, – сказала она капитану. – Если вы немного тут подождете, я ее заберу.

Тот бросил взгляд на часы.

– Мы не успеем на фейерверк. Может, кто-нибудь со станции подхватит тебя потом на моторке?

– Нету сейчас никого на станции, – ответила Кари. – Завтра только придут.

Волонтеры иногда заглядывали на остров, чтобы освободить ставших жертвами мусора птиц, но никакого четкого расписания таких посещений не имелось. Что же касается хищников вроде скопы, то кое-кто и просто побоялся бы иметь с ними дело.

– Кари, вообще-то сейчас у тебя здесь другие обязанности.

– Вы можете просто оставить меня и забрать на обратном пути. Ну пожалуйста, капитан, Хульета вполне и без меня управится!

Он видел по ее лицу, что она все равно сделает то, что намеревалась. И не хотелось ставить ее в такое положение, в котором все выглядело бы так, будто она ему перечит, – это означало бы для нее потерю работы. Через плечо Кари капитан увидел, что доктор Бланко тоже смотрит на него и почти незаметно кивает.

– Только постарайся побыстрей, – сказал капитан. – Если это займет больше двадцати минут, я вызову морской патруль, чтобы они за тобой присмотрели.

Вода – почти идеально прозрачная, глубина у борта катера – примерно

фута четыре. У песчаного дна лениво колышутся водоросли, чуть прилегшие под напором приливного течения.

Капитан открыл небольшой ящик с инструментами.

– Бери, что тебе понадобится.

Кари выбрала плоскогубцы и моток изолянта на тканевой основе. И – слава богу! – тут нашлись толстые рабочие перчатки, на случай если придется лезть в горячий мотор. Имелась на борту и небольшая аптечка, не очень-то богатая – рулон марли, рулон плотного бинта, резиновые жгуты да тубик «Неоспорина»^[86].

Инструменты и аптечку она сунула в пустой переносной холодильник – заодно с полотенцем, позаимствованным у одного из пассажиров, побывавшего перед экскурсией на пляже. Сняла фартук, натянула спасательный жилет. Не снимая обуви, спиной вперед прыгнула в воду. Вода была градуса двадцать три – двадцать четыре, но сквозь моментально намокшую одежду показалась довольно прохладной. Ноги нащупали дно, водоросли щекотно коснулись лодыжек. Борт катера, медленно поднимаясь и проваливаясь обратно в воду, нависал где-то высоко над головой.

Капитан передал ей вниз термомящик, надежно перевязав крышку веревкой.

С уровня воды мангровые заросли тоже казались очень высокими – они словно стремились поскорей вылезти на множестве своих кряжистых ног из соленой воды обратно на земную твердь.

Песчаное дно залива Бискейн изрыто множеством каналов и канав, оставленных винтами регулярно проходящих одним и тем же маршрутом судов и моторных лодок, и через одну такую подводную «канаву» Кари пришлось переплывать, толкая перед собой термомящик и по-лягушачьи дрыгая ногами. Как хорошо, что на ней надежно облегающие ногу кеды!

Опять отмель. Некоторое время Кари волокла ящик за собой на буксире, но вскоре пришлось поднять его из воды. Она потыкалась в разные стороны, выбирая, где можно выбраться на берег сквозь путаницу мангровых стволов.

Оказавшись наконец под кронами деревьев, опять неуверенно закутила головой. Ну и где теперь искать птицу? Оглянулась на лодку, и капитан махнул куда-то на юг. Да уж, непростая задачка! Землю сплошь устилал мусор – пластиковые ящики, газовые баллоны, перепутанные рыболовные снасти, детский стульчик, автомобильное сиденье, растрескавшееся от соленой воды, велосипедная шина, дырявый надувной матрас... Большинство этого добра оставил после себя отлив, а как оно вообще попало в море, можно было только гадать: где моторная лодка

перевернулась, вывалив в воду все пожитки, где портовый крановщик уронил в воду ящик-другой при разгрузке, хотя подавляющее большинство ненужного хлама наверняка принесло сюда прямо из города – с берегов Литтл-ривер^[87], впадающей в залив по соседству.

С трудом пробираясь сквозь напластования мусора, словно оставшиеся после какой-то глобальной катастрофы, Кари подумала: насколько это все-таки похоже на ее собственную жизнь. Ну, или почти похоже, поскольку человеческих останков среди обломков вроде не наблюдалось.

Птица висела на суку вниз головой футах в пяти от земли – на рыболовном поводке^[88] из сверхпрочной фторуглеродной лески, туго стягивающей ей лапы. Медленно вращалась в воздухе, слабо прихлопывая одним крылом и судорожно сжимая когти. Крючковатый клюв был широко разинут, из бледно-лиловой пасти торчал острый черный язычок. Болтающаяся рядом с птицей рыбина напоминала вяленую – глаза запали, чешуя потускнела. Провисела она тут как минимум пару дней – встав рядом, Кари сразу поняла это по запаху.

Придвинулась как можно ближе – так, чтобы птица не сумела достать ее клювом. Ногой нагребла под нее горку листьев и тонких веточек, сверху положила пляжное полотенце.

Протянула руку, поддела леску, намотала ее на два пальца, а другой рукой попробовала перекусить шнур плоскогубцами – изнутри на губках у них были острые кромки, позволяющее использовать инструмент в качестве кусачек. Но прочный нейлоновый поводок лишь заламывался и сминался между ними, разрезать его кусачками никак не удавалось. Тогда Кари выдернула из кармана свой любимый складной нож, одним движением большого пальца, не глядя, выщелкнула клинок. Нож был очень острый.

Зазубренная сторона лезвия успешно перепилила поводок, и птица, хотя и всего фунта в три весом, тяжело повисла на обмотанных вокруг лески пальцах. Леска пульсирующе подергивалась – птица по-прежнему пыталась взмахивать одним крылом и сучить лапами, но Кари ловко опустила ее на полотенце и быстро замотала в него, стараясь не затягивать слишком туго. Острые когти судорожно впились в толстую махровую ткань.

Укладывая птицу в термоящик с предварительно распахнутой крышкой, Кари услышала негодующий сдавленный писк. Поставив его на голову, чтобы хорошо видеть дорогу, она продралась сквозь густой

кустарник и сквозь россыпи мусора двинулась обратно к берегу. Там уже можно было опустить его и просто толкать перед собой по воде.

Обеспокоенный ее появлением скат-хвосток, прятаясь на дне, взмыл с песка и ударился в бегство, взмахивая своими подводными крыльями. Мимо проплыла стая дельфинов – Кари было хорошо слышно, как они отдуваются, перекрывая крики с катера. Хульета была уже в воде и быстрыми саженками плыла ей навстречу. Какой-то немецкий турист, завидев прыгнувшую за борт даму, поспешно стянул штаны и в одних белых трусах прыгнул следом. Благородный порыв себя оправдал – росту он был изрядного, поэтому легко поднял громоздкий ящик на высокий планширь катера.

Под всеобщие аплодисменты они водрузили контейнер с птицей на столик бара.

Доктор Бланко внимательно наблюдала за ними. Кари тоже посмотрела на нее.

– Ну, и что теперь будешь делать, Кари? Предположим, меня здесь нет. – С этими словами доктор Бланко легонько пихнула своего мужа локтем.

– Явное обезвоживание, доктор, – отозвалась Кари. – Первым делом надо восстановить водный баланс. Потом сделаю иммобилизацию крыла и прослежу за тем, чтобы птица находилась в тепле и темноте, пока мы не вернемся на станцию.

– Тогда приступай, – сказала доктор Бланко, усаживаясь поблизости, чтобы все хорошо видеть.

Прямо через полотенце Кари крепко зафиксировала скопу, удерживая ей лапы другой рукой, и они с Хулетней широким бинтом надежно перевязали сломанное крыло, чтобы иммобилизовать его стандартной «восьмеркой», с которой были хорошо знакомы. Когда катер направился к югу, Кари сделала птице интубацию, воспользовавшись толстой коктейльной соломинкой из бара, предварительно смазанной жиром, – отыскала гортанное отверстие пищевода и ловко вставила туда соломинку.

– А ей не больно? – поинтересовался кто-то из пассажиров.

Отвечать Кари не стала. Надев позаимствованные у кого-то очки и набрав в рот воды, начала осторожно выдувать ее через соломинку, чувствуя на лице отдающее рыбой дыхание птицы и глядя ей прямо в огромный черный глаз, обрамленный кольцом желтой радужки.

Потом скопу осторожно уложили в ту же переноску, из которой недавно вылетела отпущенная на свободу кваква, и прикрыли дверцу кухонным полотенцем.

– А чего с ней так цацкаться, как с каким-нибудь щеночком? – спросил кто-то из пассажиров. – В смысле, они ведь и сами других убивают!

– А что это вы сейчас едите – не куриное крылышко? – поинтересовалась доктор Бланко и отправилась разыскивать Кари, которая уже вытирала стол в баре, что-то односложно отвечая доброхоту из Германии, выразившему горячее желание помочь ей и в этом деле, и вообще во всем, в чем может оказаться ей полезен.

– Кари, загляни ко мне в понедельник. Думаю, это тебе будет интересно, – сказала ей доктор Бланко. – Мой муж говорит, что все равно платит целой куче адвокатов, а получает только «посмотрим, что тут можно сделать» – так у них принято выражаться. Так вот, давай-ка посмотрим, что тут можно сделать с твоими документами на пребывание в стране. Он считает, что для доказательства «обоснованных опасений» по статусу временной защиты им понадобятся фотоснимки твоих рук.

Когда Кари поняла, что на нее направлен объектив телекамеры, то сразу отвернулась, а давать интервью категорически отказалась.

* * *

Включив телевизор, Ганс-Петер сразу узнал ее покрытые шрамами руки. И зачем ей сразу две? Небольшая асимметрия будет куда пикантней. Схватил блокнот, стал быстро набрасывать эскиз.

Глава 25

Гаитянский сухогруз «Джези Леви» стоял у пирса в четырех милях от устья Майами-ривер. Вахтенному на мостике была хорошо видна перекинутая над рекой железнодорожная эстакада, неоновые огни которой радугой переливались на темной воде. Устроился он с удобством: под рукой – стопка порнографических журнальчиков, рядом – короткий, но тем не менее дозволенный законом дробовичок. Ровно восемнадцать и одна десятая дюйма от дула до казенного среза, специально мерили^[89]. Вокруг шеи у него была повязана оранжевая косынка. К любому делу он всегда подходил основательно и дотошно, не упуская мелочей, и поэтому в рамках подготовки к предстоящей операции съел за обедом целых два больших авокадо.

Флако, подручный Ганса-Петера, сидел рядом, вооруженный винтовкой «АР-15» и пистолетом, заткнутым за пояс.

Вечерело, по реке в обе стороны медленно продвигались белые, красные и зеленые огни судов и лодок.

Откуда-то из ресторана ниже по течению до Флако долетали еле слышные музыкальные ритмы. Играли «Пошалим?»^[90] Ники Джема – все пляшут небось сейчас, задрыги, сиськи телок прыгают в глубоких вырезах, шлепаются одна о другую... То же самое звучало тогда в клубе «Чика», когда он выплясывал с той девчонкой с наколотой на титьке птичкой, а потом они завалились к нему в машину, занюхали кокса, обжимались, сосались, как умалишенные, а потом... Эх! Закатиться бы сейчас в какую-нибудь ресторацию у воды с такой вот горячей штучкой, а не просиживать штаны вместе с этим мудаком-вахтенным, который пердит на всю округу каждые несколько минут!

А тем временем внизу, в обшарпанной кают-компании, Ганс-Петер Шнайдер общался с Клайдом Хоппером из Лодердейла и старшим помощником капитана – молодым гаитянцем с погончиками на рубашке. Помощник уже вызвал боцмана по имени Томми, ответственного за погрузку. Тот просто обожал, когда его называли не просто Томми, а Томми-Боцман, поскольку на каком-то ямайском жаргоне это звучало похоже на «Томми-Стояк».

Капитан сошел на берег – ничего не вижу, ничего не знаю. Внизу у внутреннего трапа стоял еще один человек Ганса-Петера, Матео, вооруженный помповым ружьем двадцатого калибра.

– А где Феликс? – поинтересовался Хоппер.

– Его мальчонке гланды удаляют, – без запинки ответил Шнайдер. – Жена ему сказала, чтобы тоже в больницу ехал.

На столе были расстелены строительные планы дома Эскобара, которые привез Шнайдер, лежали фотографии дыры под причальной стенкой, обнаруженные в камере Антонио.

Хоппер показывал на картинках, каким оборудованием располагает.

– Вот, глядите: такая у нас стрела на барже установлена, с ковшом и гидравлическими ножницами. Далеко достает. Кран не понадобится. Есть пятидесятитонная гидравлическая лебедка. Выдернем, как редиску.

– Нужно за один отлив.

– Все за один приливный цикл сделаем. Ты точно не хочешь, чтобы мы перекинули это сразу на судно?

– Нужно сделать в точности, как я сказал. Погрузите на небольшую баржу. Замотайте как следует сеткой. Привозите сюда. – Шнайдер повернулся к старпому: – А вы пока подготовьте лебедки и стрелы. Покажите, куда положить груз.

Вместе с боцманом они спустились в трюм.

– Вот сюда, – показал старпом. – Опустим через главный трюмный люк и закидаем сверху велосипедами. А на люк на палубе еще великов наставим.

* * *

С высоты ходового мостика вахтенный заметил, как по дорожке вдоль реки к судну приближается фургон – передвижная закусочная. «Ла кукарача, ла кукарача...» – проквакал клаксон.

Вахтенный напряг живот. Выпустил густое облако газов, отдающих авокадо.

– Надо срочно личинку отложить, – объявил он. – Я мигом.

И оставил Флако на мостике в полном одиночестве. Погруженный в романтические мечты, тот лишь машинально помахал рукой перед носом, разгоняя зловонные пары.

Кэнди подрулила прямо к трапу. Остановила фургон, вышла.

На ней были коротенькие шортики и блузка, завязанная узлом на животе. Смотрелась она отпадно.

– Эй, у меня тут румяные пухленькие пирожки! – крикнула она, задрав

голову к Флако на мостике.

– А и то правда, – пробормотал тот себе под нос.

– Пирожок и бутылка холодненького «Президенте» – полтора бакса. Ребята на борту? Им точно захочется. Всего полтора бакса. Сама бы сейчас такой наборчик купила.

Она немного выждала, после чего пожала плечами и полезла было обратно в кабину.

– Как это ты сама у себя пиво купишь? – Флако уже спускался по трапу.

– Надеюсь, на твои деньги, – отозвалась Кэнди, сразу замечая пистолет, вырисовывающийся у него под рубашкой. Винтовку он оставил на мостике.

Она распахнула заднюю дверь фургона. Кузов был заполнен только наполовину: два термоящика – с горячими пирожками-эмпанадами и холодным пивом, еще один побольше, для льда, и переносной газовый гриль с баллоном.

Открыв бутылку «Президенте», Кэнди сунула ее Флако.

– Не хочешь пока присесть? А я пока пирожочек принесу.

Бросила на скамейку свою сумочку, сходила в фургон за эмпанадой.

Оба уселись у трапа спиной к судну.

Она похлопала Флако по ляжке:

– Ну как тебе?

Тот уже вонзил зубы в пирожок.

– Кукарача на бибикалке – это клёво, – едва проговорил он с набитым ртом. Глотать с вывернутой шеей было трудно – голова сама собой склонялась к соблазнительной ложбинке под блузкой.

У них за спиной Виктор, Чоло и Пако незаметно проскользнули по трапу на судно.

– Ты такая красивая, – продолжал Флако. – А что ты еще продаешь? Можно будет в фургон залезть, если чё...

Кэнди выждала, когда мимо пройдет какой-то катер. Огляделась по сторонам – больше движения на реке не было.

– Могу предложить занюхать кокса в качестве аванса, а потом – сотню, – сказал Флако, демонстрируя ей стодолларовую купюру.

Кэнди нажала кнопку на ключе зажигания, и фургон, клацнув электрическим замком, мигнул всеми своими четырьмя габаритными огнями.

В тот же миг откуда-то из глубины судна послышался дробный перестук двух «МАК-10», в бортовых иллюминаторах запылали

огненные вспышки.

Не вынимая пистолета из сумочки, Кэнди дважды выстрелила Флако в ребра. Потом прижала дуло ему под мышку и еще два раза нажала на спусковой крючок.

Посмотрела ему в лицо, убедилась, что он готов. Убрала сотню в карман. Выбросила бутылки и недоеденную эмпанату вместе с салфеткой в реку.

К аппетитному мясному пирожку сразу подплыла рыбка. Из ресторана вдалеке все так же еле слышно доносилась музыка. В почти полной тишине возле судна вынырнула морская корова с теленком, отфыркалась.

* * *

В кают-компании сухогруза лежали Хоппер, молодой старпом и боцман – все мертвые. Матео нигде не было видно.

Ганс-Петер Шнайдер прятался под столом. На голове – кровь. Виктор еще несколько раз выстрелил в него – пули ударили в пиджак и рубашку, выбивая облачка пыли. Бумаги по-прежнему лежали на столе. Чоло порылся в бумажнике Шнайдера.

– Атас! – крикнул Виктор. – Сваливаем!

Он и Пако бросились к главному трапу, ведущему на палубу. Чоло замешкался – хотел прихватить еще и часы Шнайдера. Он уже стягивал их у него с руки, когда Ганс-Петер застрелил его наповал и тут же вскочил, кинувшись в другую сторону, к кормовому трапу. Виктор с Пако стали палить ему вдогонку, пули со звоном били в металл.

Оказавшись на палубе, Шнайдер перевалился через фальшборт и плюхнулся в воду с противоположной от причала стороны. Виктор с Пако несколько раз выстрелили ему вслед, когда он погружался под воду. Опять ссыпались по трапу вниз, в кают-компанию, к Чоло.

Виктор приложил ему руку к шее:

– Готов. Забери его ксивы.

Сбежав по трапу на причал, они быстро засунули пистолеты-пулеметы в ящик со льдом.

Матео на машине Шнайдера уже скрывался из виду.

– Бумаги, – произнесла Кэнди. – Где бумаги?

Ссыпав стреляные гильзы в сумочку, она быстро перезарядила револьвер из лежащей там заготовленной обоймы.

- Мля, бумаги... – опомнился Пако. – Да ладно, гони давай!
 - Черт бы вас побрал! Сходи принеси. Чоло точно готов?
 - Дура, что ли, я бы его так вот бросил? – возмутился Виктор.
- Кэнди защелкнула барабан револьвера.
- Пошли.

Вернувшись в кают-компанию, они без разбору запихали все бумаги в сумочку Кэнди. Мертвые глаза Чоло уже начали высыхать. Уходя, они даже не обернулись в его сторону.

Вновь оказавшись на пирсе, Пако побежал к оставленному на дороге универсалу, а Кэнди с Виктором запрыгнули в фургон, который с ревом сорвался с места. Где-то в отдалении уже завывали сирены.

Рыбка под железнодорожной эстакадой сразу почувствовала приближение поезда, приготовилась. Пригородный состав «Три Рейл» с грохотом пролетел над рекой, стряхивая с моста всяких жуков, которые дождем посыпались в воду. Поджидавшая их рыбка бросилась собирать свалившееся с неба угощение, нарушая водную гладь всплесками и маленькими водоворотами.

Глава 26

За рулем фургона-закусочной сидела Кэнди. Впереди уже виднелись огни аэропорта, над которыми размеренно мигал проблесковый маячок. Когда прямо над головами у них прошел самолет, пришлось повысить голос.

– Что там в документах, какой номер парковки?

– Зона «Д», – отозвался Виктор. – Прямо под залом международных вылетов. Наш рейс прибывает через сорок минут.

Они уже приближались к железнодорожному переезду, когда впереди зажглись красные светофоры и громко забрякал предупреждающий колокол.

– *Mierda*, – выругалась Кэнди.

Она остановила фургон, подкатив к самым путям, и перед ними неспешно застучал колесами длинный товарный поезд. Отвернув к себе зеркальце заднего вида, Кэнди принялась подправлять макияж. И вдруг ее отражение в зеркале словно взорвалось – кабину фургона веером накрыла автоматная очередь. Сидящий рядом с ней Виктор тоже был убит наповал. Тело Кэнди навалилось на руль, нажав на сигнал. «Ла кукарача, ла кукарача...» – безостановочно разносилось вокруг переезда, перемешиваясь с бряканьем колокола и грохотом товарняка. Ее нога соскользнула с педали тормоза, и фургон медленно пополз в сторону движущегося поезда.

Задние двери фургона распахнулись, и оттуда выбрался Ганс-Петер Шнайдер – весь в крови, обрывки рубашки едва прикрывают бронежилет. В руке он держал пистолет-пулемет. К переезду подкатила еще одна машина, такси. Водитель сделал попытку развернуться и удрать, но Шнайдер пристрелил его сквозь боковое окно и выволок на землю. Запрыгнул на водительское сиденье и навскидку пальнул в газовый баллон, стоящий в кузове фургона. Вдогонку отъезжающему такси со Шнайдером за рулем метнулась взрывная волна, основательно качнув его напоследок.

* * *

Сбросив флажок на счетчике, чтобы погас фонарь «Свободен» на крыше, Шнайдер без остановки мчался вперед. В салоне тихо бубнила

рация. Стрелял он в открытое окно, но в пассажирском стекле все равно остались пулевые пробоины. Повезло – удалось его тоже опустить. Сиденье и руль были липкими и шершавыми от костных осколков.

Спутниковой противоугонки тут наверняка нет, но таксомоторная компания все равно может определить местоположение автомобиля по обычному GPS-трекеру. Пока еще не особо припекало, но очень скоро эту тачку объявят в розыск. А он весь в крови, мокрый, рубашка в лоскуты... Сидя за рулем, Ганс-Петер стал напевать себе под нос, то и дело повторяя: «Jawohl!»^[91]

Прямо по курсу – автобусная остановка. На лавке сидит какой-то старикашка. В соломенной шляпе и рубашке в цветочек с коротким рукавом. В руке – большая запотевшая бутылка пива «Корона» в коричневом бумажном пакете.

Шнайдер спрятал левую руку с пистолетом-пулеметом между сиденьем и дверью. Нагнулся к пассажирскому окну:

– Эй! Эй, вы!

Старикан наконец соизволил открыть глаза.

– Эй! Хотите сто долларов за рубашку?

– За какую еще рубашку?

– За ту, которая сейчас на вас. Подходите сюда.

Шнайдер протянул руку с купюрой, наклонился поближе к окну. Старик поднялся и, прихрамывая, двинулся к машине. Слезящимися глазами пригляделся к Шнайдеру.

– За двести пятьдесят, пожалуй, и отдам.

В уголке рта у Шнайдера забелела пена. Он бешено ткнул стволом «МАК-10» в сторону старика:

– Давай ее сюда или я тебе ща нах мозги вышибу!

Только тут он сообразил, что если выстрелит, то и эту рубашку загубит.

– С другой стороны, сотняга – тоже неплохо, – сказал старик, как будто ничего и не случилось, стягивая с себя рубашку и протягивая ее в окошко такси. Быстро выхватил из пальцев Шнайдера стодолларовую купюру.

– У меня и брюки хорошие есть, если интересуетесь... – начал он было, но Шнайдер уже уносился прочь. В одних штанах и майке старик уселся обратно на лавку и опять приложился к бутылке в пакете.

Шнайдер подрулил к ближайшей станции метро.

Матео сразу ответил на его звонок.

– Я взял вашу машину, – пролепетал он. – Простите. Я думал, что вы... ну понимаете... что вас уже того.

Ганс-Петер закатал пистолет-пулемет в коврик из багажника, сунул его

под мышку и стал дожидаться появления Матео.

* * *

К принадлежащей Шнайдеру студии, в которой обычно трудились приглашенные стриптизерши онлайн-шоу для взрослых, примыкали два укромных помещения. В одном – шикарные тканевые обои и бархатная мягкая мебель, все в темно-бордовых тонах с голубоватыми шиншилловыми накидками. Другая комната – полностью звуконепроницаемая – сплошь выложена кафелем, со сливным отверстием в полу. В ней располагались его личная душевая с гидромассажем и сауной, холодильник и кремационная машина, маски и обсидиановые скальпели – как шести-, так и двадцатимиллиметровые, по восемьдесят четыре доллара за штуку – куда более острые, чем обычные стальные.

Прямо в одежде он уселся на пол в душевой и стал дожидаться, когда бьющие из стен тугие горячие струи смоют с него кровь. Когда вода затекла под бронежилет, сорвал его и вместе с рубашкой старика зашвырнул в угол.

В душевой звучала музыка. Дистанционный пульт Шнайдер предусмотрительно упрятал в презерватив, и закругленный кончик его торчал с торца, словно маленькая тупая антенна. Обычно он держал его в мыльнице. Ганс-Петер включил квинтет «Форель» Шуберта. Эта тема всегда звучала в доме его родителей в Парагвае. Играла весь субботний день, когда он привычно ожидал наказания.

Вначале тихо, а потом все громче и громче звучит музыка среди голых стен. Шнайдер сидит в углу на полу, привалившись к кафельным плиткам под струями бьющей со всех сторон воды, а от него по полу тянутся к стоку розовые струйки. Расслабившись всем телом, он быстрым движением подносит к губам свой ацтекский свисток смерти^[92], дует в него из всех сил, все дует и дует, заглушая музыку и шум воды; этот звук – словно предсмертный вопль десяти тысяч жертв, коронационный гимн Монтесумы, в котором тонут звуки шубертовского квинтета. Дует в свисток до тех пор, пока не выбивается из сил и не падает на пол, лицом к сливному отверстию – глаза широко открыты и неподвижны, перед ними только быстро крутящаяся воронка воды, убегающей в сток.

Глава 27

Ганс-Петер, чистый и уже не мокрый, лежал в собственной постели; кое-как отмытая от крови одежда так и осталась валяться на полу в душевой.

В поисках места, которое принесет покой и позволит наконец уснуть, он шатался по закоулкам своей памяти, словно по громадному дому, заглядывая во все более дальние и дальние комнаты, и наконец забрел в морозильную камеру, что была у них дома в Парагвае.

В этой огромной, как кладовка, морозилке – его родители. И им оттуда не выйти, потому как входная дверь перетянута цепью, которую Ганс-Петер завязал безупречным узлом, как его научил отец – тряс узел до тех пор, пока звенья в нем окончательно не заклинило.

Лежа в своей постели в Майами, Ганс-Петер озвучивал образы, проявляющиеся где-то на потолке. С губ его слетали голоса то отца, то матери, а лицо попеременно принимало то одни, то другие черты.

Отец:*Да это шуточки у него такие, сейчас он нас выпустит! А потом я вздрючу его так, что он обосрется!*

Мать, зовет через дверь:*Ганс, дорогой. Пошутил – и хватит. Не то мы тут простудимся, и будешь бегать вокруг нас с платками и горячим чаем, хи-хи.*

Голос Ганса-Петера теперь звучит приглушенно, рука прижата ко рту – он повторяет то, что слышал тогда, сто лет назад, через дверь: все эти приглушенные мольбы, доносившиеся из морозильной камеры всю ночь.

«Пум-пум-пум», – продолжает он, подражая подрагивающему шлангу, протянутому от выхлопной трубы машины, другой конец которого Ганс-Петер примотал изолентой к вентиляционной решетке морозилки.

Когда через четверо суток он распахнул дверь камеры, родители неподвижно сидели там – и отнюдь не друг у друга в объятиях. Смотрели прямо на него, таращились своими замерзшими глазными яблоками, тускло поблескивающими в полумраке. Когда он взмахнул топором, от них полетели осколки.

Осколки раскатились по морозильной камере и замерли на полу; обе фигуры были все так же неподвижны – как на фресках на потолке над его теплой постелью в Майами.

Он перевернулся на бок и умиротворенно заснул, словно облопавшийся кот, живущий при скотобойне.

* * *

Проснулся Ганс-Петер в полнейшей темноте, поскольку сильно проголодался.

Не зажигая света, прошлепал к холодильнику, открыл дверь, внезапно проявившись во тьме в потоке света из-за дверцы, бледный и голый.

Почки Карлы лежали в самом низу, в обложенном льдом контейнере – розовенькие, безупречные, – залитые физиологическим раствором и готовые к передаче торговцу органами. Сговорились на двадцати тысячах долларов. Можно было бы предложить Карле отправить ее домой в Украину и изъять почки там – в этом случае и все двести тысяч можно было бы срубить, – если б только не этот чертов дом Эскобара. Сидишь в нем, как приклеенный...

Ганс-Петер терпеть не мог завтраки, обеда и ужины, равно как и всякий застольный этикет. Но голод не тетка. Намочив конец кухонного полотенца, он повесил его на ручку холодильника. Другое полотенце расстелил на полу. Обеими руками вытащил с полки целую жареную курицу и произнес единственное благословение, которое знал наизусть и за которое не раз был нещадно бит, когда произносил его за семейным столом: «Ипать все это сраное говно».

Стоя возле открытого холодильника, он вгрызся в курицу, как в яблоко. Отрывал зубами здоровенные куски мякоти и, вздергивая голову, заглатывал их практически не жуя. Прервался только для того, чтобы изобразить голос попугая Кари: «Какого хера, Кармен?» А потом опять взялся рвать зубами курицу. Все кусал и глотал. Вынул коробку молока из холодильника, немного отпил, а остальное выплеснул назад через голову. Молоко потекло у него по ногам, заструилось по полу к стоку.

Он вытер лицо и голову полотенцем и направился под душ, распевая:

– *Kraut und Rüben haben mich vertrieben; hätt mein' Mutter Fleisch gekocht, so wär'ich länger blieben!*

Песенка ему так нравилась, что он спел ее разок, на сей раз по-английски:

– Капуста со свеклой прочь меня прогнали; если б дали мяса мне – подольше б задержали!

Продолжая напевать, Ганс-Петер положил в стерилизатор свои обсидиановые скальпели, столь популярные среди косметических хирургов Майами. С тонюсенькими лезвиями из вулканического стекла он обращался очень бережно. В десять раз острее самой острой бритвы – живую клетку можно аккуратненько напололам разрезать, не раздавив ее и не разлохматив, режущая кромка всего в тридцать ангстрем^[93]! Можете таким скальпелем случайно порезаться и ничего не почувствовать – пока вдруг не заметите кровь.

Из уст Ганса-Петера теперь звучал голос Кари:

– В «Пабликсе» продают неплохие чулеты. В «Пабликсе» продают неплохие чулеты. В «Пабликсе» продают неплохие чулеты.

Он вытер пальцы мокрым кухонным полотенцем.

– Еду тут развозят, – произнес он голосом Кари. – Лично мне больше по вкусу «Комидас Дистингидас».

И опять попугай:

– Какого хера, Кармен?

Подхватив свой жутковатый свисток, он все дул и дул в него в окружении кафельных стен и покато сбегającego к сливному отверстию пола. Кремационная машина размеренно почавкивала в углу, словно какой-то неспешный метроном.

Глава 28

Мистер Имран прибыл к обители Ганса-Петера вскоре после одиннадцати вечера. Ехал он на третьем ряду сидений микроавтобуса. На месте снятого среднего ряда кресел на полу возвышалась какая-то выпуклость, накрытая одеялом. Когда микроавтобус затормозил, выпуклость слегка пошевелилась.

Мистер Имран ездил за покупками для своего чрезвычайно богатого работодателя, мистера Гниса из Мавритании, которого Ганс-Петер никогда и в глаза не видел.

Водитель выбрался из-за руля и открыл боковую сдвижную дверь, из-за которой показался мистер Имран. Водила оказался здоровенным бесстрастным типом со сплюснутыми ушами. Ганс-Петер заметил, что под обоими рукавами у него поддеты длинные защитные напульсники, какими пользуются стрелки из лука. Подходить к микроавтобусу Шнайдер не стал. И от мистера Имрана старался держаться на расстоянии – знал, что тот просто обожает кусаться и не всегда способен удержать себя в руках.

Перед тем как принять гостя, Ганс-Петер на всякий случай сунул в карман «Тейзер»^[94].

Оба устроились на табуретах в душевой.

– Не возражаете, если я закурю электронную сигарету? – спросил мистер Имран.

– Нет, валяйте.

По душевой поплыл парфюмерный аромат.

Машина для жидкой кремации жила своей жизнью, тихонько покачивалась, побулькивая и омывая тело Карлы щелочным раствором.

Ганс-Петер нацепил ее серьги и медальон с фотографией ее отца. Представлял себе, будто это его собственный отец и что медальон заполнен угарным газом.

Некоторое время мистер Имран с Гансом-Петером молча таращились в стекло кремационной машины, словно это был телевизор, по которому передавали футбол. Ганс-Петер добавил в раствор немного флуоресцентного красителя, и когда в смотровом окне появлялось тело Карлы, ее череп и то, что осталось от лица, ярко сияли из-за стекла.

– Замечательно, просто настоящий призрак, – заметил мистер Имран.

Они встретились взглядами, и обоим пришло в голову одно и то же: до чего же было бы классно сейчас растворить таким вот образом

собеседника, причем живьем.

– Вы ее живую туда засунули? – поинтересовался мистер Имран доверительным тоном.

– Увы! Она получила несовместимое с жизнью ранение, когда попыталась удрать отсюда посреди ночи. Но они даже мертвые просто обворожительно двигаются, когда подаешь горячий раствор.

– Сможете ли вы установить подобный аппарат в кабинете мистера Гниса и продемонстрировать его работу в действии – на объекте, находящемся в полном сознании, как думаете?

– Смогу.

– Вы вроде собирались мне сегодня что-то показать?

Ганс-Петер вручил мистеру Имрану большую папку в кожаном переплете, с цветочным узором на обложке. В папке лежали фотографии Кари, снятые при помощи телеобъектива – когда она работала возле дома Эскобара и в саду, – к которым прилагались сделанные Гансом-Петером карандашные наброски.

– Гм! – с чувством произнес мистер Имран. – Да, у мистера Гниса все это наверняка вызовет неподдельный интерес. Весьма... Весьма. А как она получила эти шрамы?

– Не в курсе. Впрочем, наверняка она и сама вам обо всем расскажет, когда мы продолжим работу с заказом – я полагаю, заказ все-таки будет?

– О да, – отозвался мистер Имран. – И очень надеюсь, что мне будет оказана честь при этом присутствовать – такие беседы вообще наилучшая часть всего процесса.

Он улыбнулся. Передние зубы у мистера Имрана торчали назад, как у крысы, хотя своим ржаво-оранжевым оттенком больше напоминали зубы бобра с их высокой концентрацией железа в дентине. Уголки рта у него усеивали темные пятнышки.

– Основная работа должна быть проделана на другой стороне, мистер Имран, поскольку после этого она станет практически нетранспортабельной. Не слишком-то просто изымать почки прямо в аэропорту.

– Да, мистера Гниса вряд ли устроит роль стороннего наблюдателя, – отозвался мистер Имран. – Он хочет активно участвовать во всех предусмотренных фазах. Не стоит ли ему немного подтянуть свой испанский?

– Это не повредит. Вообще-то она свободно говорит на двух языках, но в экстремальной обстановке наверняка перейдет на родной испанский – они часто так делают.

– И еще мистер Гнис хочет привлечь к работе известную вам Карен Киф, чтобы та в свойственной ей профессиональной манере вытатуировала портреты его матери, Матушки Гнис. Ему хотелось бы, чтобы они были нанесены на объект еще до начала основной работы – дабы все было закончено и зажило.

– Увы, Карен в настоящий момент отбывает тюремный срок и выйдет на волю не ранее чем через год.

– В намеченные планы это вполне вписывается, время терпит. День рождения Матушки Гнис по-любому каждый год празднуется. А Карен сможет выехать за границу сразу после освобождения?

– Да; судимость не означает, что у вас отбирают заграничный паспорт. Главное, чтобы не было неуплаченных штрафов.

– Мистер Гнис специально подчеркивает, что портрет должен быть выполнен с растушевкой и в полутонах.

– Карен – это нечто, – заверил его Ганс-Петер.

– Как думаете, есть смысл пока что передать ей портретные фото Матушки Гнис, чтобы она как следует изучила их в ходе оставшегося тюремного срока?

– Я у нее спрошу.

– Так когда вы можете осуществить поставку этой мисс...

– Мора, – подсказал Ганс-Петер, – Кари Мора. Если мистер Гнис сможет прислать сюда свою яхту, мы всё скоординируем. И есть еще кое-что, что я хотел бы отправить вместе с ней. Не очень большое, но тяжелое.

– Ее наверняка придется кормить принудительно, – сказал мистер Имран. – Можно будет начать прямо на яхте.

Он сделал несколько пометок в своем ежедневнике с переплетом из кожи угря.

В такт покачиванию кремационной машины в ней вдруг стало что-то позвякивать.

– Бикини из тонкой кольчуги, – пояснил Ганс-Петер. – Начинает биться о кости, когда мясо отваливается.

– Такое тоже возьмем, – сказал мистер Имран. – Нужно точно в размер покупать?

– Совсем необязательно, – ответил Ганс-Петер. – В комплекте идут дополнительные регулировочные звенья – совершенно бесплатно.

– Можно взглянуть на почки?

Ганс-Петер достал из холодильника почки Карлы.

Мистер Имран отогнул полиэтилен, прикрывающий контейнер с водой и кусочками льда.

– Мочеточники малость коротковаты, причем на обеих.

– Мистер Имран, они трансплантируются ближе к тазу, буквально в дюйме от мочевого пузыря, а не на свое нормальное место. В типичное положение уже сто лет никто не пересаживает. Этих мочеточников хватает за глаза.

Наконец мистер Имран благополучно отбыл – с парой розовых почек, плавающих в физиологическом растворе. Рассудив, что реципиент вполне обойдется и одной, а при наличии двух послеоперационных шрамов ничего и не заподозрит, мистер Имран съел одну из почек прямо в машине.

Восторженно приподнял брови.

– Пре-сале!^[95] – с придыханием вымолвил он.

Глава 29

В одном из прибрежных районов Барранкильи разместился небольшой консервный заводик под названием «Оро дель мар» – «Золото моря». Среди выдавших виды рыбацких грузовичков у входа стоял «Линкольн» дон Эрнесто – 1963 года выпуска, с широченными распашными дверями.

За длинным столом на верхнем этаже совещались дон Эрнесто, некий Джей-Би Кларк из Хьюстона и директор заводика сеньор Валдес. Предприятие совсем недавно открылось, и дон Эрнесто активно помогал ему встать на ноги. На столе стояли два блюда с улитками и бутылка вина. Гомес, который не умещался ни в одно из кресел у стола, устроился на стуле возле двери. Хотя основной его ролью была охрана хозяина, дон Эрнесто нередко прислушивался к его советам.

Кларк – специалист по рекламе – открыл заготовленный план.

– Вы сказали, что в слогане хотите сделать упор на эксклюзивность и престиж. На ключевых словах вроде *prestigiosos*.

– *Caracoles Finos y Prestigiosos*^[96], – предложил дон Эрнесто. – Это влезет на этикетку или слишком длинно?

– Влезет. И не такое влезало.

Кларк выложил на стол эскизы баночных этикеток. На одной из них красовалась Эйфелева башня с надписью «*Caracoles Finos*», на другой – большие буквы «*Fine Escargots*»^[97] на фоне какого-то французского антуража. На третьей – увитое виноградом шато на заднем плане, и крупно – ползущая по стеблю улитка. На всех этикетках мелким шрифтом было напечатано: «Изготовлено в Колумбии».

– Почему тут написано «Изготовлено в Колумбии»? – встрял Гомес. – Почему нельзя сразу написать «Изготовлено во Франции»?

– Потому что это противозаконно, – объяснил Кларк. – Вы ведь закатываете их в банки прямо здесь, правильно? Весь этот французский антураж – чисто чтоб подстегнуть продажи.

– Да, это будет несколько неэтично, – кивнул дон Эрнесто.

– В телевизионных роликах можно использовать гондурасскую песенку «*Sopa de Caraco*»^[98], – предложил Гомес.

– Но она не французская, – возразил Кларк.

– На этикетки планируется наносить костный клей. Их что, лизать прикажете, перед тем как лепить? – полюбопытствовал директор, которого больше интересовали чисто производственные вопросы.

– Нет, сеньор Валдес. Как определимся со спросом, так сразу же купим машину для наклеивания этикеток, – успокоил его дон Эрнесто. – Пока что просто закатывайте банки. Покажите мне раковины.

Валдес поднял на стол картонную коробку. Зачерпнул оттуда пригоршню раковин, раскинул по столу.

Гомес понюхал одну из них и наморщил нос.

– Пахнут прогорклым сливочным маслом и чесноком. В ресторанах их не моют перед тем, как выбросить, просто сгребают с тарелок.

– Мы пробовали их вымачивать, но от «Клорокса»^[99] тускнеет окраска, – сказал Валдес.

– Попробуйте «Фэб» с лимонной отдушкой, – присоветовал Гомес, опытный холостяк.

Дон Эрнесто отодвинул от себя эскизы.

– Сеньор Кларк, я хочу, чтобы вы поместили на этикетку что-нибудь простое и элегантное. Горящая свеча, женская рука берется за ножку бокала... Как же вам объяснить-то... В общем, представьте, что вы приносите этих улиток даме, и она сразу же видит в вас сильного и надежного мужчину, мужчину своей мечты.

– А потом, когда их съест, дарит вам свою *gatita dulce*. *Gatita dulce*^[100] – это значит «мохнатка», – любезно перевел Гомес.

– Да знает он, что это значит, – буркнул дон Эрнесто. – А теперь, Валдес, какие из этих улиток настоящие французские?

– На зеленом блюде.

– Итак, на одном блюде у нас отборные французские улитки, на другом – нашего собственного производства. Как вы сами видите, выглядят они практически одинаково. И я уверен, что и на вкус не должно быть особой разницы. Ну что, попробуем? – сказал дон Эрнесто.

Все отвели глаза.

Первым нарушил молчание Валдес:

– *Permiso*^[101], дон Эрнесто, если это возможно...

– Вот как раз по этой причине мы и пригласили Алехандро. Сходи за ним, Гомес.

Дон Эрнесто взял французскую улитку с зеленой тарелки и принялся демонстративно ее жевать. Вскоре вернулся Гомес в сопровождении Алехандро – мужчины лет тридцати пяти в широченной соломенной шляпе и пышном, похожем на бант галстуке. Из нагрудного кармана у того торчал затейливо сложенный платочек.

Дон Эрнесто положил пустую раковину на синюю тарелку.

– Алехандро – всемирно известная знаменитость в своей области, выдающийся гурме и ресторанный критик. И кстати, мистер Кларк: у него хорошие знакомства во всех гастрономических журналах.

Алехандро уселся в кресло, протянул руку через стол Кларку.

– Дон Эрнесто мне льстит. Я просто люблю поесть, а некоторые думают, что я какая-то там звезда.

Дон Эрнесто налил ему вина.

– Прополощите свои вкусовые сосочки, друг мой. Для начала отведайте улиток с южного побережья Прованса, французских.

Подвинул критику зеленое блюдо.

Алехандро профессионально погонял одну штучку во рту. Отпил немного вина, восторженно закивал.

Потом дон Эрнесто предложил ему экземпляр собственного производства.

– А вот эти из Бретани, тоже из Франции.

Алехандро выковырял улитку из раковины и принялся жевать. Все жевал и жевал.

– На вкус похоже, дон Эрнесто, но у второго образца несколько более... вязкая консистенция, да и аромат гораздо более ярко выражен.

Гомес, у которого вдруг зачесалось в носу, громко чихнул, едва успев прикрыть физиономию широким концом галстука.

– Вы бы такие купили? – спросил дон Эрнесто.

– Вообще-то я предпочел бы улиток из первой партии, но при отсутствии таковых... Да, купил бы. Мне кажется, что улитки из второй партии промыты в хлорированной воде – ощущается некоторое послевкусие. Судя по всему, в обычной водопроводной. Как раз из-за хлорки я и предпочитаю ее не пить. Можете обратить на это внимание своих поставщиков из Бретани.

– Консистенция показалась вам более нежной – можем ли мы применить термин «обволакивающая», который применяют ваши коллеги-сомелье по отношению к винам?

– Вне всяких сомнений, – кивнул Алехандро. – Нежная обволакивающая консистенция, ярко выраженные вкус и аромат.

– Я уже думал на эту тему, – вмешался Кларк. – Все это можно разместить на фальцованных буклетах, в магазинах на полки ставить. Со слоганом вроде «*C'est si bon*^[102] – язык проглотит он!». С прицелом на домохозяек.

– Мистер Кларк, Алехандро, налейте себе по стаканчику на дорожку и спускайтесь – встретимся внизу.

Гомес тоже налил себе винца.

– Тут-то вкус понасыщенной будет! – заметил он с довольным видом.

Валдес отпер дверь, ведущую в цех, и опять запер ее, когда в нее вышли дон Эрнесто с Гомесом.

Дон Эрнесто наклонился к уху телохранителя:

– В Гонаиве мне понадобится перегрузить кое-что тяжелое. Где-то восемьсот кило. Снять с судна и перекинуть на грузовик. Потом перевезешь это в Кап-Аитьен и погрузишь на самолет. В аэропорту надо приготовить автопогрузчик.

– Самолет большой?

Дон Эрнесто кивнул:

– Ди-Си-шестой-А^[103].

– А грузовой люк у него с подъемником?

– Да.

– Грузовой поддон есть или надо искать?

– Уже есть в самолете. Основной груз – посудомоечные машины и холодильники, и остается просвет как раз мой товар всунуть. Важно, чтобы его поставили ровно туда, куда намечено, из-за развесовки. Хотя не исключено, что перегружать будем не на самолет, а на другое судно – смотря по обстоятельствам.

– *En su servicio*^[104], дон Эрнесто. А документы?

– С таможей я сам разберусь.

По всей задней стороне цеха тянулся конвейер, похожий на линию для обработки кур. Только ехали по нему не куры, а мертвые крысы со свисающими с ленты хвостами. Среди крыс каким-то образом затесался один-единственный опоссум. Работавшие на конвейере женщины ловко обдирали тушки и срезали филе. В конце линии щелкала ручная штамповочная машина, вся в каких-то старомодных виньетках и хромированных нашлепках – каждый кусок филе она превращала в трех улиток, по форме не отличимых от настоящих.

– Двадцать тысяч евро за эту машину отдал в Париже, – бросил на ходу дон Эрнесто. – На ней шлепают улиток еще со времен Эскофье^[105]. Насадка для штамповки кошачьего мяса прилагалась бесплатно. Некоторые считают, что по всем показателям кошатина даже ближе к настоящим улиткам, чем все эти органические грызуны.

Подхватив планшет с зажимом, дон Эрнесто быстро пробежал по нему глазами.

Гомес пропел на мотив джингла из рекламы консервированного супа:

– Кошки и котята, ням-ням-ням!

Когда они вышли из здания, Гомес вытащил из машины черный фрак и траурную нарукавную повязку.

– Лучше прямо здесь наденьте, в салоне несподручно.

Оставив «Линкольн» возле консервного завода, они пересели в бронированный внедорожник с Паоло за рулем и направились на похороны Хесуса Вильярреала.

* * *

В машине дон Эрнесто ответил на два защищенных телефонных звонка. Один из них был от Пако из Медельина. После стрельбы на Майами-ривер на самолет до Колумбии сел один только Пако, который летел домой в компании трех пустых кресел.

Убит ли Ганс-Петер Шнайдер? Пако точно не знал. Видел лишь трупы двух его подельников и еще двух каких-то кентов – похоже, из экипажа сухогруза.

Закончив разговор, в ходе которого ни разу не повысил голос, дон Эрнесто отвернулся к окну машины и некоторое время угрюмо молчал. Эх, Кэнди, Кэнди... Сразу припомнился остров Сан-Андрес, на котором они с Кэнди, тяжело дыша, предавались плотским утехам в одном уютном отельчике...

* * *

Дон Эрнесто, приехавший на кладбище за полчаса до начала церемонии, следил из-за наглухо тонированных стекол внедорожника за прибытием похоронной процессии. Развернул записку, которую передала ему вдова Хесуса Вильярреала, еще раз перечитал:

Глубокоуважаемый сеньор!

Хесус счел бы за честь, если б вы смогли присутствовать на его заупокойной службе. Это принесло бы Вам тот душевный покой, который Вы уже подарили нам, его близким.

Вдова и ее сын приехали на черном «Крайслере» в сопровождении

какого-то пожилого красавца с безукоризненно уложенной седой шевелюрой.

Гомес обвел собравшихся линзами бинокля.

– У мужика в черном пиджаке при себе волина, – доложил он. – Справа спереди на штанах кобура. Подождите, пусть повернется... Ага, и справа под мышкой тоже. Левша. Шофер встал возле багажника. Также со стволом на поясе, ключи с брелоком от машины в руке держит. Походу там винторез или помпуха. Под ливреей броник. Но Онъисанти с Куэвасом уже за ним держатся, присматривают. *Patrón*, может, мне сходить поздороваться с вдовой? Заодно и записку можно передать.

– Нет, Гомес. Паоло, а что это за хмырь с седой башкой?

– Да адвокатишка один из Барранкильи, Диего Рива... Редкостный гондон. Это он защищал Холланда Вьеру, когда тот автобус с пассажирами захватил.

Под их внимательными взглядами Диего Рива передал вдове черную кожаную папку. Та убрала ее в сумку. Возле могилы Хесуса Вильярреала собрались в общей сложности человек тридцать. Пока что это была всего лишь яма среди величественных надгробий и мавзолеев, густо усыпающих территорию центрального кладбища Барранкильи, но дон Эрнесто уже присмотрел на кладбище в Картахене чудесного мраморного ангела, которого планировал передать вдове, как только один опытный человек, отлично владеющий резцом, переправит на нем имя усопшего^[106].

Сеньора Вильярреал была одета неброско, как и полагается вдове. Рядом с ней стоял ее сын, торжественный и чопорный, в строгом черном костюмчике, оставшемся после первого причастия.

Дон Эрнесто подошел к ним. Крепко пожал мальчишечью ладошку.

– Теперь ты главный мужчина в семье, – сказал ему дон Эрнесто. – Звони, если вам с матушкой что-нибудь понадобится.

Повернулся к сеньоре:

– Хесус был выдающимся человеком во всех смыслах этого слова. Всегда отвечал за свои слова. Надеюсь, что когда-нибудь и про меня такое скажут.

Сеньора Вильярреал приподняла черную вуаль, чтобы лучше видеть его лицо.

– Дом просто прекрасный, дон Эрнесто. Деньги поступили. Спасибо вам. Хесус меня проинструктировал: когда все оговоренное будет выполнено, передать вам вот это. – Она вручила дону Эрнесто черную папку. – Он сказал, чтобы вы очень внимательно прочитали все это перед тем, как хоть что-нибудь предпринимать.

– Сеньора, а можно поинтересоваться, как папка оказалась у Диего Ривы? – спросил дон Эрнесто.

– Он занимался делами Хесуса. Мы боялись, что наши враги отберут ее у нас. Диего Рива держал ее у себя в сейфе. Спасибо вам за все, дон Эрнесто. И знаете что? *Dios se lo pague.*

В международном аэропорту имени Эрнесто Кортиссоса наготове стоял «Гольфстрим IV», и буквально через двадцать минут после похорон дон Эрнесто и сопровождающие его лица были уже в воздухе на пути в Майами.

Откинув столик, дон Эрнесто выложил на него полученные от вдовы бумаги. Быстро, но очень внимательно изучив их, он позвонил Капитану Марко в Майами.

– Не в курсе, Шнайдера все-таки шлепнули или нет?

– Не знаю, *Patrón*. Никто из нас его с тех пор и в глаза не видел. В доме тишина. Полиция тоже не появлялась.

– Скоро буду. Вплотную займемся домом. Мне очень нужно знать, чем сейчас занят твой друган Фаворито. Можешь по-быстрому с ним связаться?

– Да, *Patrón*.

– А та девчушка, Кари? Будет от нее какой-нибудь прок?

– Наверняка, но она говорит, что она пас, *Patrón*.

– Понятно. Скажи мне, чего она больше всего хочет, Марко.

Глава 30

Илиане Спрегз, специалисту четвертого класса Вооруженных сил США, по крайней мере, досталась отдельная палата. Лежала она в госпитале Министерства по делам ветеранов в Майами – с задранной вверх и подвешенной на растяжку ногой и бледным под россыпью веснушек лицом. Личико у нее было совсем юное, но совершенно измученное. Нога жутко чесалась под гипсом, а день тянулся нескончаемо долго. Родители Илианы жили в Айове и часто навещать ее не могли.

Компанию ей составляли в основном плюшевая собачка и открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления, прищипленные к зеркалу. Воздушный шарик, надутый гелием, давно уже сдулся и бесполезной тряпочкой висел у стены. Были еще часы с кукушкой. Они тоже давно не шли, и всем было про это прекрасно известно. Правильные часы, подумалось ей – время, похоже, действительно остановилось.

Ее брат по несчастью Фаворито, тоже пациент ветеранского госпиталя, молодой мальчик с жизнерадостным румяным лицом, не мог похвастаться такой роскошью, как отдельная палата, – положили его в общую, где какие-то морпехи развлекались тем, что озвучивали персонажей некоей мыльной оперы, выключив звук у телевизора. От того, что они при этом несли, просто вяли уши.

Один сержант как раз взял на себя роль жеманной инженю на экране.

– О, Рауль, – пищал он тоненьким голоском, – это что, венская сосиска или твоя пиписька?!

Фаворито все это уже окончательно задолбало. Взявшись за колеса своего инвалидного кресла, он заехал в палату Илианы, объявил ей, что он дипломированный кукушачий доктор, и попросил разрешения взглянуть на часы. Снял их с полки и подрулил на кресле поближе к койке. Поставил часы на оставшийся от завтрака поднос на тумбочке и развернул их задней стенкой к Илиане, чтобы та могла наблюдать за процессом.

– Всего лишь несколько вопросов, – важно произнес он. – Официальным опекуном этой кукушки являетесь вы, если я правильно понимаю?

– Да.

– На документы я могу взглянуть позже, но имеется ли у данной птицы надлежаще оформленная страховка?

– Не думаю, – улыбнулась Илиана.

– И давно эта кукушка отказывается высовываться наружу?

– Я заметила это недели две назад, – с серьезным видом ответила Илиана. – А перед этим она была просто какая-то вялая.

– А до того высовывалась, так сказать, регулярно?

– Да, аккуратно в начале каждого часа.

– Ого, так часто?.. А теперь постарайтесь хорошенько припомнить: когда птица появлялась оттуда в последние разы, не было ли в ее голосе хрипов? Не проявляла ли она признаков переутомления или депрессии?

– Не припомню такого, – отозвалась она.

– Илиана, по вашим прекрасно ухоженным ногтям я могу предположить, что у вас есть отличный маникюрный набор.

Она мотнула головой в сторону тумбочки. Фаворито выдвинул ящик, достал оттуда маленький футлярчик. Вывалил на тумбочку ножнички, щипчики, пилочки... Ага, вот оно – быстросохнущий лак для ногтей.

Фаворито что-то подкрутил в часах, в результате чего внутри у них что-то коротко свистнуло.

– Ага! Вот это-то я и искал. То, что вы только что слышали, называется «ку-один», да позволено мне будет употребить чисто научный термин.

Сложив ладони рупором, он склонился к часам, якобы адресуясь к кукушке.

– Простите, что обращаюсь к вам со спины, но хочу поставить вас в известность, что уже почти полдень, а вы отсутствовали почти две недели. Илиана волнуется.

Он быстро сунул в часы маникюрные щипчики, и изнутри опять донесся гудочек, только более басовитый.

– А вот это называется «ку-два», – объяснил Фаворито, поворачивая голову к Илиане. – Или же, на научной латыни, *beatos sono*^[107] – наиболее обнадеживающий признак.

Заведя часы, он развернул их циферблатом к Илиане. Сверившись со своими наручными часами, выставил точное время и принялся перекидывать взгляд с одного циферблата на другой. Несколько раз подводил отстающие стрелки часов с кукушкой, пока, к полному восторгу Илианы, не сообразил, что забыл подтолкнуть маятник.

И теперь их минутная стрелка неуклонно приближалась к делению с цифрой «12». Вслед за ним Илиана подхватила обратный отсчет:

– Пять, четыре, три, одна...

Ровно через секунду из часов высунулась кукушка, один раз прокуковала и тут же спряталась обратно, захлопнув за собой дверцу.

Оба расхохотались. У Илианы даже лицо заболело – так давно не

смеялась!

– Но она только один раз кукукнула, – заметила она, отсмеявшись.

– А сколько надо в полдень?

– Двенадцать.

– По-моему, многовато, – с серьезным видом молвил Фаворито. –

Перегреется.

Деликатный стук в дверь.

– Войдите! – отозвалась Илиана, очень сожалея, что их прервали.

– *Hola*, Фаворито!

– Марко! *Como anda?*^[108] – обрадовался Фаворито.

– Прости, что помешал. Можно тебя на пару слов? Мы только на секундочку, мисс. Обещаю.

– Минутку, Марко, – бросил Фаворито, опять что-то подкрутив в механизме и напоследок подув внутрь.

Выкатившись вслед за Марко в коридор, он предостерегающе поднял палец, считая в уме от пяти до нуля. Из палаты одно за другим понеслись отрывистые «ку-ку». Ровно двенадцать раз. Удовлетворенно кивнув, Фаворито повернулся к Капитану Марко.

– Ты можешь выезжать из больницы в течение дня? – с ходу спросил тот.

– На пару часов между процедурами – да.

– Надо тут с одними часиками разобраться – может, у тебя получится, – сказал Капитан Марко.

Глава 31

Лимузин дона Эрнесто заехал на стоянку, заполненную выдавшими виды легковушками и старыми пикапами. Среди них приник к асфальту недоделанный лоурайдер^[109] на базе древней «Импалы», на капоте которого красовалось изображение ацтекской богини Тласолтеотль – небесной покровительницы всякого рода безобразий.

Гомес вылез из-за руля. Перед тем как открыть дверцу перед доном Эрнесто, несколько раз огляделся по сторонам. Где-то неподалеку заорал петух.

Дон Эрнесто велел Гомесу оставаться в машине.

То и дело отдуваясь, обряженный в тропический костюм и панаму, он долго взбирался по лестнице многоэтажки, поглядывая на номера квартир.

Дверь, которая ему требовалась, была приоткрыта. Сразу за ней проход загораживал большой вентилятор, с гудением поворачивающийся туда-сюда. На перилах сохло лоскутное одеяло. По соседству хватал воздух клювом здоровенный белый какаду в клетке.

Опять прокукарекал петух.

– Какого хера, Кармен? – немедленно отреагировал попугай.

Из спальни до дона Эрнесто донесся громкий голос Кари, зовущей кухню:

– Хульета, подойди сюда, помоги перевернуть маму!

Из кухни, на ходу вытирая руки, показалась Хульета. Сразу увидела застывшего в дверном проеме дона Эрнесто.

– Что вам надо?

Для сборщика квартплаты больно уж шикарно одет, промелькнуло у нее в голове.

Дон Эрнесто вежливо снял с головы панаму.

– Просто поговорить с Кари насчет одной работы.

Кари продолжала кричать из спальни:

– Хульета, захвати еще все для мытья!

– Я вас не знаю, – сказала Хульета дону Эрнесто.

Из-за двери коридора показалась Кари.

Одна рука – за спиной.

Дон Эрнесто улыбнулся ей.

– Кари, я знал Антонио. И теперь хочу поговорить с тобой. Наверное, я несколько не вовремя. Занимайтесь спокойно своими делами, я вполне

могу обождать несколько минут. Там, во дворе, я вроде как видел столик для пикников. Подходи туда, когда закончишь, хорошо?

Кивнув, Кари попятилась назад в комнату. Нечто тяжелое, что только что находилось у нее в руке, вернулось обратно в свое укромное место.

* * *

Несколько детишек гоняли возле автостоянки в футбол.

Под одним из деревьев на узкой полоске травы между зданиями стоял бетонный стол с нарисованной на нем шахматной доской. Возле нее сиротливо притулилась банка из-под растворимого кофе с разноцветными крышечками от пластиковых бутылок – вместо шашек. Когда дон Эрнесто принялся отряхивать пыльную лавку платочком, чтобы усесться, ворона, рывшаяся в наполненном золой мангале, перелетела на соседнее дерево, что-то злобно бурча себе под нос. При появлении Кари дон Эрнесто опять встал.

– Ухаживаешь за тетей?

– Да, вместе с двоюродной сестрой. Когда обеим надо на работу, нанимаем сиделку на полный день. Дон Эрнесто, я знаю, кто вы такой.

– А я знаю, что случилось с тобой тогда в Колумбии, и глубоко тебе сочувствую, – отозвался он. – Кари, я здесь как друг Антонио и хочу, чтобы мы с тобой тоже стали друзьями. Ты много лет проработала в доме Пабло. Ты наверняка отлично знаешь там все ходы и выходы, все его системы.

– Да, знаю неплохо.

– И ты знаешь людей Ганса-Петера Шнайдера в лицо?

– Знаю.

– И соседи привыкли тебя там видеть?

– Да, я знакома кое с кем из них, и еще с людьми, которые там работают.

– Этот обслуживающий персонал – они уже привыкли к тому, что ты с ними здороваешься, когда они утром приходят на работу?

– Да.

– Хочу предложить тебе одну работенку, которая крайне благотворно скажется на твоей тете. Какой самый лучший гериатрический центр в Майами?

– «Пальмира-гарденз», – отозвалась Кари.

– Я хочу, чтобы ты рассматривала то, что я собираюсь сказать, как

подарок от Антонио и как отличную возможность для тебя самой. Твоей тете я предлагаю содержание в «Пальмире» на такой срок, какой только понадобится, а тебе – солидную долю в том, что мы найдем в доме.

Пахучие цветки старой крепкой плюмерии привлекали множество пчел, которые негромко гудели у них над головами.

Кари очень не хватало отца, которого давно не было в живых, не хватало и старого натуралиста, которого она конвоировала сквозь лес. Жутко не хватало кого-то, на кого можно было бы опереться, попросить совета. Она смотрела на дону Эрнесто, чувствуя безотчетное стремление последовать за ним.

Но в лице дону Эрнеста она не видела ни своего покойного отца, ни старого профессора. Над головой по-прежнему жужжали пчелы.

– Что от меня требуется? – спросила она.

– Во-первых, стать моими глазами, – ответил дон Эрнесто. – Какая-то женщина убила Хесуса Вильярреала, бомбу к нему пронесла! Лучшая защита против женщины – это тоже женщина. Мне нужно, чтобы ты прикрывала мне спину. А кроме того, мне необходимо твое знание дома.

Ворона не могла дождаться, пока пришельцы уберутся прочь, нетерпеливо перебегала по суку то вверх, то вниз. Кари подумала, что глаза дону Эрнесто очень похожи на глаза этой вороны.

Дон Эрнесто несколько не сомневался, что Кари проживает в США на птичьих правах. Статус временной защиты – штука зыбкая. Президент может отменить все эти СВЗ в любой момент. Моча в голову ударит – и отменит одним махом. Если он вообще в курсе, что такое СВЗ.

Конечно, Кари может в любой момент сдать и его самого, и золото «мигре» – в обмен на надежные документы и солидное вознаграждение. Ни в чем подобном она еще не была замечена, но... Лучше пока подержать ее на коротком поводке.

Когда ворона злобно каркнула на него, дон Эрнесто только улыбнулся. Представил себе то, что вот-вот предстоит, представил болезненное напряжение, запах страха, витающий в закрытом и опасном доме. «Какого хера, Кармен, – подумал он про себя. – Она точно будет нам полезна».

– Кари, хочешь взять с собой своего попугая? – произнес он вслух.

Глава 32

В доме Эскобара царила полная тишина. Киношные страшилища и манекены молча таращились друг на друга в анфиладах комнат, заставленных укутанной чехлами мебелью.

В отсутствие Кари, занимавшейся тут настройкой электроники, автоматические жалюзи, которые утром должны были подниматься, а с наступлением дневной жары опускаться, в основном оставались в закрытом положении, иногда по собственному почину бегая вверх и вниз – таймеры окончательно сбились. Большую часть дня в доме царил густой полумрак. Садовые разбрызгиватели сами собой включались и выключались чуть ли не каждые несколько минут.

Незадолго до рассвета в кухню, подтолкнув изнутри дверцу тумбы под раковиной, проникла белка. Держась поближе к стене, обнаружила и съела рассыпанные по полу семечки, оставшиеся от отсутствующего какаду.

При первых проблесках солнца Кари Мори уже вылезала из пикапа садовой службы, остановившегося у ворот. Набрала код на пульте. Ворота открылись, и Марко заехал внутрь. Кроме Кари, с ним приехали члены его экипажа Игнасио и Эстебан, а также Бенито.

Гомес с доном Эстебаном сидели во второй машине, припаркованной в квартале от дома Эскобара.

Выпендрожный пикап Бобби-Джо по-прежнему стоял во дворе возле парадного крыльца. Боковые стекла у него были опущены, одна дверь до упора распахнута, словно Бобби-Джо просто отошел на минутку. Ночью прошел дождь, и кабина вся вымокла изнутри.

Седоки один за другим выпрыгнули из кузова с оружием на изготовку. У всех – полные карманы стопоров для дверей. Встав по бокам от парадной двери, подергали ручку. Заперто. Кари достала ключ. Резко распахнув дверь, они прикрывали Кари, пока она шла к пульту охранной сигнализации. Та была полностью вырублена. Кари включила датчики движения наверху.

– Смотрите, на дверях могут быть растяжки, – предупредила она.
Эстебан показал ей аэрозольный баллончик с порошком от ожогов.
Она покачала головой:

– Ни лазеров, ни фотоэлементов тут нет.

Они обошли внутренность дома с одной стороны, низко пригибаясь перед подоконниками. Белка услышала их приближение и юркнула обратно

под раковину, оставив дверцу тумбы приоткрытой.

Проверили весь первый этаж, комнату за комнатой. Когда очередное помещение оказывалось пустым, всякий раз слышался негромкий крик: «Чисто!»

Потом вдруг они услышали что-то наверху – вроде как чей-то голос. Присмотрелись к индикаторам датчиков движения, но ничего на втором этаже не двигалось. Кари полностью вырубил сигнализацию, а Эстебан приготовился при необходимости прикрыть огнем большую лестницу, ведущую на второй этаж. Марко с Кари быстро влетели наверх – Кари держала свой «АК-47» на изготовку, закинув ремень на плечо.

В одной из маленьких спален наверху обнаружили признаки поспешного бегства – на полу брошены какие-то шмотки, телевизор не выключен... Влетевшая в открытое окно оса упорно билась об потолок.

Относительный порядок сохранялся только в просторной хозяйской спальне, в которой ночевал Ганс-Петер, и в комнате Матео. В остальных вперемешку валялось всякое барахло, теперь уже принадлежащее мертвецам. Никому не понадобятся теперь ни бритвенный набор, ни туфли домушника с примотанным к носку портативным детектором электропроводки...

В одной из спален обнаружился стоящий в углу «АР-15» безвременно усопшего Умберто, подложившего голову Антонио в крабовую ловушку и пытавшегося утопить Кари.

В павильоне напротив бассейна Марко нашел верхолазную сбрую, которую нацепили на Феликса перед тем, как опустить его в дыру. Постромки ее были перемазаны кровавыми пятнами, на которые налип песок. Некоторое время Марко внимательно ее осматривал. Смазанные следы волочения со следами крови вели от нее к гавани. Марко приказал Эстебану размотать шланг и смыть остатки крови из павильона.

Потом он спустился в подвал и остановился на нижней ступеньке лестницы, глядя в неподвижное лицо на сейфе. Его уже проинструктировали: ничего здесь не трогать.

Фигура Пречистой Милосердной Девы Кобрийской в натуральную величину, которая как живая смотрела на него с двери сейфа, делала душный подвал похожим на часовню. Под ногами ее была изображена лодка с рыбаками, отчаянно навалившимися на весла в бушующем море. Над небольшим углублением в одеянии Девы торчал совсем свежий завиток металлической стружки. На полу под ним валялся здоровенный перфоратор.

Посмотрев на сражающихся со стихией рыбаков, Капитан Марко

истово перекрестился.

Дон Эрнесто томился в ожидании в своей машине, когда вдруг зазвонил его мобильник. Перед тем как ответить, он несколько секунд смотрел на экран.

– Итак, ты все-таки влез в дом, – сказал ему Ганс-Петер Шнайдер. – Могу подослать туда копов буквально через пять минут.

– Если я не сделаю чего? – перебил его дон Эрнесто.

– Если не отвалишь мне треть. Как видишь, я не наглею.

– И у тебя уже есть покупатель?

– Есть.

– И этот покупатель может показать мне наличные?

– Или же сделать электронный перевод, куда ты только ни захочешь.

– Тогда считай, что договорились.

– Я хочу, чтобы ты сделал еще кое-что.

Ганс-Петер шепотом изложил ему свое сокровенное желание.

Слушая его, дон Эрнесто прикрыл глаза.

– На это я пойти не могу, – сказал он. – Никак не могу.

– Не думаю, что ты сам-то себя понимаешь, дон Эрнесто. За две трети от двадцати пяти миллионов ты пойдешь на все, что угодно.

И в трубке воцарилась мертвая тишина.

Глава 33

А тем временем Фаворито, сидя в подвале дома Эскобара в своем казенном инвалидном кресле – за карточным столиком, который его напарники притащили откуда-то сверху, – уже изучал ксерокопии документов и схем, полученных доном Эрнесто от вдовы Хесуса Вильярреала. Среди прочего нашелся и эскиз внутреннего устройства сейфа. На шее у Фаворито висел стетоскоп, рядом стоял небольшой ящик с инструментами. По подвалу расставили несколько направленных ламп, как в фотостудии, которые ярко освещали статную фигуру Пречистой Милосердной Девы Кобрийской на двери сейфа.

Над головой Фаворито нависли Марко и его первый помощник, Эстебан.

Когда на нижних ступеньках лестницы появился дон Эрнесто, все засуетились, шляпы слетели с голов, послышались почтительные приветствия. Тот благословляющим жестом поднял руку и поприветствовал всех разом. За спиной у него стояли Гомес и Кари.

Последняя кивнула Марко с Эстебаном.

Подойдя к столу, дон Эстебан положил Фаворито руку на плечо.

– *Hola, Patrón.* – Фаворито повернулся к нему. – Это все, что передала вам сеньора Вильярреал? А сам Хесус ничего не рассказывал?

– Бумаги я получил только после его смерти, Фаворито. Сразу снял для тебя копии. Вот оригинал. По-моему, он ничуть не лучше.

Они развернули бумаги на столе.

– Если верить технической спецификации, сейф сварен из нержавеющей стали марки «340-Л» толщиной более пяти дюймов, – сказал Фаворито, постукивая пальцем по табличке в углу листа. – Вот тут – подрывной заряд. Насколько я понимаю, активируется он фотоэлементом, чувствительным к рассеянному свету. В общем, достаточно просто открыть дверь, впусив в нее свет, даже голову не нужно внутрь совать.

– Выходит, там должны быть какие-то батареи для питания этого устройства? Времени вообще-то прошло порядочно, – заметил Марко.

Фаворито опять постучал пальцем по бумаге.

– Наверняка мы найдем и источник питания для подзарядки – скорее всего, вот здесь, в цепи наружного освещения. Фонари во дворе ведь включаются таймером, так?

– Да, там есть таймер, – ответила Кари с лестницы. – В буфетной

установлено двойное реле-прерыватель на двадцать ампер. Свет во дворе горит от семи до одиннадцати. Только во время урагана «Вильма» четыре дня ничего не работало.

Услышав женский голос, Фаворито слегка вздрогнул и обернулся.

– Это Кари. Она тоже из наших, не переживай, – сказал дон Эрнесто.

– Кари, – задумчиво повторил Фаворито. Ткнул пальцем в изображение пресвятой девы на стене сейфа. – *Caridad del Cobre*. Уж не дальняя ли вы ей родственница?

– Вряд ли, – ответила Кари.

– Вообще-то очень похоже, что все это рисовали просто по чьим-то рассказам, – произнес Фаворито, возвращаясь к разложенным на столе бумагам. – Никаких подробностей. Никакой электрической схемы. Так – каляки-маляки. В некоторых местах стоит пометка «*imán*».

– Да, *imán* – магнит. – Дон Эрнесто кивнул.

– Я думаю, стоит взглянуть на него с обратной стороны – посмотреть, нет ли там какого-нибудь слабого места, – сказал Фаворито. – Сколько у нас уйдет на то, чтобы разломать бетон и арматуру по бокам?

– Как минимум пара дней, если работать круглые сутки, – ответил дон Эрнесто.

– А и вправду надо туда заглянуть. Я сам пойду, – подал голос Капитан Марко. Это ведь он послал туда Антонио. Настал момент проверить себя, и он был даже этому рад.

* * *

У дона Эрнесто завибрировал телефон. Бросив взгляд на экран, он быстро поднялся по лестнице, вышел во двор и двинулся к павильону напротив бассейна. Кровь оттуда уже смыли, но полоски цементной затирки между плитками намертво пропитались кровью Антонио. Стали густо-багровыми. По ним суетливо бегали крошечные муравьи.

Звонил Диего Рива, адвокат Хесуса Вильярреала. Звонок был переадресован из офиса дона Эрнесто в Картахене.

– Дон Эрнесто, – промолвил Рива проникновеннейшим из всех своих голосов. – Очень приятно было видеть вас вчера, невзирая на печальные обстоятельства. Вот решил позвонить. Вы сейчас в Картахене? Надо бы кое-что обсудить.

– Отъехал по делам. Так чем могу, сеньор Рива?

– Хочу сделать одно доброе дело, сеньор. Я полагаю, в самое ближайшее время вы воспользуетесь информацией, которой с такой опасностью для себя снабдила вас сеньора Вильярреал?

– Да, пожалуй что воспользуюсь, – подтвердил дон Эрнесто, задумчиво оттопыривая щеку языком.

– Я тут сделал одно крайне тревожное открытие. Меня поставили в известность, что один из ваших деловых конкурентов, бегло проглядывая эти материалы, внес в них ряд изменений, которые могут напрямую сказаться на вашей безопасности. Признаться, я очень за вас обеспокоен. Жизненно важно, чтобы указанные материалы были приведены к первоначальному состоянию, для вашей собственной безопасности.

– Я очень ценю, что вы не стали тянуть со звонком, – ответил дон Эрнесто. – А какого рода изменения? Я могу дать вам номер факса, или же вы можете отсканировать их и прислать мне прямо на телефон.

– Я предпочел бы личную встречу, – сказал Рива. – Так уж удачно сложилось, что сейчас я как раз в Картахене. Дон Эрнесто, мое невольное участие во всем этом проекте оказалось связано для меня с очень серьезной личной опасностью, не говоря уже о необходимости контактировать с сеньорой и ее сестрой, с которой вообще крайне сложно иметь дело, если не вдаваться в дальнейшие подробности. Так что я смею рассчитывать на должную благодарность с вашей стороны. По-моему, один миллион долларов – не такая уж высокая компенсация за перенесенные мною тяготы.

– *Saramba!*^[110] – не сдержался дон Эрнесто. – Миллион долларов – не жирновато ли для простой благодарности, сеньор Рива?

– Вам нужна эта информация. От нее зависит жизнь ваших людей, – невозмутимо возразил Рива. – Многие люди, не столь щепетильные в вопросах чести, как я, подумали бы над возможностью получить вознаграждение от властей.

– А если я не заплачу?

– Когда у вас будет время хорошенько все обдумать, оглянуться назад и нацелиться взглядом в прошлое, сидя у разбитого корыта, тогда вы поймете, насколько жестоко ошибались.

– Сеньор Рива, а как вы посмотрите на семьсот пятьдесят тысяч?

– Боюсь, что торг здесь неуместен.

– Я очень скоро с вами свяжусь, – бросил дон Эрнесто и тут же нажал на «отбой».

Подозвав к себе Гомеса, он обсудил с ним Диего Риву и его телефонный звонок.

– Мол, нацелишься потом в прошлое – и будешь слезы лить, – вольно процитировал адвоката дон Эрнесто.

– Нацелишься? – оживился Гомес. – Целиться – это мы умеем.

– Если я заплачу ему, Гомес, он тут же сдаст нас «мигре», как только получит деньги. Чтобы и у них бабла срубить. Я собираюсь назначить ему встречу у могилы Хесуса. И хочу, чтобы ты помог ему как следует оглянуться назад. Вправил, так сказать, мозги. Помнишь, как в том кино Дракула развернул Рейнфилду башку задом наперед?

– Помню, – кивнул Гомес. – Но был бы не прочь еще разок пересмотреть этот кусок. Ничего, если я подряжу к себе в помощь своего дядю? Он очень способный.

– Подряжай. Отправляйся, как только тут со всем закончим, – распорядился дон Эрнесто.

– *Sí, Patrón*, но ваша безопасность...

– При мне всегда кто-нибудь будет.

– Из этих-то?.. Ладно, сеньор, если вы не против профессионального совета, то кого бы из них вы ни выбрали, обязательно возьмите еще и эту девчонку, Кари. По-моему, у нее к этому делу талант. Я такие вещи спинным мозгом чую. Не забывайте – Хесуса как раз баба шлепнула.

Дон Эрнесто не стал сообщать Гомесу, что в схемах сейфа могут быть фатальные корректировки. Фаворито тоже в известность не поставил, и вообще никому ничего не сказал.

Если Диего Рива вдруг проболтается, на золотом рынке Майами, где разместить добытое сомнительными способами золото обычно не проблема, начнутся брожение и неразбериха. Федералы и КЦББ^[111] начнут землю носом рыть, чтобы его отыскать, возьмут под колпак все местные плавильные производства. Хесус говорил, что часть слитков – с серийными номерами. Золото придется увозить из страны, чтобы переплавить. А прямо в сейфе везти нельзя, если в него встроены датчики удара и движения.

Хотя, в конце концов, что такого страшного произойдет, если эта железная коробка и впрямь взорвется? Ни свидетелей, ни улик... Ну, остальные дома еще на улице покоцает, ну, потеряет он пару-тройку полезных людей... Но так-то вообще ничего особо серьезного.

Итак. Надо вскрывать сейф на месте и сильно с этим не затягивать. Нужно перевезти золото в другое место, пока Диего Рива не решил стукнуть в полицию.

Дон Эрнесто опять взял телефон и позвонил на Гаити. На звонок ответил человек в коричневом комбинезоне, который в тот момент в аэропорту Пор-де-Пе прочищал топливные фильтры самолета,

построенного шестьдесят лет тому назад. После короткого разговора он получил от дона Эрнесто заказ: пятьсот фунтов свежесрезанных цветов и три стиральные машины.

Глава 34

Чтобы прикрыть дыру в газоне возле причальной стенки от вертолетов полиции и береговой охраны – а заодно и самим укрыться от палящего солнца, – над ней установили огромный пляжный зонтик.

Вскоре после рассвета Капитан Марко появился из павильона возле бассейна в гидрокостюме и новехонькой верхолазной сбруе. В руке он нес сбрую Феликса, перемазанную кровью и засохшим илом, которую бросил на кафельные плитки на краю бассейна.

Дон Эрнесто положил ему руку на плечо.

– Тебе не обязательно лезть туда самому. Я могу вызвать водолаза.

– Это я Антонио туда послал. Так что сам полезу, – ответил ему Марко.

– *Sí, Capitán*, – понимающе кивнул дон Эрнесто.

Игнасио вышел из дома с чемоданчиком и рюкзаком в руках. Вывалил их содержимое на землю.

– Вещички, что от мертвяков остались, – пояснил он. – Немного травки, в основном семена и стебли, раскладной «Лезерман»^[112], журнальчик с бля... – Тут он сообразил, что за спиной у него стоит Кари. – Э-э, с голыми девушками. Игральные кости – заряженные, естественно, с грузиками, и – можете поверить? – даже со специальной чашечкой в комплекте. Он что, не понимал, что это Майами? В этом городке ему за такое моментально башку открутили бы! Я от них избавлюсь.

– От сбруи тоже избавься, – сказал ему Марко.

При появлении вертолета береговой охраны Марко быстро отступил под прикрытие зонтика.

Вскоре к нему присоединился Бенито. Старик открыл принесенный с собой длинный цилиндрический футляр – из тех, в которых рыболовы держат удилица. Вручил Марко какую-то палку футов пяти длиной с цилиндрической насадкой на конце.

– Первое средство от акул и крокодилов, – пояснил он. – Просто посильнее тычешь в шкуру вот этим концом – и бабах! Племянничек мой для тебя смастерил.

Показал на ладони странный патрон – без пули, зато с доньшками на обоих концах. Поясок посередине замазан воском.

– Это «тридцатка», вставленная в триста семьдесят пятый, который тут вместо пули. Держи. Попробуй сам зарядить.

Марко проверил, на месте ли предохранительная чека, и вставил

диковинный заряд в цилиндр на конце палки.

Поскольку боеприпас срабатывал, оказавшись плотно прижатым к цели, перевернутый задом наперед второй патрон оказывался гораздо эффективней обычной пули – поражающим действием здесь обладал не металл, а сжатые под огромным давлением пороховые газы^[113].

Бенито и Марко с размаху стукнулись согнутыми в локте руками.

– С Богом, – сказал Марко. – А то я сейчас окончательно сжарюсь в этом гидрике.

Надел на себя маску с двумя угольными фильтрами и видеокамерой. Бросил взгляд на Фаворито, проверявшего «живую» картинку с камеры на экране ноутбука. Порядок! С ним тоже стукнулись локтями.

Стал спускаться в темную пещеру на тросе, заведенном на ручную лебедку. Трос слегка подергивался. Марко повел по сторонам фонарем. Щеки тронуло душное тепло.

– Майнай помалу, еще майнай! – Он вытянул носки ног вниз. – Ниже, ниже!

Наконец коснулся дна. Воды где-то по грудь, ходит вверх-вниз максимум на фут. Марко осветил мощным фонарем на сейф, на человеческий череп, на перевернутый вверх ногами канделябр из корней, свисающий с потолка пещеры. Почувствовал, как поток воды, мерно гуляющий туда-сюда сквозь подводный размыв, хватает его за лодыжки. Грубо прикинул расстояние между сваями при помощи противоокульной палки.

– Сваи достаточно далеко друг от друга, сейф можно запросто протащить между ними лебедкой!

Марко медленно двинулся вперед, преодолевая сопротивление воды и шумно дыша через маску. Под некоторыми корнями приходилось глубоко нагибаться, чуть ли не с головой окунаясь под воду, чтобы пролезть под ними.

– Баржа торчит из воды, но вроде не мешает!

Наконец он добрался до сейфа и валяющегося рядом черепа. Рядом на мелководье проглядывали останки собаки – примерно одна восьмая.

Марко вытащил из кармана магнит. Тот намертво прилип к стенке сейфа.

– Сталюга, как и с той стороны! – доложил он. – Никаких слабых мест не видно.

– Можешь получше разглядеть швы? – спросил Фаворито, изучая картинку на ноутбуке.

– Сварка очень аккуратная, валиком, без поперечных перемещений

электрода. Просто чудо, а не швы. Этот долбаный ящик явно не прямо здесь варили.

– Постучи по нему, – приказал Фаворито.

Вдруг какой-то хлюпающий звук около подводного выхода. Несколько пузырьков на поверхности воды.

Капитан Марко снял с пояса небольшой молоток, обстучал сейф. По мере того как молоток смещался от центра к углу, звук практически не менялся.

– То же самое, что и спереди. Дюймов пять толщиной, не меньше. Сейчас схожу погляжу обстановку возле промоины, откуда вода поступает. Тебе там хорошо все видно?

– Будь добр, протри объектив, Марко.

Вытащив из полиэтиленового пакета сухую тряпочку, Марко протер сначала объектив камеры, а потом стекло маски. И тут же чуть не присвистнул.

– Нич-чего себе! Приехали... Видишь вот это пятнышко? – он приложил к стенке сейфа палец. – С карандаш примерно в диаметре. Хорошего мало. Ладно, пошел на выход.

Опять какое-то хлюпанье и чмокание у выходящей в залив промоины.

Марко уже брел к колонне света, льющейся из дыры в потолке, как вдруг обо что-то споткнулся, и в облаке пузырей перед ним всплыла половина тела Феликса, основательно разложившаяся, объединенная и облепленная перепутанными кишками и прочей требухой.

Марко бешено рванулся к выходу, наступив прямо на нее. Мертвые глаза Феликса выпучились, выпадая из черепа, а густое облако вонючих газов едва не придушило Марко прямо сквозь маску. Верхняя половина трупа вдруг сама собой двинулась вбок, приподнимаясь над поверхностью загаженной воды. Марко выставил перед собой шокер, готовый в любую секунду ткнуть им в невидимого противника.

Опять хлюпанье, возле самой стены. Марко из последних сил продирался сквозь вязкую воду, страховочный конец быстро втягивался в светлую дыру наверху.

– Тащите! Тащите! – придушенно завопил Марко сквозь противогаз.

Раскачиваясь и поджав ноги, он уже быстро поднимался к свету, когда прямо под ним вода вскипела множеством пузырьков. Своими очертаниями пузырящееся пятно напоминало гроб. Эстебан с Игнасио налегли на лебедку. Он услышал, как под ногами у него щелкнули чьи-то челюсти, и почти в ту же секунду оказался наверху, где сиял солнечный свет.

Дрожащими руками стянув гидрокостюм до пояса, Капитан Марко

присел прямо на землю, которая шаталась и кружилась у него под ногами. Ему всунули в руку бутылку воды. С судорожными всхлипами сделав пару больших глотков, он тут же блеванул прямо на клумбу. Кари дала ему водички похолодней – прополоскать рот, поднесла стаканчик рома.

Дон Эрнесто молча положил ему руку на голову, словно священник, благословляющий прихожанина в церкви.

Все собрались вокруг лэптопа, на котором крутилась запись с камеры Марко.

– Скорее всего, фэбээровцы обломались со своими металлоискателями как раз из-за этой железной баржи, которую закопали здесь во время намыва территории, – заметил дон Эрнесто.

– Похоже, что вокруг нее бурили, – кивнул Фаворито. – До сих пор следы остались.

Дон Эрнесто постучал пальцем по ровным рядам вмятин на трупе Феликса, изображение которого застыло на экране лэптопа.

– Гребнистый крокодил, – авторитетно определил он. – Они в соленой воде живут. Гомес, помнишь, наверное? Сизара ведь тогда как раз гребнистому крокодилу скормили, когда они с напарником не рассчитались в срок?

– Да, гребнистому, на Лаго Энрикильо. Под мост спустили неподалеку от их офиса, – степенно отозвался Гомес, который даже в речи стремился подражать боссу. – Крокодил его куда-то утащил и, по всей видимости, съел.

– Они сразу не едят, – блеснул эрудицией дон Эрнесто. – Жевать не умеют. Они устраивают под водой нечто вроде кладовой, чтобы еда как следует протухла и стала мягче и поаппетитней. Крокодил отволок того типа туда и оставил созревать.

Фаворито ткнул пальцем в экран:

– Очень хорошо, что мы получше рассмотрели сейф. Видите это пятнышко, которое нашел Марко?

– Если это ртутный замыкатель, то двигать его нельзя, – произнесла Кари.

– Здесь было просверлено отверстие, а потом его залили припоем и зачистили, – сказал Фаворито. – Когда во что-то уже вставили взрывное устройство и все готово, через такую вот дырочку осторожно просовывают проволочку, чтобы подключить к нему датчик наклона – обычно ртутный замыкатель. И тогда все, только качнешь – бабахнет. В ИРА на этом собаку съели.

Кари кивнула:

– Один ирландец, который нас обучал, как минометные мины из газовых баллонов делать, такое тоже показывал. Он на каждой такой самодельной мине свой автограф ставил: «мистер Раст О’Лбай».

– Наверняка псевдоним, – все тем же солидным тоном заметил Гомес.

– А нельзя его оттуда как-нибудь вырезать – например, плазменной горелкой? – поинтересовался дон Эрнесто.

Фаворито помотал головой:

– Знаете, что я сделал бы на их месте? Поставил бы внутри инфракрасные датчики, реагирующие на тепло, – как раз для таких вот умников.

Он сделал глубокий вдох.

– Нам нужен человек, который все это монтировал. Для перевозки, конечно, можно попробовать заморозить ртутный замыкатель жидким азотом. Но холод придется поддерживать постоянно – не ниже минус тридцати девяти по Цельсию, на минуточку, – иначе БАБАХ! А вот что со всей этой оптикой делать, просто ума не приложу.

– Пабло наверняка не навсегда свои деньги в этот ящик закатывал. Планировал все-таки когда-нибудь достать. Так что должен быть какой-то способ. Ничего пока в голову не приходит? – сказал дон Эрнесто.

– Дайте подумать, – отозвался Фаворито. Опустил взгляд на свои неподвижные ноги. – Иногда я забываю, что сначала надо подумать.

– Ладно, подумай с полчаса, – распорядился дон Эрнесто.

Все продолжали смотреть запись на лэптопе, время от времени ее останавливая. Фаворито провел пальцем по сварному шву на экране.

– Такой шовчик не каждый осилит. Глядите – это же неплавящимся электродом сделано, под инертным газом. Только посмотрите, какая красота – ни одной запалины, ровненько, как по нитке. Даже зачищать не понадобилось. Реально классная работа. Таких умельцев – раз-два и обчелся. Давайте-ка поднимем разрешение на реконструкцию двора, они как раз тогда эту штуку туда засунули.

Фаворито загрузил сделанные Марко кадры сейфа в редактор «Фото-плюс», щелкнул по кнопке «Улучшить изображение».

– Есть!!! Спасибо тебе, Марко!

В самом низу кадра, в тени от вспышки, проявились три буквы, начертанные восковым маркером.

– «Г – Э – Б» – «Тандер-элли боутс». Лодочная верфь, небольшие катера делают. Дон Эрнесто, я уже знаю, кого поспросить, но понадобится кое-какая подмазка.

– Деньги или *l'ello*^[114]? – деловито уточнил тот.

– Лучше всего и то, и другое.

Глава 35

Крокодил, ощущая приятную тяжесть в желудке, не спеша скользил по глади залива к югу, на всякий случай сразу погружаясь под воду при виде попадавшихся навстречу самоходных плавсредств. Этот четырнадцатифутовый^[115] представитель вида гребнистых крокодилов частенько наведывался в болота национального парка «Эверглейдс», дабы полакомиться молодыми бирманскими питонами, не брезгуя при случае ондатрами и нутриями, но вообще-то предпочитал проводить время в соленом морском заливе, где облюбовал укромное местечко на берегу возле загородного клуба «Саут-Бей», прямо по соседству с полем для гольфа.

Неподалеку от гольф-клуба ошивались и другие его сородичи – нильский крокодил и парочка аллигаторов, которые старались держаться поближе к впадающим в море пресноводным ручейкам. Крокодилия компания, подставив жаркому солнышку свою шишковатую броню, умиротворенно подремывала на мелководье.

Одна из главных прелестей этого места, с точки зрения крокодилового племени, заключалась в том, что владельцы гольф-клуба, озабоченные комфортом клиентов, напрочь извели в округе всех насекомых, в том числе мотыльков и бабочек, которые специально щекотали веки крокодилов своими колючими лапками, чтобы извлечь крокодиловы слезы, считающиеся у насекомого племени большим деликатесом.

Пристроившись на мелководье, крокодил прищурил свои ничем не обеспокоенные веки и принялся сонно наблюдать за игроками в бермудских шортах.

Увы, собаки на поле для гольфа не допускались. Иногда на поле, уже под вечер, втихаря проникали обитатели соседних участков – не члены клуба. Приготовив совки и пакеты, чтобы прибрать следы жизнедеятельности своих питомцев, они выпускали своих маленьких собачонок побегать вдоль линии воды.

Как справедливо заметил дон Эрнесто, жевать крокодилы не умеют – крупную добычу они разрывают на большие куски и ждут, пока те станут помягче вследствие разложения и легко скользнут в глотку. Но всяких чихуахуа, тибетских терьеров и ши-тсу не проблема проглотить целиком, одним махом. И ждать не надо, пока обед дозреет в потайной кладовке – вроде той, что гребнистый крокодил обустроил под садиком дома Эскобара.

До Феликса крокодилу только раз представился случай отведать

человечины – в зубы ему попал какой-то вусмерть пьяный тип, свалившийся с полной таких же пьянчуг моторки. Никто на борту этого даже не заметил – похоже, никому не было до него дела. Потом где-то с час крокодила не по-детски колбасило – кружилась голова, двоилось в глазах.

Вообще-то люди – далеко не основная его кормовая база, но, несмотря на не слишком-то приятный первый опыт, крокодил отметил и ряд положительных моментов: ни тебе шерсти, ни перьев, ни рогов, ни копыт... Это вам не какой-нибудь пеликан, с которым больше возни, чем гастрономического удовольствия!

Собачьи хозяева в шортах, из которых торчали пухлые бледные ноги, торопливо семенили вдоль воды вслед за своими питомцами, стараясь не попадаться на глаза охране клуба. Эх, хороши! Да и не видят ни черта в сгущающихся сумерках. Надо просто проявить терпение.

Прошлым вечером крокодил испытал некоторый дискомфорт, покуда с натугой выдавливал из себя налобную лампу Феликса. Теперь она лежала на мелководье возле самой кромки воды – то-то уборщики подивятся!

Глава 36

Седовласый красавец Диего Рива любил прихвастнуть, будто приходится родным внуком самому Сизару Ромеро^[116]. Врал, естественно. На лице его навеки застыло высокомерно-обиженное выражение человека, которого окружающие сильно недооценивают.

Принцип, по которому в мире распределяются материальные блага, он считал вопиющей несправедливостью, а хорошую вещь в чужих руках воспринимал как личное оскорбление.

Прекрасный дом, который дон Эрнесто передал вдове Хесуса Вильярреала, вызывал у него просто-таки скрежет зубовой. И дом, и изрядная денежная сумма, выплаченная сеньоре Вильярреал, проплыли мимо адвокатской конторы Диего Ривы, сделав ручкой, так что откусить от этого жирного пирога у него не было и шанса.

Нанесенный после смерти Хесуса визит сеньоре Вильярреал тоже оказался совершенно бесплодным. Когда в беседе он заметил, что было бы справедливо предложить ему некоторое вознаграждение за хлопоты, та даже не шелохнулась, восседая в окружении своей шикарной обстановки, надраенной до блеска слугами и служанками. Инициативу взяла на себя ее язва-сестричка, которая устроилась в углу и то и дело перебивала его речь ядовитыми комментариями.

Вернувшись после этого визита к себе в контору, Диего Рива большую часть дня просидел за столом, втянув голову в воротник и шаря взглядом по углам кабинета. Лихорадочно прикидывал различные варианты, комбинировал.

Конечно же, это он сам внес кое-какие поправки в схемы и инструкции по открытию сейфа, полученные от Хесуса Вильярреала, но не был окончательно уверен в том, что дон Эрнесто заплатит ему за приведение материалов к прежнему знаменателю. Если тот не раскошелится и не получит исправлений, в Майами будет много шума, и в итоге не останется никого, с кого можно будет срубить денег.

Небольшое исследование показало, что максимальный размер вознаграждения, выплаченного властями США стукачу, составил в прошлом году сто четыре миллиона долларов. За обнаружение похищенных ценностей платили в среднем от десяти до тридцати процентов от их общей стоимости. Схватив со стола коротенький карандашик, Диего Рива быстро прикинул на бумажке: за двадцать пять

миллионов золотом он должен получить как минимум два с половиной миллиона – прямиком ему в карман.

В итоге решил: донна Эрнесто надо сдавать.

Он придвинул аппарат, набрал номер «телефона доверия» Комиссии по ценным бумагам и биржам в Вашингтоне. После соединения его долго футболили с одного коммутатора на другой, но в конце концов в трубке послышался приветливый женский голос: «Министерство внутренней безопасности, слушаю вас!»

Осторожно выяснив поначалу, не имеет ли она дело с обиженным банковским менеджером или еще какими-то корпоративными дрызгами и что звонок не ставит целью просто подложить кому-нибудь свинью, сотрудница министерства горячо заверила Диего Риву в том, что он поступает так, как полагается любому добропорядочному гражданину. В ходе разговора не раз звучали такие фразы, как «исправление нехорошей ситуации» и «торжество правосудия». Стукачей-информаторов она предпочитала именовать «заявители».

Беседа записывалась, причем без обязательных по закону предупреждающих гудочков на линии. Магнитофон стоял у нее на столе рядом с табличкой, которая гласила: «Тук-тук-тук, я ваш друг!»

«Службы доверия» различных ведомств – миграционной службы, комиссии по ценным бумагам и биржам, министерств юстиции и внутренней безопасности – достаточно плотно сотрудничали между собой. Существовала общая договоренность: кто бы ни принял звонок и к какому бы ведомству ни относились передаваемые информатором сведения, того при разговоре надо было всячески поощрять и обхаживать, чтобы вытянуть из него как можно больше подробностей – передать вопрос по принадлежности можно и позже.

Женщина-агент заверила Диего Риву в том, что, даже если он уже и сообщил эти сведения какому-то другому ведомству, МВБ полностью рассчитается с ним в течение ста двадцати календарных дней после даты принятия мер по его заявлению.

Диего Рива сказал, что ему требуется письменное подтверждение данного обещания и что информация, которой он располагает, приведет к обнаружению значительного количества не только золота, но и взрывчатых веществ на континентальной территории Соединенных Штатов.

Агент МВБ предупредила его, что это займет несколько часов. Диего Рива объявил, что не скажет больше ни слова, пока затребованная бумага не будет у него на руках. И засел в ожидании возле телефона со встроенным факсом.

Агент передала содержание разговора в Службу по обеспечению безопасности контейнерных перевозок^[117] министерства в Картахене, сотрудники которого установили скрытое наблюдение за домом Ривы. Ближе к вечеру их сменил агент иммиграционно-таможенной службы США, спешно прибывший из Боготы.

Глава 37

Фаворито неотрывно смотрел на Пречистую Милосердную Деву Кобрийскую, нарисованную на двери сейфа, а та в ответ не сводила глаз с сидящего в инвалидном кресле Фаворито. Осиянные ее благодатью рыбаки все так же наваливались на весла на изображенных художником волнах.

Он сидел за карточным столом, разложив перед собой флюксметр^[118], вольтметр, с полдюжины мощных магнитов и стетоскоп.

Дон Эрнесто, Гомес, Марко, Эстебан и Кари тоже не сводили с него глаз – Кари с Эстебаном со ступенек лестницы, чтобы хоть немного освободить пространство в тесном подвале. Гомес, не отходивший от дона Эрнесто, был готов в любой момент сграбастать Фаворито вместе с креслом и всем остальным и пулей взлететь вверх по лестнице.

Изображение святой ярко сияло в свете нескольких направленных ламп, установленных на фотоштативы.

– Теперь мы знаем, что сейф сварили на лодочной верфи «Тандер-элли», – произнес Фаворито. – Люди, с которыми я переговорил, сказали, что Пабло лично приезжал проследить за его изготовлением. Сюда сейф перевезли на грузовике и краном опустили под землю. Тогда никаких пустот тут еще не было. Никто с верфи не видел, как его заряжали взрывчаткой. Должно быть, Пабло специально вызвал сюда кого-то из Кали^[119]. Газ перекрыли?

– Да, – кивнула Кари. – Уже вырубил с улицы.

В этот момент позвонил Бенито из Международного аэропорта Майами, куда дон Эрнесто отправил его встретить прилетевший «Ди-Си-шесть» и проинспектировать имеющееся на борту погрузочно-разгрузочное оборудование – в свое время Бенито изрядное число таких вот летающих старичков нагрузил и разгрузил. Самолет заправлен и готов к вылету, доложил он.

Все, ждть больше нечего. Или пан, или пропал.

Фаворито еще раз проверил приготовленные магниты. Пробежал глазами по чертежам, полученным от Хесуса Вильярреала. Прикурил сигарету.

– А тебе не стрёмно тут курить? – поинтересовался у него Гомес.

– Нисколько, – отозвался Фаворито. – Итак. Согласно этой схеме, магниты надо прилепить вот к этим кружочкам над головами рыбаков – вот сюда и сюда. Третий магнит идет на ленту с надписью «YO SOY LA

VIRGEN DE CARIDAD DEL COBRE»^[120]. Нужно поочередно прикладывать его к буквам, чтобы получилось «А-V-E». Аве Мария, короче. «Е» – из слова «*virgen*», тут по-испански написано, в английском там должна быть «I».

Он тщательно вытер руки бумажным полотенцем.

– Дон Эрнесто, если кто-то или вообще все хотят выйти, то сейчас самое время. Хочу попросить только об одном. С данного момента и до тех самых пор, пока тут все не закончится, все делают только то, что я скажу. При всем должном уважении это касается и вас, дон Эрнесто.

– *A sus ordenes*^[121], – кивнул тот.

Фаворито глубокой затяжкой прикончил сигарету, бросил окурок на пол и несколько раз крутнулся на месте в своем инвалидном кресле, растирая его в пыль колесом. Поднял взгляд к сияющему образу Пречистой Девы, перекрестился. Провел ладонью по нарисованным рыбакам под ногами у Девы. Вполголоса проговорил:

– Теперь мы все в одной лодке, братки.

* * *

В этот момент в одиннадцати сотнях миль от них в кабинете Диего Ривы зазвонил телефон, и из факса с гудением полез покрытый буквами лист.

А в подвале дома Эскобара Фаворито подкатил на своем кресле вплотную к двери сейфа и поставил колеса на тормоза.

Установил первый магнит на крайний левый кружочек. Приложил к двери мембрану стетоскопа, прислушался. Прилепил второй – на крайний кружок справа. Внутри двери что-то щелкнуло. Фаворито неистово заморгал. Показалось, будто его веки тоже при этом щелкают.

– А теперь поочередно выкладываем «А-V-E», – сказал он сам себе. – Аве, и когда я говорю «аве», Пречистая Милосердная Дева, я имею в виду именно «аве»^[122].

Приложил магнит к «А», отлепил. Потом то же самое с «V».

Отыскал нужное «Е», приложил. Томительная секунда тишины. Щелчок.

Подергал за ручку. Не поворачивается. Но вдруг в наушниках стетоскопа – еле слышное тиканье. Все громче и громче – скоро, казалось, уже весь подвал заполнило оглушительное «тик-так».

– Всем очистить помещение, – бросил Фаворито, не поднимая взгляда от чертежей. – Ноги в руки. Быстро выбегайте на улицу и ложитесь за каменной оградой.

– Сейчас мы тебя вытащим, – сказал дон Эрнесто. – Гомес!

Здоровяк метнулся было вперед, склонился над Фаворито.

– Нет! Вы дали слово, сеньор! – запротестовал тот.

– Очистить помещение, – приказал дон Эрнесто. – Всем. Быстро!

Все устремились прочь из дома – поначалу неохотно, скованные стыдом, но, оказавшись во дворе, бросились бежать без оглядки. Откуда-то из кухни донесся недовольный крик попугая: «Какого хера, Кармен?» Услышав его, Кари метнулась в кухню и открыла клетку.

А в подвале Фаворито все водил магнитом по надписи. Вверх-вниз, вправо-влево. Тиканье не останавливалось, тикало все быстрее и громче, гораздо громче, скачками сливаясь с бұханьем сердца в каких-то диких синкопах. Фаворито схватил чертеж, поднял его перед собой, попеременно поглядывая то на него, то на ярко освещенный образ на двери. Свет от него просвечивал сквозь бумагу, и вдруг... Откуда это более яркое пятнышко?! Что-то стерли ластиком?! Едва заметная точка, чуть левой самого верха обрамленного листочками нимба вокруг головы Девы – на чертеже ее нет! Схватив магнит, Фаворито потянулся наверх, пытаясь приподняться в инвалидном кресле. Эх, не достать! Опять затянул тормоза, опять потянулся, отжимаясь от подлокотника свободной рукой. Тиканье уже оглушало, как гром, как грохот автоматной перестрелки. Не сводя глаз с лица святой, он в полном отчаянии выкрикнул:

– CARIDAD!

Кари-Каридад, которая еще была наверху, услышала его. Бросила хлопающего крыльями белого попугая на диван. Ссыпалась вниз по лестнице в заполненный слепящим светом и оглушительным тиканьем подвал.

Фаворито бросил ей магнит.

– Черная точка на нимбе, на двенадцати часах!

Тремя огромными скачками Кари достигла картины, высоко подпрыгнула и, словно кладя мяч в баскетбольную корзину, с размаху прилепнула магнит прямо над головой у Девы.

ТИК. Тик. Тиканье прекратилось. Ручка сейфа с громким щелчком провернулась сама собой. Фаворито и Кари, задохнувшись, разинули рты. Она практически упала на Фаворито, и они обнялись так, что затрещали ребра. Крепко прижимались друг к другу до тех пор, пока натужные вдохи и выдохи постепенно не сменились безудержным смехом.

Глава 38

На четверть минуты этого жуткого тиканья весь мир словно остановился. Кари с Фаворито вздрогнули, когда внутри сейфа еще раз что-то щелкнуло, но сразу опомнились и без задержки взялись за дело.

Внутри сейфа Фаворито заехать не мог. На помощь ему пришла Кари. Сообща они вытащили из-за открытой двери яркие петли запального шнура, которые вместе с тускло-серыми цилиндриками детонаторов разложили на столе. Заряд «Семтекса» оставили внутри – взрывчатка была обложена пластиковыми пакетами с гвоздями, призванными сыграть роль шрапнели.

Пользоваться мобильниками возле сейфа не хотелось, так что, когда все детонаторы были вынуты, Кари оставила Фаворито в подвале и вышла во двор просигналить остальным, что все чисто, размахивая над головой зажатым в пальцах попугаем.

Дальше все понеслось в бешеном темпе.

Словно на пожаре, они дружно передавали наверх по цепочке номерные слитки «Гуд деливери», килограммовые слитки, грубо отлитые слитки с подпольных инициридских месторождений, мешки с крошечными десятиголовыми слитками – каждый чуть побольше зажигалки «Зиппо». В кузове фургона во дворе уже стояли три стиральные машины с вертикальной загрузкой – без барабанов, с мощными стальными каркасами внутри, сваренными все тем же умельцем с лодочной верфи.

Гомес встал за спиной у сидящего в инвалидном кресле Фаворито, поднатужился и вместе с креслом, ящиком для инструментов и прочим добром потащил наверх по ступенькам.

Через считанные минуты фургон, поливаемый легким дождичком, уже катил в сторону аэропорта. На дамбе Джулиа-Таттл, ведущей к городу, они разминулись с длинной колонной разномастных машин, которая на бешеной скорости пронеслась им навстречу.

Глава 39

Два фургона иммиграционно-таможенной службы с шестью агентами в каждом, четыре агента ФБР, отряд полицейского спецназа округа Майами-Дейд плюс группа разминирования со своим хитроумным роботом под вой сирен неслись через залив по дамбе в сторону Майами-Бич. На полпути сирены выключили – продолжала завывать лишь та, что была установлена на машине «Скорой помощи».

Первыми к дому Эскобара подоспели фургон группы быстрого реагирования полиции Майами-Бич и местная пожарная команда. С залива к дому подошли два катера окружного морского патруля – тихо, без сирен и мигалок. Бойцы полицейского спецназа практически одновременно заняли позиции на подходах к объекту и с моря, и с суши.

Над головами у всех завис полицейский вертолет, поток от его винта нещадно трепал выцветший конус ветроуказателя на заброшенной вертолетной площадке у дома.

Запрограммированный избегать стесненных пространств, в которых рисковал застрять, робот поначалу растерянно застыл перед узким лестничным пролетом, но в конце концов, понукаемый своим оператором, осторожно спустился по ступенькам в подвал. Ствол его гладкоствольной пушки двенадцатого калибра был заполнен водой, чтобы одним выстрелом уничтожить подрывную цепь взрывного устройства. Вместо обычного капсюля патрон был снабжен электрическим запалом.

Установленная на работе камера показывала распахнутый настечный сейф, верхние полки которого были пусты. Под ними, в самом низу, лежали килограммовые упаковки «Семтекса». Полицейские саперы с облегчением узрели на экране яркие петли детонационного шнура, вытасченного из взрывчатки и кучей наваленного на карточный стол, а рядом с ними – ртутный замыкатель, теперь уже совершенно безобидный. Подобная любезность со стороны неизвестных, распотрошивших сейф, была ими по достоинству оценена.

Три тяжелых магнита и инструменты Фаворито, тщательно протертые масляной тряпкой, валялись в самом низу лестницы.

В доме не обнаружилось никого, кроме манекенов, гипсовых монстров и непонятного назначения игрушек.

Бойцы отряда по разминированию столпились вокруг антикварного электрического стула, рассуждая, нельзя ли разогреть на нем пиццу.

Командующий ими сержант, который успел усесться на древнее сооружение, с видом знатока заметил, что без масла пицца пригорит и что вообще самое время вернуть эту штуку обратно в Синг-Синг^[123]. Теперь буквально все представало перед доблестными саперами в радужном свете – бомба-то всё, тью-тью.

Морской патруль перекрыл мостовые пролеты на дамбах с Семьдесят девятой улицей и Джулия-Таттл, досматривая все проходящие под ними катера и моторки.

Терри Рoubлз сложил вместе найденное в доме оружие – «АК-47» и «АР-15» из комнаты покойного Умберто. Надев резиновые перчатки, разобрал «АР» и вытащил из ствольной коробки угловатый алюминиевый брусочек с прямоугольным вырезом – дополнительное шептало, обеспечивающее стрельбу очередями. Показал его сотрудникам АТО – Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия, работающим на месте преступления.

Один из агентов АТО рассмотрел его повнимательней. Брови его полезли наверх.

– Новодел! – объявил он.

Все легальные вставные шептала для «АР-15» изготовлены до 1986 года. Дозволенное законом, зарегистрированное вставное шептало можно купить тысяч за пятнадцать долларов^[124], если вы уболтаете продавца и у вас есть лицензия класса 3.

Нелегальный новодел обойдется вам в двести пятьдесят тысяч долларов штрафа и двадцать лет отсидки в тюрьме строгого режима, причем без права условно-досрочного освобождения.

– Сделай милость, – попросил Рoubлз агента АТО, – попробуй прогнать эту штуку через лабораторию как можно скорее, ладно?

В спальне Ганса-Петера он нашел папку, а в ней – наброски карандашом, которые повергли его в ужас.

Через два дня детектив Рoubлз с сотрудниками АТО войдет под видом клиента в ангар без окон, похожий на скотобойню, где обе противоборствующие бригады – и дона Эрнесто, и Ганса-Петера – брали напрокат стволы.

Содержатель склада временного хранения посоветовал Рoubлзу обращаться к нему «Кент». Впрочем, согласно ордеру на арест, который лежал в кармане у детектива, в действительности это был «Гр. Дэвид Ваун Веббер, БМ^[125], 1970 г.р.» с двумя приводами за хранение кокаина и одним – за управление транспортным средством в состоянии алкогольного или

наркотического опьянения.

Детектив Роублз и АТО вышли на него практически сразу, поскольку он оставил свои пальцевые отпечатки на внутренней поверхности новодельного шептала, вставленного в винтовку Умберто.

Глава 40

Въехав на территорию аэропорта, фургон подрулил вплотную к древнему самолету, и команда дон Эрнесто быстро закатила стиральные машины, уже помещенные на специальный поддон на роликах, на погрузочную платформу. Стиралки, набитые золотом, скрылись в чреве самолета и заняли место среди длинных рядов обычных стиральных машин, отправляемых в Южную Америку.

По асфальту шлепали дождевые капли, рябили на отражении серого неба в лужах. Мимо под вой турбин прокатил заруливающий на стоянку старый «семьсот седьмой», заглушая все остальные звуки. Когда он проехал, дон Эрнесто произнес:

– Давай со мной, Кари. Я найду чем тебя занять. Здесь тебя ждут одни только проблемы.

– Спасибо, дон Эрнесто, но мой дом теперь здесь.

– Я серьезно советую тебе лететь.

Она помотала головой. Ее мокрое от дождя лицо казалось совсем юным – даже ее двадцати пяти не дашь.

Он кивнул:

– Я дам тебе знать, когда продам золото. Подыщи пока место, где можно держать наличные. Сними большую депозитную ячейку в банке. Когда получишь деньги, начни вкладываться во что-нибудь потихоньку, малыми порциями, а как подкопишь легальных доходов – открывай собственное дело. Тогда уже никто не просечет, откуда у тебя деньги. Могу посоветовать грамотного бухгалтера, когда до этого дело дойдет.

– А моя тетя?

– Я обязательно этим займусь, обещаю.

Ганс-Петер Шнайдер наблюдал за самолетом с обочины дороги за сетчатой оградой летного поля, положив на колено приготовленный мобильник. На листок бумаги он заранее выписал номера диспетчерской по управлению воздушным движением, отдела полиции аэропорта, управления по безопасности на транспорте и иммиграционно-таможенной службы.

Дон Эрнесто рысью помчался в крошечный туалет – отлить на дорожку, на ходу набирая номер на мобильнике, и, входя в дверь, уже поднес его к уху. По привычке заглянул под дверь закрытой кабинки – нет ли там кого.

Расстегнув ширинку перед писсуаром, прижал телефон головой к плечу.

– Она работает на Станции морских птиц на дамбе, на Семьдесят девятой, – быстро проговорил он в трубку под журчание струи.

Вдруг – завывание сирен вдалеке. Может, пожар, а может, и за ними. Дон Эрнесто, застегиваясь на ходу, бросился к самолету, взлетел вверх по трапу.

Когда хлопнула дверь туалета, сидящий в закрытой кабинке Бенито опустил ноги на пол.

* * *

Сидя в своем большом внедорожнике, Ганс-Петер выключил мобильник, сунул его в карман и скомкал в кулаке ненужный теперь список телефонов. Еще немного посмотрел, как пилоты проводят предполетный осмотр старого «Ди-Си-шестого», и вырулил на дорогу.

Самолет все катился, катился и катился по взлетной полосе, перемалывая винтами воздух. Травка по бокам от полосы прикинула к земле. До отказа забитый стиральными машинами и посудомойками – лишь три из которых были значительно тяжелей, чем полагается, – он наконец ухитрился оторваться от асфальта и взмыть в небо. Заложив длинный разворот, покинул оживленную зону аэропорта и полетел над морем в сторону Гаити.

Дон Эрнесто, прикрыв глаза, думал о Кэнди и хороших временах, которые теперь уже в прошлом. Думал и о тех хороших временах, которые еще впереди. Гомес, которому члены экипажа велели сесть в районе центра тяжести самолета, уткнулся в объявления массажных салонов в «Нью таймс».

Диего Рива уже успел назвать имена донна Эрнесто и Исидро Гомеса.

Ордера на арест обоих успели оформить честь по чести, но к тому моменту старый самолет, натужно ревя моторами, уже проплывал высоко над Флоридским проливом – свободный, как птица.

Глава 41

Прошло две недели, но дон Эрнесто так и не вышел ни с кем на связь.

В конце концов Капитан Марко купил телефонную карточку и с одноразового мобильного позвонил в «Академию танцев Альфредо». Ему ответили, что никаких донов Эрнестов – как вы сказали, Эрнесто или Эрнест? – тут не работает.

* * *

Чудесное утро в Северном Майами-Бич, в Грейнолдс-парке у озера. Парочки в прокатных лодках плещут веслами по гладкой, как зеркало, воде. На столах для пикников уже расстелены скатерти, где-то играет аккордеон. От тлеющих на берегу мангалов по воде стелется голубоватый дымок.

Кари Мора, глянув на часы, присела на край причала, свесив ноги к воде. На голове – соломенная садовая шляпа с яркой лентой.

К причалу приближалась небольшая плоскодонка.

За кормовой парой весел сидел Фаворито – сложенное инвалидное кресло лежало перед ним на дне лодки. Кари не видела его с тех самых пор, как они вскрыли сейф. Только раз коротенько, меньше минуты, переговорили по телефону.

Впереди него старательно гребла Илиана Спрегз, выставив перед собой ногу в надувной лангетке. На обоих были спасательные жилеты. Лицо Илианы успело основательно порозоветь от солнца.

Фаворито улыбнулся Кари:

– Привет! Тик-так. Это Илиана.

– Тик-так, – отозвалась Кари. – Привет, Илиана!

Илиана Спрегз старалась на Кари не смотреть и на приветствие не ответила.

– Кари, наш друг с юга совсем куда-то пропал, – сказал Фаворито. – Не исключено, что и с концами. По-моему, он просто смылся. – Он протянул ей корзинку для пикников: – Загляни-ка под бутерброды.

Кари раздвинула пакеты с провизией, и на самом дне что-то желтовато блеснуло.

Она огляделась по сторонам – до любителей пикников под деревьями достаточно далеко. Сунула руку в корзинку. В тряпичном мешочке лежали

девять пухленьких десятиловых слитков с клеймом «3,75 унц.».

– Восемнадцать штук случайно свалились в мой ящик с инструментами, – объяснил Фаворито. – Девять тебе, девять нам.

Он продолжал – больше для Илианы, чем для Кари:

– Если б не ты, Кари, если б ты не вернулась в подвал, я превратился бы в котлету. Случалось мне и раньше подрываться, но такого... Эти девять слиточков стоят примерно сорок четыре тысячи долларов. Клеймо «Креди Суисс»^[126], серийных номеров нет. В свое время их будет достаточно легко продать. Только не спеши – сдавай по штучке, в разных местах, а потом потихоньку вкладывайся, если какие-то идеи есть на уме. Суммы больше пяти тысяч долларов нигде не держи. Плати налоги.

– Спасибо тебе, Фаворито, – отозвалась Кари. Вынула мешочек со слитками, поставила корзинку в лодку, поверх сложенного кресла. – По-моему, кто-то тут уже малость перегрелся, – заметила она.

Протянула Илиане свою садовую шляпу. Та даже не двинулась с места. Кари посмотрела в ее каменное лицо.

– Держитесь Фаворито. Он классный парень.

Шляпу она водрузила поверх корзинки, стоящей в лодке.

Взявшись за весла, парочка погребла прочь от берега. Кари засунула мешочек со слитками в свой рюкзачок – к учебникам и пакету подкормки для плодовых деревьев марки «Вигоро».

Когда они отгребли от берега достаточно далеко, Илиана процедила, почти не шевеля губами:

– Блин, а ведь действительно красивая девка, черт бы ее побрал!

– Да, красивая. И ты тоже, – отозвался Фаворито.

Немного помолчав, Илиана все-таки нахлобучила шляпу и помахала Кари с лодки. Не исключено, что при этом она даже улыбалась.

А Кари, погрузившись в автобус, поехала приводить в порядок свой любимый Домик-у-канала.

Глава 42

Теплый денек перед самым Рождеством. Плюмерии сбросили листву, готовясь к семидесятипятиградусным зимним холодам^[127]. Пока Кари шла от автобусной остановки к своему дому возле Змеиного ручья, ветер бросал ей под ноги целые охапки крупных сухих листьев.

В руках она тащила две хозяйственные сумки. В одной скрывался горшок с мексиканской юстицией^[128] – только ярко-розовые цветочки наружу, – в другую рядом со стопкой учебников была засунута брошюра «Таблицы для расчета деревянного каркаса кровли», изданная Американским советом лесопромышленников.

Несколько соседских детишек, лет семи-девяти, соорудили во дворе рождественский вертеп. Они уже расставили по местам фигурки девы Марии и плотника Иосифа, младенца Христа в колыбели, а также четвероногих обитателей яслей – козла, осла, овцы и трех черепах. Посреди двора воткнули в землю трубчатую стойку от палатки. Двое девчонок и мальчишка перекинули через нее гирлянду с лампочками и теперь растягивали ее по сторонам, чтобы над макетом яслей возник переливающийся огнями конус, похожий на рождественскую елку.

Их мать наблюдала за ними с крыльца. Стерегла низковольтный трансформатор, шнур которого кольцами свернулся у нее под ногами.

Кари улыбнулась женщине на крыльце.

– Чудо что за *nacimiento*^[129]! – крикнула она детям.

– Спасибо! – солидно ответила девочка постарше. – Такие только в «Кеймарте»^[130] продают, которые из *plástico*, они дождя не боятся. А гипсовые размокают.

– Смотрю, у вас там еще и черепашки...

– Ну, волхвы и ангелы в «Кеймарте» кончились, а эти черепашки у нас уже были. Они деревянные, но мы их от дождя пропиткой для ботинок попошикали.

– Так что эти черепашки...

– *Claro*^[131] – это черепашки-волхвы. Их как раз три, – объяснил мальчишка, самый мелкий из них. – Если мы найдем фигурки, каких не хватает, то тогда это будут просто черепашки, которые живут тут в яслях. Друзья ослика и овечки.

– Мы их специально запачкали, чтобы были больше похожи на тех, что в Змеином ручье живут, – добавила девочка.

– *Nacimiento* – просто блеск, – восхитилась Кари. – Спасибо, что все показали и рассказали.

– Пожалуйста! Приходите посмотреть, когда мама его в розетку включит. *Feliz Navidad!*^[132]

Подходя к своему дому, часть крыши которого была накрыта синим брезентом, Кари вдруг услышала свист. Вначале два тихих коротеньких свистка, а потом ускорющаяся переливчатая рулада, все громче и громче. Под конец уже казалось, что где-то на улице играют на паровом органе, да не одним, а на двух сразу. Она сразу поняла, что это не просто свист, а какое-то сообщение на «сильбо гомеро».

И, скорее всего, речь шла о неизвестном мужчине, который сидел на ступеньках ее крыльца.

Кари поудобней перехватила ляжки сумки с тяжелым горшком, повисшей вдоль ноги сбоку.

При ее приближении мужчина поднялся с крыльца.

Остановившись в углу двора, Кари сделала вид, будто озабоченно осматривает цветок, который уже начал желтеть.

Обратила внимание, что незваный визитер вооружен: правая пола пиджака немного оттопыривается и под ней проглядывают очертания рукоятки пистолета. Вместо того чтобы пройти по дорожке, она срезала путь прямо по газону, чтобы солнце продолжало светить ему прямо в глаза.

– Миз^[133] Мора, я детектив Терри Роублз из управления полиции Майами-Дейд. Не уделите мне несколько минут?

Вежливый. Не просто махнул жетоном, а раскрыл удостоверение с фотографией.

Она не стала подходить ближе, пока внимательно не изучила документ. Интересно, не носит ли он пластиковые стяжки вместо наручников на поясе?

Терри Роублз сразу увидел, что лицо перед ним – это в точности то самое лицо, что изображено на карандашных набросках, которые лежат в папке у него под мышкой. Теперь эти наброски показались ему еще гаже и отвратительней, чем прежде. Не просто бездушные улики. Папка словно раскалилась, жгла под мышкой.

Кари не хотелось пускать его в дом, где она по несколько раз на неделе переставляла три имеющихся у нее предмета мебелировки. Он ведь коп. Что копы, что «мигра» – одна лавочка. Нечего ему там делать.

Поэтому Кари предложила ему присесть за стол в саду, а не в доме.

Какаду, устроившийся на заднем крыльце, решил ответить

невидимому свистуну в своей обычной манере – проорал несколько фраз по-английски и по-испански.

– Вы понимаете язык свиста? – спросил Роублз.

– Нет. Мои соседи таким способом экономят минуты на мобильнике. Да и хакеры не взломают. Прошу прощения за лексикон попугая – он всегда пытается влезть в их разговоры, – так что, если он вам вдруг что-нибудь скажет, не принимайте на личный счет.

– Миз Мора, в доме, в котором вы некогда работали, произошло много всяких событий. Вы знакомы с кем-либо из людей, которые его снимали последними?

– Да я с ними всего-то два дня и общалась, – ответила Кари.

– И кто вас на эти два дня подрядил?

– Они сказали, что из какой-то кинокомпании – название не помню, в разрешении на съемку было. За последние пару лет там вообще много чего снимали – в основном рекламные ролики. Потому-то и реквизита столько накопилось.

– Вы знали кого-нибудь из этой съемочной группы?

– За начальника у них был Ганс-Петер, высокий такой – так, по крайней мере, все его называли.

– Вы в курсе, что они обнаружили в доме?

– Нет. Мне эти люди очень не понравились, и на второй день я ушла.

– Чем не понравились?

– Тем, что натуральные уголовники. Мне не нравилось, как они себя вели.

– Вы составили по этому поводу официальную жалобу?

– Составила прямо перед тем, как уйти.

Роублз кивнул:

– Некоторые из них убиты, некоторые исчезли неизвестно куда.

Как он ни приглядывался, никакой реакции на лице у Кари не увидел.

– А сейчас вы учитесь.

– Да, на вечернем.

– Кем думаете стать?

– Я хочу работать ветеринаром. Есть уже кое-какая практика.

– Слышал, что недавно вам окончательно подтвердили статус временной защиты, так что разрешение на работу тоже продлили. Поздравляю.

– Спасибо.

Было хорошо понятно, к чему он клонит.

Роублз поерзал на лавке.

– Вы на пути к полноценному гражданству. У вас есть лицензия санитарки, вы ухаживали за пожилыми людьми, вы убирались в домах. Та «съёмочная группа» изъяла целую кучу золота из дома, в котором вы работали. Миз Мора, вам из нее что-нибудь перепало?

– Золото? Да я деньги на продукты-то едва с них вытрясла!

В заброшенном гнезде опоссума на чердаке по-прежнему лежали еще три десятиловых слитка.

– В прошлом году вы задекларировали в налоговой весьма скромный доход, а теперь вот этот дом вдруг купили...

– Его бóльшая часть по-прежнему принадлежит банку. Владелец записан деверь моей кухни, он из Кито^[134]. Я за ним просто присматриваю. Чиню, привожу в порядок.

И все это полная правда – по документам. Если понадобится, она их ему под нос сунет!

Сидя у себя на заднем дворе и глядя в его темные глаза – такие же темные, как и у нее самой, – Кари чувствовала, как где-то внутри волной поднимается гнев.

Ну кто бы мог подумать, что она и сюда сумеет пробраться – беда! Кто бы мог подумать, что беда пролезет в этот вот садик, в этот ее дом, стоящий на сплошном фундаменте без единого лаза, в котором может застрять играющий во дворе малыш!

Она совершенно отчетливо видела перед собой лицо Роублза – гораздо отчетливей, чем сад у него за спиной. словно зрение сфокусировалось точно по центру. Примерно так же, резко и отчетливо, она видела фигуру команданте, когда тот стрелял в ребенка под домом.

Кари подняла взгляд на свое манговое дерево, прислушалась к дыханию ветра в его листве, сделала глубокий вдох, потом еще один.

Пчела, спеша перед зимой пополнить запасы в улье, подлетела к сумке с юстицией в горшке, потыкалась в цветы. Перед глазами Кари сразу промелькнул образ старого натуралиста, которого она опекала в Колумбии, – из кармана торчат сложенные очки, на голове затянута густой сеткой шляпа.

Ее злость на Роублза была ничем не оправдана, и она это прекрасно понимала.

Кари встала из-за стола.

– Детектив Роублз, хочу предложить вам стаканчик холодного чая, но прежде прошу вас изложить суть дела.

В молодости, занимаясь боксом во время службы в морской пехоте, Терри Роублз как-то целых шесть сюрреалистических недель удерживал

звание чемпиона Тихоокеанского флота в полутяжелом весе; в лице Кари он заметил нечто такое, что сразу же узнал.

«О'кей. О'кей. Жутко не хочется приступать, но пора».

– О'кей, – сказал он вслух – после того как это «о'кей» раз десять прозвучало у него в голове. – У вас есть какое-либо представление о том, что именно Ганс-Петер Шнайдер собирался с вами проделать?

– Нет.

– Ганс-Петер Шнайдер поставляет женщин шахтерам на нелегальные разработки золота в Колумбии и Перу. Многие из них получают ртутное отравление, потому что шахты загрязняют источники воды. Когда такие женщины умирают, больше на них уже не заработать – их органы не годятся для продажи. Он торгует человеческими органами, не отравленными ртутью. Изымает их где-нибудь в мотелях. Продает женщин-калек в особые клубы во всех частях света. Он сам калечит женщин, чтобы потакать подобным извращенным вкусам – на заказ. Я это к тому, что если даже до вас Шнайдер и не доберется, то есть и другие женщины, которых он заставит очень сильно страдать.

Никакой видимой реакции на лице Кари.

– Вот его наброски – это то, что он планировал проделать с вами. Дизайнерские предложения, так сказать. Еще раз прошу прощения, но прошу отнестись к этому максимально серьезно.

Роублз подвинул по столу стопку листочков, лицом вниз.

Кари перевернула их один за другим. С точки зрения художественного мастерства – просто отличная графика. На самом первом ей была оставлена только одна конечность – рука с кистью и пальцами, чтобы было чем ублажать ее будущих хозяев, а по всему телу – татуировки с портретами Магушки Гнис. От остальных рук и ног не оставлено и следа. На рисунке она выглядела как какой-то обрубок с единственной торчащей сбоку рукой. В углу имелась пометка мелким почерком: «Бостонский приклад»^[135].

Далее эскизы все быстрее мелькали у нее в руках. Просмотрев их все до единого, Кари опять аккуратно сложила листки в стопку, подровняла и подвинула по столу обратно к Роублзу.

– Вы можете помочь нам остановить Ганса-Петера, – произнес он.

– Каким образом?

– Он буквально заикнулся на вас. Он нужен мне, и он нужен Интерполу. Нам нужно отправить его больных и богатых клиентов в тюрьму или в психушку – туда, где им самое место. Я хочу, чтобы Ганс-Петер перестал терзать для них женщин. Вы можете приманить его.

– Вы знаете, где сейчас Ганс-Петер Шнайдер?

– Его кредитки засветились в Боготе и Барранкилье, и в Боготе с его телефона сделано несколько звонков. Но он обязательно вернется сюда. А если не вернется, нам придется сработать на упреждение и самим отправиться по его душу. Помощь Интерпола гарантирована. Один информатор уже опознал нескольких его клиентов. У одного из них вилла на Сардинии. С вашей учебой и работой я все улажу. Так как, вы готовы? Поедете со мной, чтобы его прищучить?

– Да.

– А еще я хочу посадить в тюрьму человека, который взял в аренду те стволы, – сказал Роублз.

Он уже произвел несколько арестов по делу о незаконном предоставлении огнестрельного оружия, но нужно было доказать присяжным, что именно это оружие было в руках у напавших на его дом уголовников.

– Из одного из этих стволов стреляли в мою жену, – медленно проговорил Роублз. – И в меня тоже, и в мой дом, который чертовски похож вот на этот. Я очень люблю свой дом, точно так же как вы любите свой – в смысле, дом деверя вашей кухни. Вы не видели – Ганс-Петер Шнайдер ходит при оружии?

– Да.

– Что конкретно вы видели? Можете описать?

– Описать стволы?

– Я читал ваше заявление на продление СВЗ. Я в курсе вашего прошлого. Вы точно уверены, что это оружие не просто из киношного реквизита?

– У них было два «АК» с полноценными переводчиками огня и глушителями и пара винтовок «АР-15С», одна с пружинной насадкой^[136]. Для всего – рожковые магазины на тридцать патронов, а для одного из «АК» еще и барабанный. У Ганса-Петера Шнайдера, у этого высокого, – девятимиллиметровый «Глок» в плечевой кобуре за спиной. Вам с лимоном?

– Пожалуй, не буду я чай. Миз Мора, у меня не получится получить добро на круглосуточную охрану вашего дома, но могу предложить пару мест по программе защиты свидетелей, где вы сможете спокойно пожить и где никто вас не найдет. Можете оставаться там до тех пор, пока...

– Нет. Мой дом – здесь.

– Но можете хотя бы взглянуть на эти убежища – чисто для моего спокойствия?

– Нет, детектив, я уже видела такие в «Кроуме».

– Мобильник у вас всегда при себе, чтобы я мог с вами оперативно связаться?

– Да.

– Я попрошу местных коллег, чтобы они включили вашу улицу в маршрут патрульных объездов. Чтобы постоянно катались тут туда-сюда.

– Хорошо.

На взгляд детектива Роублза, этой золотой предвечерней порой Кари являла собой крайне приятное зрелище – даже несмотря на то, что он ей не нравился. Он так долго оставался один! Представил себе, как его жена сидит сейчас на лавочке в «Пальмире», а солнце играет у нее в волосах... Так, надо срочно двигать отсюда.

– Ганс-Петер объявлен в международный розыск, – сказал он. – Как только его засекут, я вам сразу позвоню. И запирайте двери, – напомнил напоследок.

– С наступающим Рождеством вас, детектив Роублз.

– *Feliz Navidad*, – отозвался он.

«Ну что ж, теперь она меня вроде хотя бы не НЕНАВИДИТ... а впрочем, какая разница? С какой стороны ни посмотри», – уныло подумал Терри Роублз, направляясь обратно к своей машине.

Глава 43

Ганс-Петер Шнайдер располагал абсолютно всем, что требовалось ему в данный момент. Денег – что грязи: половину от суммы в двести тысяч долларов, которую он выставил за поставку Кари мистеру Гнису и технический надзор за ее «модификацией», уже выплатили ему в качестве аванса. Можно было спокойно использовать студию с душевой – имя его в документах нигде не фигурировало, – а также большой катер, зарегистрированный на какую-то фирму в Делавэре.

Кредитка и мобильник давно уже были в Колумбии, где, согласно договоренности, их время от времени «засвечивала» Палома.

Он уже получил ответную записку от Карен Киф, мастерицы по татуировкам, досиживающей тюремный срок: та выражала согласие сразу после освобождения отправиться в Мавританию и украсить Кари портретами Матушки Гнис, которыми Ганс-Петер предусмотрительно ее снабдил – пусть попрактикуется.

Почистил и смазал мощную пневматическую винтовку «Джей-Эм Стандарт», стреляющую специальными дротиками – каждый был заряжен достаточным количеством азаперона^[137], чтобы на несколько часов вырубить любое млекопитающее весом до ста двадцати пяти фунтов.

Ганс-Петер уже знал по опыту, что лучше всего транспортировать связанную жертву в вентилируемом мешке для трупов, снабженном длинными лямками для переноски. В большинстве своем подобные мешки абсолютно герметичны, чтобы наружу не просачивались всякие запахи и телесные жидкости, так что объект, даже если и был еще жив до попадания туда, очень быстро погибал от удушья. Но тот мешок, что припас Ганс-Петер, имел вентиляционные отверстия и был сделан не из пластика, а из однослойной парусины.

Одноразовые пластиковые стяжки повышенной прочности, хлороформ и марлевые пакеты для его применения – все есть, всего в избытке. Все необходимое для принудительного кормления на катере тоже имелось, равно как и футлярчик с его любимыми обсидиановыми скальпелями – мало ли вдруг захочется провести на камбузе яхты мистера Гниса какой-нибудь пикантный гастрономический эксперимент, до Мавритании по морю дорога не близкая...

Ближе к вечеру Ганс-Петер прибрался в комнатах и вылил то, что осталось от Карлы, прямо в унитаз.

Он уже взял напрокат вместительный минивэн, воспользовавшись липовыми документами, и заранее снял с него средний ряд сидений, чтобы без помех уложить мешок с Кари на пол. Вынул предохранитель из цепи питания света в салоне, чтобы не привлекать внимания, когда открываешь дверь в темноте.

* * *

Ночь вступала в свои права. На деревья вокруг Станции морских птиц на Пеликан-харбор опускались стаи скворцов. Два семейства попугаев затеяли перед сном свару, и их недовольные крики заглушали обрывки музыки, доносящиеся со стоящих в гавани лодок. Плывущий над водой голубой дымок нес ароматы жарящегося на гриле мяса.

На маленькой парковке перед зданием станции в своем старом пикапе сидел Бенито – дожидался Кари, чтобы отвезти ее к кухне, у которой она решила сегодня заночевать. Кондиционер в кабине уже сто лет как не работал, так что он опустил оба окна до упора – хорошо еще, что ветерок поддувал с залива.

Крошечная стоянка заросла со всех сторон деревьями, и сгущающиеся сумерки казались здесь еще гуще.

Кари закончила уборку медпункта, простерилизовала инструменты и отнесла сове очередную оттаявшую крысу. Прикрыв глаза, привычно ощутила на лице тугие волны воздуха, когда большая птица подлетела к сетке вплотную, чтобы цапнуть угощение.

Смолить в кабине при Кари Бенито не хотелось, так что он решил побыстрому перекурить, пока она еще не подошла. Толстым, как банан, пальцем почти в полной темноте он поддел крышку жестянки с табаком. Скрутил сигаретку, лизнул, чтобы склеилась, закрутил винтом кончик. Чиркнул кухонной спичкой.

Едва в кабине пикапа вспыхнул оранжевый огонек, как сбоку в шею Бенито с силой воткнулся коротенький дротик. Он машинально схватился за него, выпустив из губ сигарету, которая, рассыпая снопы искр, полетела куда-то под ноги. Полез в нагрудный карман комбинезона за пистолетом, ухватился за рукоятку, но руль у него перед глазами вдруг странно задрожал, стал расплываться. Немиющей рукой он нашарил было внутреннюю ручку, чтобы открыть дверь, но заряженный сильным транквилизатором дротик угодил прямо в шею, и почти моментально перед

глазами захлопнулась тьма.

Перезаряжая пневматическое ружье, Ганс-Петер разрывался между противоречивыми побуждениями. Жутко хотелось растворить Бенито живьем прямо на глазах у Кари – чтобы прочувствовала, так сказать. НУ РАЗВЕ НЕ КЛАССНО БЫЛО БЫ?!

Но поджимало время. Предстояло еще отыскать огромную яхту мистера Гниса где-то на выходе из Гавэмент-кат, встать за ней в кильватер и побыстрее вывезти Кари за пределы территориальных вод Соединенных Штатов, где и перегрузить. Лучше просто перерезать Бенито глотку. Ганс-Петер открыл складной нож. Уже приглядывался, как бы половчей подобраться к открытому окну пикапа, когда в домике станции погасли последние огни, и он услышал хлопок двери и звяканье ключей. К черту Бенито!

Кари уже на подходе.

Подойдя к пикапу, она тихонько напевала под нос «Mi Verdad» Шакиры^[138]. Бенито сидел за рулем, съехав вниз по сиденью и уронив голову на грудь. Кари прихватила для него банку холодной тамариндовой колы. Бенито, который настоял на том, что будет всякий раз отвозить ее домой, частенько задремывал в кабине, когда она выходила к нему на стоянку.

– *Hola, mi señor!* Просыпайтесь!

Едва Кари заметила торчащий у него из шеи дротик, как откуда-то сзади послышался короткий щелчок – словно пальмовую ветку сломали об колено, – и что-то ужалило ее в ягодицу. Просунувшись в окошко пикапа, она выдернула из нагрудного кармана Бенито пистолет, крутнулась на месте, но асфальт вдруг словно вздыбился вокруг нее, и сразу же наступила тьма.

* * *

Темно. Запах солянки, пота и ношеных носков. Пульс, вибрация металлического настила – гораздо быстрее человеческого пульса, глухое гудение.

Смутно припомнилось, как коротко прочавкали стартеры и два турбодизеля, содрогнувшись, вразнобой затарахтели на холостых оборотах. Потом легкий толчок – лодка двинулась. Сейчас моторы изменили тональность – тарыхтение сменил низкий гул, размеренно пульсирующий

из-за резонанса. Вум-вум-вум.

Кари слегка приоткрыла глаза, увидела перед собой голый металлический пол. Глаза открылись пошире.

Она была совсем одна в треугольной каюте в самом носу какой-то большой лодки, лежала прямо на полу. Прямо у нее над головой маячил тусклый светлый квадрат – прозрачный плексигласовый люк: и световой, и для доступа в каюту с носовой палубы. Снаружи было уже темно, так что света он давал совсем мало. Но этого света и шума запускаемых двигателей, как видно, хватило, чтобы она очнулась, когда катер вышел из-под крыши открывающегося на воду эллинга, в котором был пришвартован.

В люке появился бледный контур лица – кто-то наблюдал за ней с палубы. Ганс-Петер Шнайдер. В ухе у него болталась сережка Антонио – готический крестик.

Кари поспешно закрыла глаза, немного выждала и открыла их вновь. Лежа на полу, она видела нависающие по бокам края двух коек-диванов, смыкающихся в виде буквы «V». У самой переборки валялся оторванный ноготь, весь в крови – к счастью, не ее собственный. Жутко болели руки и плечо, прижатые к металлическому настилу между койками. Запястья крепко связаны за спиной, ногами тоже не пошевелить. Ухитрилась опустить взгляд к ногам. Лодыжки стянуты четырьмя толстыми пластиковыми стяжками.

Кари совершенно не представляла, сколько времени уже пробыла на борту. Катер двигался не слишком быстро. Было слышно, как шипит и бурлит омывающая борта вода. Вспомнились уроки военных инструкторов: чем быстрее будешь действовать после того, как попадешь в плен, тем больше у тебя шансов сбежать.

Устроившись на открытом верхнем мостике рядом с сидящим за штурвалом Матео, Ганс-Петер позвонил мистеру Имрану на борт двухсотфутовой яхты мистера Гниса, чтобы договориться о точке randevu в море.

– Я уже на подходе, – сообщил Шнайдер. Ему было слышно, как где-то неподалеку от мистера Имрана кто-то истошно вопит от ужаса.

– Я приготовлю баньку, – сказал мистер Имран.

– Хорошая мысль, – ответил Ганс-Петер. – Она ведь наверняка обосрется.

Оба понимающе захихикали.

А тем временем в носовой каюте катера Кари осторожно двигала всем, что могло двигаться. Кости вроде не сломаны, хотя одна бровь здорово распухла и постреливает болью.

Лежа на боку на голом металле, она понемногу разогревала мускулы, насколько позволяли впившиеся в руки и ноги пластиковые хомуты.

Приглядывая за прозрачным люком, перекатилась на бок, попробовала сесть, упираясь спиной в край одной из коек. Долго возилась, растягивая напряженные сухожилия и прижимая согнутые ноги к груди, и наконец, с пятой попытки, все-таки продела сначала лодыжки, а потом и колени через связанные руки. Теперь они оказались спереди. Она заметила, что четыре пластиковые стяжки на запястьях – точно такие же, что и на ногах. Такие же толстые. Их свободные концы торчали далеко в стороны.

Связанные дети, стоящие в воде. Из-за спин у них торчат длинные концы пластиковых стяжек. Они прижимаются головами друг к другу. Грохот выстрелов.

При этом воспоминании Кари словно накрыло горячей волной. И эта волна принесла с собой не только гнев – она принесла энергию.

Как освободиться от этих хомутов? Задача крайне непростая. Можно порвать одну или даже две обычные стяжки, резко, ударом, опустив поднятые руки, чтобы локти разошлись по бокам от костей таза – предплечья в данном случае работают как рычаги с большим выигрышем в силе, – но не такие толстенные и не когда их целых четыре. Можно еще ослабить замки, вставив под язычок трещотки какой-нибудь подходящий клинышек. До стяжек на руках ей было не достать, но таким способом вполне можно попробовать вскрыть те, которыми связаны ноги. Крест Святого Петра со спрятанным в нем кинжальчиком под кулачный хват, обычно висящий на шее, бесследно пропал. Кари оглядела каюту – ну хоть какой-нибудь инструмент, хотя бы шпилька для волос, хоть что-нибудь!

Извернувшись назад, она осмотрела пол между сходящимися к носу катера койками – может, действительно шпильку кто-нибудь обронил. Ничегошеньки. Туалетная кабинка с душем и прокачным морским унитазом, зеркало, шкафчик... Весы на полу. Заглянула под койки, прощупала пол. Ничего, кроме пары вонючих палубных туфель-топсайдеров. Где бы взять что-нибудь плоское, узенькое, металлическое, чтобы поддеть защелку? Кинжальчик неизвестно где. Карманы вывернуты, висят наружу. Ее явно тщательно обыскали. Кожу на груди жгло – похоже, что там здоровенная ссадина. Словно кто-то потерялся небритым подбородком... Бр-р!

«Плоское и металлическое? ЯЗЫЧОК ЗАСТЕЖКИ-МОЛНИИ У ТЕБЯ НА ДЖИНСАХ!»

Кари кое-как расстегнула джинсы. Стала потихоньку-помаленьку стягивать их вниз по ногам – очень мешали хомуты и на руках, и на

лодыжках. Попыталась было просунуть язычок молнии в замок одной из стяжек на руках, но без помощи пальцев ничего не получалось – свободно болтающийся язычок все время срывался, соскакивал с пластикового кубика. Ладно, попробуем на ногах. Две ножные стяжки были затянуты спереди. Крепко ухватив язычок кончиками пальцев, Кари вставила его в замочек верхней стяжки. Нет. Нет. Выскакивает, сволочь! Нет. Нет. Нет. Да! Защелка подалась, длинный свободный хвост хомута выскользнул из замка и, разогнувшись, упал на пол. Она сразу же затолкала его под койку, чтобы не бросался в глаза.

Потерла красную полоску на ноге, оставленную впившейся в нее пластиковой лентой, и принялась за следующую стяжку. Эта оказалась поупрямей – сдалась только на двенадцатой попытке. Замки оставшихся располагались сзади. С одной из них, очень туго затянутой, пришлось возиться на ощупь. Ушло на это добрых десять минут, в течение которых под корпусом катера вместе с водой неумолимо убегали назад время и расстояние. Вторая оказалась посвободнее, и ее удалось провернуть вокруг ног – с ней Кари справилась всего за три попытки.

Но как же все-таки подступиться к тем, что на руках? Без помощи пальцев с крошечным язычком от молнии никак не справиться. Он лишь бессильно тыкался в пластиковый кубик замка, все время соскакивая с него.

Сидя на полу, Кари привалилась головой к краю койки. Вдруг – чьи-то шаги за дверью каюты.

Раз ноги свободны, можно драться даже со связанными руками. Спрятать ноги под койку, притвориться спящей? Нет, драться!

Тем более что в душевой кабинке есть тяжелые весы.

Кари поднялась на ноги – спокойней, спокойней! – и связанными руками воздела весы высоко над головой. Едва только на пороге каюты показался Матео, как она с такой силой врезала ему ногой по яйцам, что он едва не оторвался от пола. Еще один пинок в солнечное сплетение прервал готовый сорваться с его губ крик, Матео согнулся пополам, и в ту же секунду на затылок ему со всей силы обрушились тяжеленные весы. Он рухнул на металлический пол лицом вниз. Повернув свое орудие боком, Кари дважды врезала ему по черепу углом весов. Второй удар прозвучал уже скорее как шлепок, словно угодил во что-то мягкое. Остро запахло мочой, под неподвижным Матео стала быстро расплываться бесформенная лужа.

Он всего лишь пару раз что-то глухо каркнул – едва ли громче, чем приглушенный гул моторов и шлепки волн о корпус. Может, Ганс-Петер из-

за штурвала ничего и не услышал, но через несколько минут он все равно определенно хватится Матео.

Руки, руки, нельзя плыть без рук – разве что лечь животом на спасательный круг или жилет! Еще раз проверила каюту – по нулям. Быстро обыскала Матео в надежде найти нож или ствол. Но у Ганса-Петера хватило ума не отправлять вниз этого беспредельщика вооруженным. В карманах – ничего ценного, только коробочка с какими-то дурацкими мятными драже, черт бы их побрал!

Как еще можно освободиться от этих проклятых стяжек?! Со связанными руками далеко не уплывешь. С каждым натужным вдохом в ноздри проникали запахи, которыми была пропитана лодка. Запахи грязных простыней и запекшейся крови. Мочи от валяющегося под ногами мертвеца. Нестираных носков от палубных туфель, **КОЖАНЫЕ ШНУРКИ КОТОРЫХ ЗАПРОСТО ПЕРЕПИЛЯТ ПЛАСТИК.**

Сколько у нее времени? Да всего ничего.

Ганс-Петер уже орал вниз из-за штурвала:

– Проверь хомуты и пулей назад, Матео! Если ты ее трахнешь, я тебя просто убью! Мы продаем только свежее мясо!

Кари отыскала вонючие туфли, пальцами и зубами развязала и вытащила кожаные шнурки. Связала их вместе, чтобы получился один длинный. Прдела получившийся кожаный шнур над стяжками, на концах завязала по широкой петле. Вставила в них ступни, как в стремя, и принялась попеременно сгибать и разгибать ноги, словно на велосипеде – кожаный шнур, посвистывая, заелозил туда-сюда, вгрызаясь своими острыми гранями в крайние стяжки. Пластик нагрелся, закурился дымком, связанные руки окутали теплые волны.

Опять вопль Ганса-Петера:

– Матео, быстро наверх, сукин ты сын! Я не давал тебе разрешения лизать ей сиськи!

Правой-левой, раз-два, кожаный шнур все вжикает по пластику. Дымок, тепло, и вдруг – ПУМ! – одна из боковых стяжек лопнула, распрямилась, свалилась вниз. Шнур перескочил на следующую. Опять вжиканье, струйки дыма – ПУМ! – вот и вторая на полу. Но тут одна из петель вдруг соскочила со ступни. Сумасшедшая секунда, чтобы опять заправить ее на место, – и опять вжик-вжик-вжик! Не останавливаться! Вжик-вжик-вжик – ПУМ!

Вжик-вжик-вжик-вжик-вжик-вжик – ПУМ!

Руки наконец свободны – только немного занемели; в них словно вонзились сотни маленьких иголок, когда кровь вновь побежала по

сосудам.

Встав ногами на койку, Кари подлезла головой под выступающий над палубой прозрачный люк, как раз вовремя, чтобы увидеть проплывающий над ним огонек и полоску света – лавандовую, словно небо распахнутого клюва ястреба. Нижняя часть мостового пролета на дамбе! И тут же высоко наверху две звездочки – красная и белая! Это предупредительные огни для самолетов на высоких антеннах по соседству со Станцией морских птиц, где остались ее учебники и пакет с подкормкой для деревьев! Когда катер подальше отошел от моста, она увидела быстро летящую вдоль него цепочку автомобильных огней – словно очередь трассирующими пулями из тяжелого пулемета.

Стоя на койке, можно запросто открыть световой люк. Но люк – на носовой палубе. Ганс-Петер из-за штурвала сразу это заметит. Катер, не сбавляя хода, двигался уже значительно южнее дамбы. Медлить нельзя.

Вдруг двигатели сбавили обороты, застучали-затряслись на холостом ходу. Кари быстро защелкнула хлипенькую щеколду на двери. Вопли Ганса-Петера доносились уже откуда-то с трапа, ведущего в каюту.

Спускается вниз!

Она толкнула обеими руками люк и, подтянувшись, выбралась на палубу. Ганс-Петер уже неистово пинал дверь каюты.

С собой он прихватил ружье с транквилизатором.

Заметив распахнутый люк, Шнайдер тут же бросился обратно наверх, громко стуча ногами по трапу. Разбежавшись по палубе, Кари прыгнула ласточкой за борт, без всплеска вошла в воду и быстро поплыла к темному размытому силуэту Птичьего острова.

Практически в ту же секунду на палубу выскочил Ганс-Петер с ружьем в руках. Развернул мощный прожектор, поймал ее в луч, вскинул ружье.

Оказавшись в потоке яркого света, Кари тут же нырнула. Дно оказалось совсем рядом – она даже видела чуть впереди свою собственную тень, скользящую по песку под лучом прожектора.

Скоро пришлось привсплыть, чтобы глотнуть воздуха, – легкие уже были готовы взорваться. Опуская голову обратно под воду, Кари услышала, как хлопнуло ружье. Дротик бессильно воткнулся в путаницу волос, быстро скрывающуюся под водой.

Ганс-Петер злобно уставился на протянувшуюся от катера искрящуюся световую дорожку. Больше дротиков при себе нет. Придется спускаться вниз.

Бросил ружье в открытый люк на койку, метнулся обратно к штурвалу. Прожектором можно было управлять и с открытого мостика – кнопками, –

и ослепительный луч, пошарив над водой, опять нашел Кари. Ганс-Петер толкнул обе рукоятки газа вперед до упора. Катер присел на корму, рванулся вперед. «Да если даже и раздавлю на хрен этой долбаной лодкой, все равно не уйдешь!»

Кари умела плавать быстро, но плавать так быстро ей еще никогда не доводилось. Два мощных дизеля завывали позади все ближе и ближе, но неумолимо приближался и остров, до которого оставалось всего каких-то полсотни ярдов.

Моторы, казалось, ревели уже где-то прямо над головой, яркое световое пятно убежало далеко вперед – высокий форштевень оказался так близко, что даже опущенный до упора прожектор был уже совершенно бесполезен. И тут катер с полного ходу сел днищем. Несколько секунд слышались только хруст, скрежет и треск, пока он по инерции полз по россыпям мелких камешков на песчаной отмели, окаймляющей Птичий остров. Ганс-Петер, крепко ударившись грудью о штурвал, вылетел через ветрозащитный козырек мостика на носовую палубу, но моментально вскочил.

Кари плыла, пока не начала задевать руками песчаное дно. Потом выпрямилась и, вспенивая воду, отчаянно пошлепала к нависающему над водой темному силуэту Птичьего острова. Быстрее, быстрее! Хотя не лучше ли разобраться с ним прямо в воде? «Развернись и задай ему перцу! Нет, в воде я не могу бить ногами, а у него пистолет».

Скорее в мангровую чащу, скорее на остров! Спотыкаясь о раскиданный по земле мусор, выброшенный с прогулочных лодок и нанесенный с реки – сломанные термоящички, бутылки, пластиковые кружки, – она все бежала без оглядки, перепрыгивая через белеющий в полутьме между деревьями светлый хлам и спотыкаясь о темный, вдыхая крепкий запах птичьего помета. Вразнобой забормотали сидящие в гнездах птицы, закопошились на деревьях разбуженные скворцы, громко возмутились ибисы.

На острове – ни одной расчищенной дорожки, только узенькие заросшие тропки.

На то, чтобы сгонять вниз за дротиками и отдать якорь – иначе севший на мель катер вскоре унесло бы приливом, – у Ганса-Петера ушли считанные секунды, после чего он тоже спрыгнул в воду. Быстро загнав в ствол новый дротик, на своих длинных ногах он поспешно двинулся вброд к густым мангровым зарослям на краю Птичьего острова, с ружьем в одной руке и фонарем в другой. Пистолет заткнул сзади за пояс.

Нужно было спешить – морской патруль мог в любой момент обратить

внимание на перекосившийся на мели катер. Продратся сквозь густые заросли у воды оказалось нелегкой задачей – мешали ружье и тяжелый фонарик.

Спотыкаясь и оступаясь, Кари добежала почти до того места, где недавно сняла с дерева запутавшуюся в леске скопу. Сейчас бы хоть какое-нибудь оружие! Что угодно – дубинку, рыболовный гарпун... господи, да хоть что-нибудь!

Мертвая птица, тоже запутавшаяся в леске. Потом еще одна. Сломанное удилище. Пустая коробка от пива «Миллер Лайт».

Под бледной луной чередой неслись облака, тусклый лунный свет то и дело еще больше тускнел, помигивал, словно пульс.

Тысячи птиц что-то бормотали, ворочались среди густых древесных крон. Кругом пронзительно пищали голодные птенцы, пока родители не успокаивали их, отрыгнув в жадно разинутый клюв полупереваренную рыбу.

Вдоль края мангровых зарослей деловито шагала ночная цапля, высоко поднимая голенастые ноги и то и дело замирая на месте, изогнув змеиную шею и нацелившись куда-то острым клювом. Ночь была полна жизни.

Кари все еще тщетно шарила глазами по земле в поисках кого-нибудь оружия, когда вдруг услышала, как Ганс-Петер с треском проламывается через заросли, – выходит, успел уже выбраться на сушу. Замерла, затаилась за каким-то темным кустом. Вскоре среди веток мелькнула гладкая, как бильярдный шар, голова, подсвеченная призрачным лунным светом. Он прошел совсем близко. Сзади за поясом – пистолет. В ухе – серьга Антонио. Пройдя мимо, вышел на небольшую прогалину, на которой она обнаружила висящую на дереве скопу.

Кари осторожно попятилась дальше в кусты – может, получится обойти его сзади и выхватить пистолет из-за пояса. «Так-так, аккуратней. Потихоньку пробуй ногой землю, прежде чем ступить всем весом. Чтобы ни одна веточка не хрустнула».

Но тут где-то у нее над головой с громкими воплями снялся с дерева попугай, затрепал крыльями, полетел прочь. Ганс-Петер резко развернулся к ней, вскинул ружье с транквилизатором. Хлопок. Как только дротик прожужжал возле самого уха, Шнайдер сразу кинулся на нее. Кари изо всех сил пнула его ногой в ляжку, но он навалился, обхватив обеими руками, повалил, прижал к земле. Руки ее оказались намертво прижаты к груди. Ганс-Петер был очень силен. Намертво захватив ее шею согнутой рукой, другой он уже шарил в кармане – искал запасной дротик, чтобы просто

воткнуть его, как шприц.

Вдруг что-то задело ее по лицу – то, что свисало у него с шеи, болталось прямо перед ее глазами, – и она поняла, что это ее крест Святого Петра. Ганс-Петер перехватил ее другой рукой, чтобы залезть в противоположный карман, и в этот момент Кари резко ударила его головой в переносицу. Потом еще и еще. Рука сама поймала болтающийся в воздухе крест, выдернула из него лезвие с переключателем. Короткое, но и не то чтобы очень! Она ткнула его в мякоть прямо под подбородком, потом еще и еще, почти в одно и то же место, раскачивая клинок из стороны в сторону, проворачивая винтом. Клинок проникал ему в рот, разрывая крупные кровеносные сосуды под языком – собственно, на что-то подобное он и был рассчитан. Шнайдер выпрямился, сел на колени, вцепившись скрюченными пальцами в лицо, разразился кашлем, выплевывая тягучие брызги крови. Извернувшись, Кари выбралась из-под него; он потянулся было за спину за пистолетом, но опять схватился за горло – кровь теперь струилась у него из ноздрей, ручьями заливала грудь, совершенно черная в лунном свете. Вскинул голову и тут же сложился пополам, стал неуклюже отползать. Кари выдернула у него засунутый сзади за пояс пистолет и выстрелила ему в позвоночник. Ганс-Петер привалился к дереву, на котором некогда висела скопа. Сидел спиной к дереву и смотрел на нее в лунном свете. Она смотрела на него в ответ. Не моргая, смотрела ему прямо в глаза, пока он не умер. Тогда Кари подошла к нему и стянула с шеи свои четки с верхушкой крестика.

* * *

Здесь его и найдут, когда придет черед, – найдут представители власти, которых вызовет какой-нибудь любитель наблюдать за птицами, прибывший сюда на лодке. Он все так и будет сидеть под деревом, а на обоих плечах у него будут топтаться грифы, словно темные ангелы, свойственные его натуре, осеняя его своими черными крылами и расклеивая мягкие части его лица; так и будет неподвижно сидеть, оскалив свои собачьи посеребренные зубы, которые отныне ему никак не спрятать.

Небо все заметней окрашивалось в рассветные тона. Гнездовье на глазах оживало. С Птичьего острова Кари уже могла различить силуэт дамбы – огоньки на высоких вышках возле Станции морских птиц на

глазах тускнели, как тускнеют звезды с наступлением рассвета. Станции, на которой остались ее учебники, ее пакет с «Вигоро», ее студенческий билет колледжа Майами-Дейд.

Она подобрала пару двухгаллонных пластиковых бутылей – одна уже была с крышечкой, горлышко другой пришлось затянуть обрывком полиэтилена, примотав его леской, – связала их между собой, соорудив нечто вроде спасательного нагрудника. А затем, прошлепав по мелководью и окунувшись в воду, Кари поплыла навстречу новому дню.

*Майами-Бич, Флорида
2018 г.*

Благодарности

Большое спасибо Бюро квакеров при ООН – за полевые исследования «Голоса девочек-солдат», проведенные под руководством Ивонны Е. Кирнс, доктора гуманитарных наук.

Благодарю также сержанта в отставке Дэвида Риверса из Отдела по расследованию убийств Управления полиции округа Майами-Дейд – за то, что в свое время включил меня в состав слушателей серии семинаров, посвященных специфике подобных расследований, где он выступал в роли преподавателя и составителя учебных планов.

Станция морских птиц на Пеликан-харбор занимается лечением пострадавших птиц и животных, которые после курса реабилитации могут вновь возвратиться в родную среду. Это выдающееся учреждение, служащее высоким гуманным целям, существует только благодаря добровольным пожертвованиям и волонтерам. На станции всегда рады видеть неравнодушных посетителей.

Но больше всего я благодарен самому этому месту – Майами, просоленному, ароматному и прекрасному, в высшей степени американскому городу, который построили и поддерживают в отличной форме люди, прибывшие сюда из самых разных краев, зачастую и просто на своих двоих.

notes

Примечания

1

Хесус – испанский вариант имени Иисус. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

Это, по сути, скорее довольно узкая (не более 15 км) прибрежная лагуна, в северной своей части разделяющая длинную косу, на которой расположен Майами-Бич, и собственно город Майами. А вот упоминающийся далее Северный Майами-Бич, несмотря на название, находится еще глубже на материке, к западу от города.

3

Пабло Эмилио Эскобар Гавирия (1949–1993) – знаменитый колумбийский наркобарон, глава Медельинского наркокартеля, один из богатейших людей планеты. Убит в 1993 г. в перестрелке с колумбийским спецназом.

4

Был в биографии знаменитого американского изобретателя и такой сомнительный рекламный трюк, в 1903 г. Кстати, это не единственная подобная казнь в Америке – в 1916 г. за убийство дрессировщика повесили на подъемном кране слониху Мэри.

5

Вообще-то это культовое для любителей сверхскоростных катеров место больше известно как Thunderboat Row или же Gasoline Alley, – там, в частности, располагалась знаменитая верфь Cigarette, и там мафиози убили ее основателя – конструктора и гонщика Дона Аронау. Сейчас это практически пустырь, отрезанный от воды автострадой.

6

Песенка I'm singin' in the Rain («Поющие под дождем») из знаменитого одноименного киномюзикла.

7

Название белковой структуры, стабилизированной одним или двумя ионами цинка, термин из области биохимии и генетики.

8

Наверное, стоит упомянуть, что дом Эскобара на западном берегу Майами-Бич действительно был – по адресу Норт-Бэй-роуд, 5860. Снесли его только в 2016 г. При сносе нашли два больших потайных сейфа – правда, без всяких сюрпризов. И винтовая лестница в нем тоже имелась. Цвета он был розового, если что.

9

Напряжение сети переменного тока в США – 120 вольт, 220-вольтовые розетки, подключенные через конвертер, – большая редкость.

10

«Любовь» и «ненависть» (*англ.*).

11

Чулета – говяжья, свиная или баранья котлета вокруг отруба реберной косточки.

12

Ламантин – травоядное водное млекопитающее размером с крупного тюленя. Несмотря на защитные меры, ламантины по-прежнему включены в список исчезающих видов.

13

Привет!

14

Большое спасибо.

Спасибо, красотка! – *Здесь и далее – пер. с исп., если не указано иное.*

16

Простите!

17

Никому ни слова, старина. Ясно?

Конечно, сенъор.

19

Мамаша.

Оскорбительная надпись с расистским подтекстом, обычно сопровождается флагом Конфедерации.

Хозяин, начальник.

С нами Бог! *(Нем.)*.

23

Работяга.

Порядок – длинный (нередко более километра) трос с поплавками, к которому более короткими отрезками троса (поводцами) крепятся корзины-ловушки.

25

Парни.

Говнюков, засранцев.

27

Бесплатный транспорт! Всех развезу по домам!

Поехали со мной! Остановка у буфета «Джумбо»! Все, что только душа пожелает!

29

Все бесплатно!!!

30

Ты не пьяный за рулем?

Наверное, многие помнят, что при нормальной разборке «калаша» курок остается на боевом взводе и не мешает установить затворную раму с затвором, но у автора так. Очевидно, кто-то из братков Шнайдера, разобрал автомат, случайно нажал на спусковой крючок.

Было много шуму.

Не за что.

34

Имей в виду, юноша.

35

Почему бы и нет?

Это слово употребляется не только в значении «одинокий», но и «холостой».

Semper Fidelis – «Всегда верен» (*лат.*); известный девиз, в том числе морских пехотинцев США.

«Нарко» – американский криминальный сериал (2015), очень популярный в испаноязычных странах, поскольку изначально снимался на испанском языке. Один из основных персонажей – Пабло Эскобар.

FARC (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia), она же «Армия народа» – леворадикальная повстанческая группировка, внесенная рядом стран в список террористических организаций.

«London Good Delivery» – один из самых известных и распространенных размерно-весовых стандартов золотых слитков.

Золото-серебряный сплав, получаемый на золоторудных месторождениях и отправляемый на аффинажные заводы для последующей очистки.

Тола – традиционная индийская мера веса золота (0,375 тройской унции, или 11,6638 г).

Конечно.

44

Наличные деньги.

45

Соси яйца!

Все абсолютно законно. Ты знаешь, я человек слова.

47

Сеть магазинов стройтоваров и товаров для дома и сада.

Основной судоходный фарватер, ведущий из залива Бискайн в открытый океан.

Пречистая Милосердная Дева Кобрийская. По преданию, явилась терпящим бедствие рыбакам неподалеку от кубинского городка Эль-Кобре. Полное имя Кари – Caridad – как раз и означает «милосердие».

Bird Key – пара крошечных диких островков в лагуне, в полукилометре от Майами и двух километрах от песчаной косы, на которой расположен Майами-Бич.

Гондурасская лепешка с начинкой; блюдо, аналогичное мексиканским тако или буррито.

Тушеное мясное рагу с овощами.

Источник благодати.

Наемные убийцы.

Зверь, чудище.

FM-радиостанция на испанском языке, вещающая в Майами.

Деръмо!

Административный округ, в который входят город Майами и значительная прилегающая к нему территория.

Интегрированная система баллистической идентификации (IBIS) – компьютерная база данных ФБР, содержащая сведения обо всех известных случаях применения огнестрельного оружия, а также индивидуальных особенностях примененного оружия и боеприпасов. Куантико – центральная база ФБР в США.

Уильям (Билли) Франклин Грэм (1918–2018) – знаменитый американский проповедник, пастор баптистской церкви, отличавшийся энергичной и экспансивной манерой ведения проповедей.

61

Официальное название – «Объединенное исправительное учреждение», одна из крупнейших тюрем строгого режима в штате Флорида, расположена в г. Рейфорд.

Компиляция из стихов 18, 19 и 20 главы 3 Книги Екклесиаста (синодальный перевод).

63

Мера веса, традиционно используемая для измерения веса пуль и пороховых зарядов, – 0,0648 г. В ювелирном деле свой гран – 0,05 г.

По преданию, один из двух разбойников, которые были распяты вместе с Иисусом Христом. Ранее вместе со многими участвовал в хулении Христа, но потом раскаялся. Считается святым покровителем заключенных.

65

Пистолет под фирменный патрон SIG Sauer размерностью 9×22 мм на основе гильзы калибра.40, обладающий высокой останавливающей способностью.

66

Отплатил Господь!

Добро пожаловать.

Бачата – музыкальный стиль и танец Доминиканской Республики, получивший широкое распространение в латиноамериканских странах Карибского бассейна; Мончи и Александра – популярный дуэт из Доминиканы, исполняющий музыку в стиле бачата.

69

Здесь: парень.

Сигнал, появившийся во время испано-американской войны за независимость в начале XIX в., музыкальная фраза из боевого марша повстанцев. Расшифровывается как «Пленных не брать!».

71

Говорите.

Ваше Преосвященство.

Ваше Преосвященное Высокопреосвященство.

Ваше Благолепие.

75

Долбаный мудаk.

Прыщ плешивый! (*Венесуэльск. диал.*)

Известный отель в колониальном стиле в столице Гаити – как говорят, послуживший прообразом отеля «Трианон» в знаменитом романе «Комедианты» Грэма Грина.

78

Портовый городок в 100 км от Порт-о-Пренса.

Расхожее название автострады «Интерстейт 75», пересекающей национальные парки «Биг Сайпресс» и «Эверглейдс».

AR-15 представляет собой гражданскую версию автомата AR-10, предусматривающую только полуавтоматический (самовзводный) режим – примерно как наша «Сайга» на базе «Калашникова». Но умельцы есть везде...

81

Без прошлого?

Эмпанада – практически любой жареный пирожок с начинкой, чоризо – острые мексиканские колбаски.

Операция по вывозу 14 тысяч детей с революционной Кубы в начале 1960-х гг., координируемая правительством США, ЦРУ и властями католической церкви города Майами. Проводилась в рамках идеологической кампании против Кубы: кубинские родители, напуганные слухами о том, что новый режим будет отнимать у них детей, сами давали разрешение на вывоз своих детей в США.

Популярная во Флориде игра в мяч с отскоком от стенки, пришедшая из стран Латинской Америки.

Птица семейства цаплевых, иначе называется «ночная цапля».

Мазь с набором антибиотиков, вообще-то от прыщей. Так что аптечка и впрямь небогатая.

Местами эта небольшая речка действительно напоминает натуральную свалку, засыпанную горами пластика и металлолома, несмотря на все усилия властей и волонтеров ее очистить.

Отрезок лески или шнура с крючком и приманкой, крепящийся к основной леске.

Обрезы в США запрещены законодательством, длина ствола гладкоствольного оружия должна составлять не менее 18 дюймов.

Популярная композиция *Travesuras* американского певца и автора-исполнителя Ника Риверы Каминеро, больше известного как Ники Джем.

91

ЕСТЬ! (*нем.*)

Довольно популярная сувенирная игрушка – дудочка, издающая жутковатые замогильные звуки.

Устаревшая внесистемная единица измерения длины – одна десятимиллионная доля миллиметра.

Taser – электрошоковый пистолет, стреляющий двумя острыми стрелками на длинных тонких проводках.

Пре-сале (*фр.* pré-salé) – мясо ягненка, выкормленного на приморских лугах, которое не надо солить – оно уже и так пропитано морской солью.

Отборные престижные улитки.

«Отборные улитки» (фр.).

«Улиточный суп».

99

Популярная марка отбеливателя.

100

Букв. милый котеночек.

101

Разрешите.

Это так здорово! (*фр.*)

Грузовая удлиненная модификация поршневого самолета «Дуглас DC-6», выпускавшегося с 1946 по 1958 г. В странах «третьего мира» кое-где еще летает.

К вашим услугам.

Жорж Огюст Эскофье (1846–1935) – французский ресторатор, критик, кулинарный писатель, популяризатор традиционной французской кухни.

Подобным способом промышлял в юности и будущий наркобарон Пабло Эскобар.

С ходу сочиненная псевдолатинская белиберда – «какой-то там звук».

Как ты?

Автомобиль с очень низкой посадкой, популярный среди латиноамериканских любителей пафоса. Иногда оснащается управляемой гидравлической подвеской, не только приподнимающей кузов от асфальта, но и позволяющей машине подпрыгивать, переваливаться с боку на бок и пр.

110

Черт побери!

Комиссия по ценным бумагам и биржам США.

Многофункциональный карманный инструмент фирмы Leatherman – складные плоскогубцы с ножами, отвертками, шилом, пилочками, ножницами и пр. в рукоятках.

Судя по всему, племянник Бенито скопировал bang stick под названием «Сиузэй», разработанный для военных пловцов. Большинство подобных шокеров снаряжается обычным пистолетным или винтовочным патроном.

Кокаин (*кубинск., сленг*).

4,3-метровый. Гребнистый крокодил, одинаково хорошо чувствующий себя как в пресной, так и в соленой воде, – самый крупный представитель отряда крокодилов и вообще крупнейшая хищная рептилия на планете; не редкость экземпляры длиной более 6 м и весом около тонны.

Американский актер кубинского происхождения (1907–1994), жгучий брюнет и покоритель женских сердец.

Container Security Initiative (CSI) – подразделение Министерства внутренней безопасности США с отделениями за пределами страны, созданное после терактов 11 сентября 2001 г. Основная задача – препятствовать отправке опасных грузов на территорию Соединенных Штатов.

Прибор для измерения магнитной индукции.

Город в Колумбии, давший название наркокартелю, который возглавлял Пабло Эскобар.

«Аз есьмъ Милосердная дева Кобрийская».

121

Как скажешь.

Ave – «радуйся» (*лат.*).

Одна из самых известных американских тюрем, расположенная в окрестностях Нью-Йорка. Намек на то, что даже в тех штатах США, которые не отменили смертную казнь, смертные приговоры часто откладываются на неопределенный срок.

Это не ошибка и не опечатка – именно столько стоит эта простенькая деталь фирменного производства со всеми необходимыми документами. Впрочем, лицензия класса 3 – это в первую очередь разрешение на коллекционирование раритетного огнестрельного оружия.

125

Белый мужчина.

«Креди Суисс» – второй по значению швейцарский финансовый конгломерат.

127

75 °F – примерно +23 °C. Для Южной Флориды действительно прохладно.

Юстиция, или Якобиния (*лат.* *Justicia*) – род цветковых растений семейства Акантовые (*Acanthaceae*).

Здесь: рождественский вертеп (макет), рождественские фигурки.

«Кеймарт» (Kmart) – одна из крупнейших сетей розничной торговли в США.

131

Точно.

132

Счастливого Рождества!

Миз – госпожа; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней.

134

Столица Эквадора.

135

Расхожее название самого популярного среди американцев отруба из плечевой части свиной туши, используемого для барбекю.

Еще один способ стрелять из AR-15 очередями, на сей раз легальный. Правда, по сути, это тот же самозарядный режим – на рукоятку и приклад надевается подпружиненная насадка под названием bum stock, в котором вся винтовка целиком ходит взад-вперед, и при каждом возвращении после отдачи спусковой крючок сам собой нажимает на палец стрелка, крепко прижатый к специальному упору накладной рукоятки. Приклад насадки при этом должен быть тоже прижат к плечу.

137

Сильнодействующий транквилизатор.

Шакира Изабель Мебарак Риполь (р. 1977, Барранкилья) – известная колумбийская певица, автор песен, танцовщица и модель; «Mi Verdad» («Моя правда») – одна из наиболее популярных ее композиций.

Table of Contents

[Томас Харрис Кари Мора](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)

[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)

[107](#)
[108](#)
[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)